

Юлия АЛЕВА

ЛЁД И ДОРОХ

Исторический детектив

Annotation

Иногда приходится жить дальше, чтобы кто-то другой умирал (с) Ксения Татищева «Пыль и бисер — 3»

Юлия Алева
Лёд и порох

— Ксения, я понимаю Ваши чувства, но господин Тюхтяев не был Вам мужем, так что траур по нему соблюдать странно. — графиня Ольга нервно постукивала кольцами о край чайной чашки. Темно-русые прядки, уложенные в модную прическу, подчеркивали своим совершенством упрек серых глаз.

А по мне так очень странно, если не сказать кощунственно, ходить по балам, когда над моим женихом еще могила не осела. Но Ольге виднее, конечно. И я китайским болванчиком посещаю приемы и вечеринки в честь Рождества и Нового Года. Прошлый сезон был куда как радостнее, с предвкушением чуда, с наивными страхами и трогательными перепалками с Тюхтяевым. Я напоминаю себе, что началось Рождество тогда с двух трупов и чудом сорвавшегося теракта в резиденции моего свекра, графа Татищева, и в целом год в этом отношении не задался, но вспоминается только хорошее. Вот он приносит мне шампанское с соломинкой, когда я мучаюсь в костюме мумии на великокняжеском балу, вот мы препираемся накануне Ходынской трагедии, вот мерзнем в подвале на Большой Морской, похищенные заговорщиками. Там он впервые поцеловал меня, кстати. Слезы бы очистили эту тоску, но их нет. Ни разу не плакала после его смерти. Отомстила и живу дальше — пустая, выжженная, наполненная лишь злостью, как ядовитым газом. Фурия. И стоит закрыть глаза вечером — я вновь оказываюсь в экипаже, чувствую прикосновение его губ и пытаюсь, но не успеваю предупредить его об опасности. Снова и снова мир разлетается на куски, а мне остается лишь боль, которая становится не слабее, но привычнее день ото дня.

В Святки доставили пакет из модного дома Уорта. Все внутренности словно схватила огромная когтистая лапа и выкрутила. Ни я, ни Ольга не вспомнили, что заказ на свадебное платье нужно отменить. Не прикасаясь к пакету приказала Усте спрятать его в сундуке. Это, конечно, знак, но вот чего? Евдокия к вечеру пришла наверх и попросила разрешения перекрестить меня своей семейной иконой, долго плакала. Боятся, что мертвый жених заберет меня с того света что ли? Да я и не против.

Оказалось, что после той ноябрьской трагедии в некоторых изданиях объявление о гибели неизвестного человека у дома графа Татищева мирно соседствовали с объявлением о грядущей женитьбе статского советника М.Б. Тюхтяева и вдовствующей графини Татищевой. Граф успел спрятать все газеты, но по такому случаю я посетила публичную библиотеку и убедилась. Так что платье было уже совсем мрачным напоминанием.

* * *

Ночью, тайком от всех, достала его и подвесила на двери. Я была бы потрясающе красивой невестой — нежно-нежно воздушное кружево цвета пены капучино, невероятная, сияющая светлым золотом фата, пачка кружевных нижних юбок... Ему бы понравилось. Да что там говорить, мне и самой нравилось.

* * *

Признаюсь, боялась дня своей несостоявшейся свадьбы. Думала вообще уехать из города на несколько дней — но куда бежать от себя? С утра навестила запорошенный снегом холмик, на который положила золотой ободок обручального кольца. Размер я определила по памяти, но надеюсь, ему там приятно. Потом заехала в Спас На Крови, но даже там благодать на меня не снизошла. Самое удивительное, что и случившееся на Финском заливе вообще не воспринимается как собственное действие — только как пересказ из третьих уст. Моя история закончилась на татищевском курдонере.

Дома я зашла в ту гостевую, в которой летом выхаживала Тюхтяева, вытянулась на кровати и попыталась восстановить в памяти тот суматошный, но счастливый период. Со стены слегка равнодушно взирала озорница в перьях, а прототип искал смысл в дальнейшем существовании. Вселенная уже не первый раз намекает, что подвиги на любовном фронте мне удаются все хуже и хуже, так что стоит сделать выводы и сконцентрироваться на тех задачах, о которых я думала раньше. Мечталось же победить все плохое во имя всего хорошего? Самое время начинать.

Для воплощения планов опять же требовалось активное мужское участие, и лучше всего на роль проводника подошел бы склонный к мистицизму сотрудник Генштаба, которому дух Суворова начнет давать дельные военные советы. Ну или что-то в этом роде подобрать. И для всех планов нужно вести гиперактивную светскую жизнь, так что Ольга снова оказалась права — пора выходить в люди.

* * *

Очередное шикарное вечернее платье. Синее, с глубоким декольте. Элегантная прическа, гляцевый макияж — едва заметный из микса ужасной местной и инфернальной косметики будущего. Подобрать достойные украшения из Петинского наследия и вперед — на подвиги. Новые мужчины, уже знакомые женщины, а порой наоборот. У кого-то спросить о здоровье любимой собачки, у кого-то про вязку лучшей лошади. Похвалить кружево на платье, выслушать очередные сплетни, расспросить генерала о Крымской войне (и в девятый раз за неделю выслушать описание единственной за карьеру удачной атаки), а вот с этим милейшим юношей можно обсудить толщину полосок на галстукке, модную в этом сезоне. Строго отмеренная доза кокетства, нормированные улыбки, немного лести, немного колкостей. Хороший коктейль, если уж быть честной с собой. Графиня Ольга, моя свекровь, пусть биологически и младше на два года (и на четыре старше по документам), очень довольна. Теперь меня не стыдно выпускать в люди, пусть и самой кажется, что это гламурный выпуск «Ходячих мертвецов». И точно налитая порция вискарря перед сном. Чтобы просто заснуть.

День, еще один. Скоро что ли пост?

Лучше бы работала до сих пор та калитка — наплевав на богатство и положение в обществе, сбежала бы не глядя туда, где ничто не напомнит мне о несбывшихся надеждах и неосуществленных планах. А еще лучше — найти другую, в утро второго ноября — и если не пролезть, так хоть предупредить эту дурочку пропустить бал. Но лимит моих путешествий, видимо, уже исчерпался.

О случившемся со мной практически никто не говорит, но информационный шлейф явно присутствует — флиртуют только отчаянно разорившиеся, игроманы или завзятые

дуэлянты. Уж и не знаю, кого бы выбрать. А выбрать кого-то уже точно надо. Одиночество накрывает удушливой лавиной каждый день, и алкоголь от этого не помогает, откровенно говоря. Как справляются эмигранты, я примерно в курсе — несколько моих одноклассников успешно осваивали в свое время самые разные континенты. Но ни скайп, ни сеансы психотерапии, ни транквилизаторы, ни даже занятия йогой мне здесь не светят, а значит нужно справляться как-то самостоятельно и придумывать что-то свое. Даже когда утром пялишься в потолок и нет сил поднять одеяло.

С очередного понедельника пообещала себе начать новую жизнь — без алкоголя и самобичевания. Несколько минут под ледяным душем, часовая прогулка на Лазорке, распланированный до последней минуты день: изучение новостей, деловые встречи с наконец переехавшим сюда купцом Калачевым, старым товарищем и благодетелем, его поставщиками, чай у графини Ольги, литературный вечер у Зданкевичей. И завтра тоже расписываем каждую минуту, чтобы вечером упасть в постель без сновидений.

* * *

А вот как раз у Зданкевичей — святые все же люди, относятся ко мне как нормальной, хотя о беде моей слышали, и не требуют фонтанировать радостью — встретился мне удивительный человек.

Николай Федорович Анненский — брат известного поэта, руководитель статистического департамента городской управы Санкт-Петербурга, этакий картинный красавец с курчавой бородой, растущей вперед почти параллельно земле. В профиль уж очень хорош. Я не имею на него видов, он едва ли не старше Николая Владимировича, но язык подвешен великолепно. Именно он и вещал о грядущем.

То есть начал он с обсуждения какой-то широко известной в этих узких кругах литературной новинки, причем как я ни вслушивалась, не поняла, кто же гениальный автор и о чем вообще речь. Мы тихо переговаривались с женой Зданкевича, Агнессой Витольдовоной. На редкость обаятельная полька, она исхитрялась создать удивительно теплую обстановку вокруг и обожала сплетни.

— О, Ксения, это удивительнейший человек, праправнук того самого Ганнибала, Абрама Петровича. Рассорился с отцом, жутко, по какому-то семейному денежному делу, и вместо чиновничьей службы поступил в университет. Вроде бы даже, — она это уже совсем шепотом произносила. — в народовольцах состоял.

Конечно, где бы еще с твоим мужем знакомство сводить — только по кружкам, да по собраниям. После смерти Тютчева я считалась уже безопасной для обсуждения подобных вольных тем.

— Но Вы не подумайте, Ксения, ничего такого. — она осеклась, вспомнив историю двухмесячной давности. — Милейший человек, убежденный пацифист.

Этот самый пацифист как раз воодушевленно обличал падение нравов современной Российской Империи. О, люди, вам еще «Дом-2» не показывают, не на что жаловаться еще.

— Его жена, Александра Никитична, известная детская писательница. Вы же, возможно, сами на ее книгах выросли!

Я невнятно промычала — понятия не имею о чем она писала. Из столь антикварных писательниц только Чарскую слету могу вспомнить.

— Вспомните, Вы не могли не читать «Робинзона Крузо!» Госпожа Анненская как раз переработала его для деток.

О, вот кому надо сказать спасибо за то, что прочитав весьма себе живенькую русскую версию, я как по битому стеклу тащилась через унылый и мрачный подлинник? Уже с большим уважением я покосилась на пятидесятишестилетнюю грузную даму.

— Сейчас у нее частная школа. А Николай Федорович как раз возглавил статистическую службу и пришел рассказать нам о грандиозной переписи населения всей Империи.

* * *

Первая перепись населения в Российской Империи организована несколько иначе, чем мы привыкли — полторы сотни тысяч переписчиков в один день выйдут в народ 28 января и составят всю картину страны. Перепись будет пофамильной, так что вопросов об анонимности больше не возникнет, и секретов от государства тоже. Повезло мне, что легализовалась до этой свистопляски.

— И, господа, дело чести любого образованного человека помочь в такой работе. — продолжал распинаться бородач. — Даже известнейший драматург Антон Павлович Чехов тоже изъявил желание.

Ну раз Антон Павлович изъявил, то мне сам Господь велел. Хоть с кем-то пообщаюсь на вольные темы.

— Николай Владимирович, я хочу поучаствовать в переписи населения. Может быть в Вичугу съездить? — родственников, которым так и не удалось сбить меня с рук, я навестила ближайшим же утром.

Граф сглотнул и переспросил.

— Что-что ты хочешь?

— Может быть, Вы с кем-нибудь поговорите? — я трогательно промокнула глаза. — Хорошее дело, государственное. И Вам можно будет при случае сказать, что вся семья задействована в таком богоугодном занятии.

— Ксения... — он только начал нависать над столом, как я уткнулась в платок. Черт, вот хоть бы одну слезинку выдавить! А так пришлось луковый сок закапывать.

Товарищ министра внутренних дел присел в свое огромное, роскошное кресло.

— Ну не плачь только.

— Я... Я не могу больше дома. Мне бы немного развеяться... — всхлипываю я и только одним глазом подглядываю.

Граф нервно закуривает и мы в тишине наблюдаем за клубами дыма.

— Может быть тебе в Европу съездить? На воды там куда... Ольга с удовольствием составит компанию... — надумал родственник, добив очередную сигарету.

— Смотреть на скучающих дам, озабоченных надуманными проблемами? — язвительно уточнила я.

— Ну не хочешь же ты пойти по стопам госпожи Блаватской? — родич подхватил иронию.

А что, Елена Петровна по своему времени была прогрессивнейшей женщиной — малс

кому в первой половине девятнадцатого века удалось так встряхнуть свет и сохранить место в обществе. О ней сейчас мало кто знает, а я в школе еще реферат написала о знаменитых земляках. Так вот, госпожа Блаватская родилась в Екатеринославе, а в Саратов попала, когда ее деда, Андрея Михайловича Фадеева в 1841 году назначили губернатором. Я видела их дом в девяносто третьем — в моем детстве там уже безликая бетонная коробка книгоиздательства появилась, а сейчас еще можно прикоснуться к гнезду выдающегося российского мистика и теософа. В тринадцать лет девушка отправилась учиться музыке в Париж и Лондон без сопровождающих лиц и (тут я ее очень понимаю) оценила прелести путешествий. В общем-то с тех пор практически не останавливалась. В восемнадцатилетнем возрасте девица выскочила замуж за человека гораздо старше себя, вела себя крайне дерзко и непокорно, и сбежала от него через три месяца. Навсегда, как оказалось. Через Одессу, Керчь и Константинополь совсем юная барышня отправилась в кругосветное путешествие. Задолго до появления отелей all-inclusive побывала в Каире, где изучала местные верования, посетила Грецию, Европу, Средний Восток, Индию. Будучи талантливой пианисткой, покорила Лондон, Нью-Йорк, наравне с простыми колонистами путешествовала на Дикий Запад, открыла для себя Скалистые горы, Японию, Сингапур. Периодически возвращаясь на родину наша героиня не только пристрастила друзей, родственников и знакомых к спиритизму и мистицизму, но и не оставляла тяги к приключениям, побывав в Сирии, на Балканах, в Венгрии. Есть версия, что, переодетая в мужское платье, даже принимала участие в восстании Гарибальди, где получила ранения, которые долечивала потом в Лхасе.

В сорок четыре года вновь вступает в брак с американским на этот раз гражданином, вскоре получает гражданство США и остаток жизни посвящает созданному ею же Теософскому обществу. Прожившая всего пятьдесят девять лет, не имевшая семьи, она оставила после себя множество учеников и последователей, снискала мировую славу и в мое время — практически полное забвение в России.

Так что в качестве примера она мне бы и не помешала, только вот внутренней потребности открывать духовные глубины я что-то не ощущаю. Хотя вот она-то бы поверила в мою сумасбродную историю. А может быть и есть что-то в этом всем — путешествовать, воевать, изучать что-то новое, неизведанное, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями... Но мне хочется вновь забраться в кокон одеяла и ни о чем не думать. Так что глобальные эзотерические открытия покуда пусть подождут.

* * *

— Елена Петровна, конечно, выдающаяся женщина, но я не хочу менять мир, Николай Владимирович. — я покрутила в руках платок. — А вот в Вичуге бы могла с удовольствием обойти крестьянские дома с анкетами. Все же вряд ли у Вас там вдруг началась поголовная грамотность.

Николай Владимирович пожевал губы и вдруг согласился. Даже больше того — за чаем графиня так расписывала мое решение, что заразила подобным социальным волонтерством нескольких своих приятельниц. И тут бы насторожиться, но я все еще пребывала в своей студенческой прострации.

С Николаем Федоровичем мы встретились в рабочем кабинете свекра. Я изобразила дежурную улыбку, а тот покосился с легкой досадой и усталостью.

— И вот, сударь мой, вдова графа Петра Николаевича, Ксения Александровна, решила поучаствовать в твоём деле. — рокотал голос графа, а я ела глазами посетителя. И то ли мольба моя сработала, то ли авторитет графа Татищева, но вручили мне означенное количество бланков, нагрудную бляху с эмблемой и личным номером, несколько раз зачитали инструкции и отправили в большое путешествие.

На перроне товарищ министра занял собой все пространство и долго и нудно напутствовал, распространяясь как о пользе дела государственного (я остолбенела — неужели так привык работать на публику, что между чиновниками и мной уже разницу не видит), так и о важности личного участия любого привилегированного сословия в жизни страны. Стоящий рядом невзрачный журналист торопливо конспектировал, графиня Ольга с волнением и нежностью любящей матери взирала на мою скромную персону, а я начала тяготиться этим спектаклем. К чему такое, если до того ни разу подобной помпы не устраивали?

— О, и чуть не запамятовал! — любезный рара картинно хлопнул себя по голове. — Для безопасности тебе, Ксения Александровна, сопровождение полагается.

Точно, не мог он просто так все это спустить. Я старалась собрать брови и челюсти в одно лицо покуда из-за спины родича выткался юноша бледный со взором горящим. Рослый, пусть и ниже Николая Владимировича, тускло-блондинистый, с небесно-голубыми глазами и пухлыми губами, он выглядел как ни разу не бывавший на солнце узник подземелья. Форменный мундир МВД сидел на нем похлеще, чем на мне — платья купчихи Калачевой в первые дни в данном измерении, так что картинка бедного родственника становилась полной. Остался лишь один вопрос — чьего?

— Это племянник вдовы моего троюродного кузена, Марии Аркадьевны Чемезовой, да вы же встречались в Москве во время коронации, помните, Андрей Григорьевич Деменков. — со знакомым уже хищным блеском серых глаз защебетала свекровь и подвела жертвенного агнца поближе ко мне.

Во время коронации меня представили нескольким сотням человек, которых я так и не запомнила. Когда сообразила, что записывать надо — уже больше половины позабылись. Ну была там нескончаемая орда малообеспеченных родственников губернаторской жены, о которых сам властительный чиновник отзывался порой весьма колко, но тогда меня не рассматривали с практической точки зрения. С тех пор я избегала семейных посиделок, зато они сами нагнали даже такую затворницу.

— П-п-поч-ч-чту з-за ч-ч-ч-честь. — неловко щелкнул он каблуками.

Ему лет-то сколько? Двадцать? Эти люди меня вообще за кого держат? Даже если принять во внимание, что о моем биологическом возрасте здесь не знают, да и самой пора бы помнить только одну биографию Ксении Нечаевой, мне уже двадцать шесть. Для женщины — солидный возраст, когда на подобных малолеток уже не бросаются без нужды. Но графиня Ольга твердо вознамерилась устроить всеобщее счастье, невзирая на желания своих жертв.

— Андрей Григорьевич теперь приписан к моему ведомству. — в лице графа мелькнуло что-то, что при должном оптимизме можно назвать смущением. — И тоже очень заинтересован переписью населения.

Отказываться поздно, бежать некуда, и я под несколькими парами глаз подаю руку для приветствия.

Мальчик долго рассматривает ее в недоумении, потом неловко пожимает. И тут звучит

спасительный гудок, под который мы спешно грузимся в вагон.

От столицы до Вичуги путь неблизкий, и стоило бы познакомиться, но я смотрела на своего спутника и не ощущала ничего кроме раздражения. Не будь рядом Усти — прикрылась бы требованиями хорошего тона и сослала в другое купе, но мелко это. Да, конечно, мальчик не виноват, его так же отдали в уплату по семейным счетам, но что тут с сердцем поделаешь? Внутренний голос, очнувшийся от многомесячного стенания по покойнику напомнил, что и Тюхтяева я поначалу тоже без радости воспринимала. Но это ж бред — равнять этих двоих.

— Андрей Григорьевич, а Вы бывали в Вичуге раньше? — я прервала тишину незадолго до ужина.

— Н-н-нет. — выдавил господин Деменков и покраснел еще больше. Отличная пара переписчиков — отморозенная вдовица и заикающийся гимназист.

— Это очень красивое поместье. Там похоронен мой первый муж. — я акцентировала речь на числительном.

— С-с-соб-б-б-болезн-н-н-ную. — он не отрывал взгляда от инструкции к переписному листу. Не очень вдохновляющее чтение, если уж начистоту.

— Благодарю. — я решила не быть сегодня доброй и открыть карты с самого начала путешествия. — А мой второй муж был убит накануне нашей свадьбы.

— М-м-муж? — видимо, об этом Ольга решила не распространяться. И поделом тебе, малыш, если уж тебя приставили попасть в мою постель, то нужно было домашнее задание лучше готовить.

— Жених. В день нашей помолвки. — я буравила его взглядом. — Полагаю, что не очень удачлива в матримониальных делах. Хотя, конечно, два случая еще не тенденция, а лишь совпадение.

Деменков осторожно отодвинул локоть от меня. Правильно, бойся черной вдовы, мальчик, бойся, раз уж родственники твои страх Божий утеряли напрочь.

— А чем Вы занимались до начала чиновничьей карьеры?

Коллежский регистратор — низшая ступень пищевой цепочки в государственной службе, да и туда взяли только по протекции высокопоставленного мужа дальней родственницы, поэтому вряд ли ты покуда этим гордишься. А вот откуда тебя такого принесло?

— В г-г-гимн-мн-мназии уч-ч-чился.

Гимназист. Я только глаза прикрыла.

— И давненько ли окончили? — насчет возраста стало еще интереснее.

— П-п-прошл-л-лоым л-л-летом. — он уже не мог пунцовать дальше.

И как мы с ним разговаривать-то будем? Есть, конечно, один способ.

— Вам по возрасту алкоголь-то позволителен? — прозвучало как вызов, и мальчик вскинулся.

— К-к-конечно! — гордо выдал он, почти и не заикаясь.

По-моему, здесь нет административной статьи за распитие алкоголя с несовершеннолетними. Ну, я надеюсь, что статьи нет. Теперь меня, если что, выручат некому. Уголки губ опустились книзу и лицо окаменело так, что стянуть его в светскую гримасу потребовало невероятных усилий. Пока бы уж перестать, но я каждый день его

вспоминаю, черт возьми, каждый день и каждую ночь.

После первого шпофа вина, которое я лишь пригублила, наблюдая за спутником из-под полуопущенных ресниц, стало немного проще. Он продолжал заикаться, но робость слегка растерял.

— Нас у папеньки с маменькой четверо осталось. Сестры замуж вышли, а братья маленькие еще. — он с аппетитом набросился на невнятный ужин, который в этом поезде готовили куда хуже, чем в привычном мне курьерском. Или тогда еда больше радовала, а сейчас все, как трава, или растущий организм не особо избалован. Вряд ли мальчонку держат в усадьбе, скорее всего, снимает какой-то дешевый угол, где на провианте экономят.

* * *

Итак, что же у нас есть. По особому благу или как всем прочим нам придется обойти 200 дворов. За один день. Интересный у нас аттракцион получится — 6 минут на семью. Это, мягко говоря, непросто.

— Итак, Андрюшенька, планов у нас — громадье, а времени — маловато. — оповестила я своего напарника за ужином. Мысль о том, что этот субъект может иметь какое-либо собственное мнение о грядущем, мне в голову не пришла.

Собственно Старая Вичуга едва не прошла мимо нас. Во-первых, это, как выяснилось, вовсе даже не хиреющий поселок городского типа, каковым он стал в начале двадцать первого столетия, а весьма себе преуспевающий центр прядильно-ткацких мануфактур, с населением крепко за двести дворов, причем предполагаемый уровень грамотности давал возможность многим из жителей заполнять бланк самостоятельно. Подозреваю, что графу моя самодеятельность все же пришлась не по сердцу, так что обеспечил он мне полный пакет погружения в реальный крестьянский мир, выделив более экзотичный маршрут.

На нашу с господином Деменковым долю доставались Вичуга и небольшие поселения, которые в самом ближайшем будущем станут единым населенным пунктом, а покуда еще хранят определенную самобытность.

Села Хреново. Мне уже нравится это название и прямо-таки хочется заиметь прописку в этом месте. Может, поговорить с графом и прикупить сельцо по соседству с родней? И тогда все лето они будут контролировать каждый мой шаг... Отдых получится хреновым во всех смыслах. Но как звучит-то: хреновцы и хреновки, хреновчане, добрую весть принесли мы в ваш дом.

Село Углец. Тоже земной поклон за название. Тут все звучит как песня. И хорошо сочетается с предыдущим населенным пунктом.

У меня хватило ума обдумать будущую работу заранее, и управляющий Вичуги сразу после завтрака встречал нас со старостами чудеснейших поселений.

Оба представителя местной муниципальной власти оказались столь схожи внешне, что стоило заподозрить чей-то игривый нрав, поскольку фамилии мужчины носили разные.

— Их Сиятельство графиня Ксения Александровна. — важно произносил управляющий, светловолосый статный мужчина лет сорока, явно посolidнее покойника Евлогина. — лично обойдет дворы с переписью.

Две пары глаз угрюмо изучали подол моей юбки. Так пристально, что я не устояла, тоже скосила взгляд — вроде бы чисто все, опрятно.

— Извольте познакомиться, Ксения Александровна! — управляющий Черкасов даже руками разводил как бывалый конферансье. — Староста Вичуги Ветлугин Семен Лукич.

Вперед выступил тот, который стоял слева. Росту невысокого, зато комплекции устойчивой, с окладистой черной бородой и глубоко посаженными темно-серыми глазами под весьма обильными щеточками бровей. Сущий пират прямо посреди Нечерноземья. Была бы кожа потемнее — подумала б на цыганские корни, но тут некоторая почти аристократическая бледность несмотря на активный крестьянский труд — по ладоням видно, что староста не из лентяев.

— Премного благодарны, Ваше Сиятельство, за Ваши труды. — заученно проговорил он. Ну, благодарности тут, положим, как выигрышных билетов в любой лотерее, а насчет меня пожелания включают дорогу дальнюю, да двери крепкие, но пока улыбаемся и машем, Ксения, улыбаемся и машем.

— Рада с Вами познакомиться. — вежливо кивнула и нежно улыбнулась. Не помогло.

— А Степан Михайлович Судаков — из Хреново. Заодно и Углец Вам представит. — этот помладше коллеги лет на пять, зато попухлее в области пояса. А так — точная копия.

— У вас матери в родстве состоят? — не смогла промолчать я.

— Нет. — отрезал старший и я догадалась, что местные семейные секреты мне поведать явно не захотят.

— Ну что ж. — я покосилась на своего спутника, который продолжал лихорадочно штудировать инструкции. — Послезавтра начинается перепись населения. Дело важное, государственное. Мы с Андреем Григорьевичем начнем с Вичуги, потом двинемся в Хреново, а после полудня приедем в Углец.

Мой спутник только кивнул. Мог бы и посерьезнее выглядеть — в век патриархата мое слово весит втрое легче его. Конечно, живи я тут подольше, выстроила бы всех в струночку, но пока надобно работать с тем, что есть.

Управляющий, сочтя свою миссию выполненной, хотел было покинуть поле боя, но я жестом остановила его и пригласила на стол, на котором призывно блестел штоф водки и пара бутылок вина. На них оставалась последняя надежда, и она сработала. Горничная еще дважды метнулась в погребок, и вот раскрасневшиеся старосты уже соглашаются за пару дней оповестить всех жителей быть дома и по возможности кратко и быстро отвечать на вопросы графини. Мужчины некоторое время перебрасываются взглядами, потом кивками вызывают друг друга на разговор, потом постепенно переходят к едва заметным тычкам. Опасаясь за графскую мебель, начинаю пристально смотреть на обоих, держа в памяти, что это не в глазах двоится от выпитого, а два взрослых мужика ведут себя хуже детей.

— А правды ли, что по этим спискам души в Страшный Суд сам Сатана пересчитывать будет? — это заговорил младший пират. Его алкоголь цеплял куда сильнее, и я лично заботилась, чтобы рюмка не пустела.

— М-м-мрак-к-коб-б-бесие к-к-к-как-к-кое! — не сдержался мой напарник. Вот молчал бы лучше.

Я улыбнулась во все лицо, пытаясь за оскалом скрыть панику — подобные слухи могут здорово попортить нам кровь.

— Нет, конечно, Святые Отцы лично благословили это начинание, так что это заради Господа все делается. — уверенно, словно сама при этом присутствовала, продекламировала на всю комнату.

— Ну коли благословение дадено... — протянули гости.

— Дадено-дадено. — кивала я и до синяков отдавливала ногу коллежскому регистратору, который все рвался разъяснить старостам достижения современной науки.

Старост удалось сплавить до обеда, на который экстренно пригласили местного священника. Поскольку этому лгать про массированное церковное благословление на самом высшем уровне бесполезно, я пожертвовала собой и отправилась к святому отцу ножками. Заодно и алкоголь выветрится. Деменков ворчал что-то под нос, спотыкаясь о сугробы, но я уже не напрягала уши расшифровкой претензий. Третьим в нашем тандеме оказался кучер, который помнил еще мое достопамятное путешествие с Евлогиным, и потому взирал на мальчика так, словно тому в гробу уже прогулы ставят.

Церковь Сергия Радонежского сияла медной крышей под скудным зимним солнцем и выглядела так, как показывают в фильмах о екатерининской эпохе, хотя и построили ее в царствование Николая Павловича. Меня лично особенно потрясли огромные полукруглые окна, словно в зимних садах. Шпиль над колокольной почти копировал Адмиралтейство, а однокупольный белоснежный храм в стиле позднего классицизма выглядел элегантно, словно не в глухой провинции построен, а чуть поодаль от Большой Охты. Окружающее храм кладбище само по себе намекало на это сходство.

— Отец Феофан! Какое счастье видеть Вас снова. — я настоятелем мы познакомились еще на похоронах Петеньки, да и с тех пор ежегодно встречались именно во время поминальных молебнов.

— Благословена будь, раба Божья! — по привычке перекрестил меня высокий и худой как жердь настоятель. Борода с моего прошлого визита окончательно утвердилась в белизне, а бледно-бледно серые глаза смотрели уже словно наполовину из лучшего мира. Сдал человек за два с половиной года так, как у нас за десять стареют. Управляющий Черкасов как-то вскользь проговорился, что за год четверых детей схоронил. Пусть и взрослые, но все же кровинушки.

— Как Вы? — вместо заготовленной речи взяла его за руку.

— Да Господним промыслом. — слабо улыбнулся старик. — Вот матушку схоронили в самый Сочельник.

— Соболезную. — что еще скажешь. — Я тоже в ноябре близкого человека потеряла.

Потеряла. Едва рассмотрела и сразу потеряла.

Мой собеседник кивнул и проводил к канунному столу. Там поставила по привычке самую большую свечу в память о Петеньке и еще одну за упокой души того, кого и любить-то по-настоящему стала после смерти. Петина свечка загорелась сразу, а тюхтяевская и из рук выпадала, и разгораться не хотела, так я и расплакалась прямо там, у икон, упав на колени. Священник молча подошел, подобрал свечу и послушная его воле она затеплилась желтым пульсирующим теплом.

— Плохо, когда душа беспокойна. — горестно произнес священнослужитель.

— Думаете, ему там плохо? — вскинулась я, протягивая руку к свече. Огонек моргнул и погас.

— Там всем хорошо. Это Вам тут неспокойно. — разложил Феофан по полочкам мою проблему и вновь зажег пламя. — Душу умершего отпускать надобно, а когда держишь слезами и горем своим — только мучаешь.

Лик Спасителя едва проступал сквозь сумерки и мои собственные слезы, но явно осуждал, вторя тону священника. Мало того, что я послужила причиной его смерти, так и по ту сторону покоя не даю.

— ...И пошли ему Царствие Небесное и вечный покой. — произнесли мои губы совершенно отдельно от сознания.

— Вы же Петра Николаевича отпустили. В сердце память храните, но не держите. Вот и эту душу отпустить надобно. — продолжал звучать слегка срывающийся на фальцет голос.

Я отпущу. Обязательно. Не сегодня, наверное, но постараюсь. Помолилась, перекрестилась, встала.

— Отец Феофан, может, зайдете сегодня к нам в усадьбу? — боевой настрой разговора я утеряла и хотела сейчас только плакать. — Там обед хороший приготовят. Вам-то одному теперь, небось, недосуг с кастрюлями возиться?

— Отчего бы и не зайти. — пожал плечами священник.

* * *

Домой возвращаемся молча. Андрюшенька старательно отводит глаза от моих заиндеветых ресниц, но у крыльца подает руку и всячески пытается ухаживать. Не флиртует, но словно разглядев во мне что-то живое, попробовал подружиться.

— Благодарю. — я оперлась на его руку и мы догуляли до библиотеки.

Он помялся рядом.

— В-в-вы в-в-в-все еще ск-к-к-корб-б-бите по м-м-м-мужу? — произнес он, исследуя завитки на ножке моего кресла.

— По несостоявшемуся мужу. — уточнила я.

Он кивнул, но уходить не собрался.

— А Вас ко мне приставили не только присматривать, верно?

Покраснел.

— Ее С-с-сиятельство с-с-ссов-в-ветов-в-вала п-п-п-поч-ч-чаще об-б-бщаться...

Ее Сиятельство отличается садизмом, как я погляжу. А у меня от его физического недостатка уже мигрень начинается, и дабы мы оба живыми вернулись в Санкт-Петербург, что-то надо срочно менять.

Была у меня преподавательница истории экономики в Университете — дама с особо тяжелым характером, совершенно неумным чувством юмора и полным отсутствием внутренних барьеров, способная увлекательно и без смущения рассказывать о самых омерзительных и непристойных страницах становления крупнейших финансовых и геополитических структур, парировать любые наши шуточки и заставляя чувствовать себя полной безмозглостью, неспособной ориентироваться в собственных лекциях. Вот она однажды продемонстрировала нам всем маленькое чудо, на которое мало кто рассчитывал: в разгар экзамена, на котором уже половина потока сама убедилась в собственной бездарности, а редкие счастливики ощущали себя выжившими после Хиросимы, на помост вышла моя однокурсница, которую без крайней необходимости не спрашивал никто и ни о чем вообще: на фоне ее заикания у Андрюши просто оперная мелодика. Наша гарпия внимательно слушала попытки несчастной что-то до нее донести, кивала, потом полезла в сумку, достала шариковую ручку, вложила в трепещущие руки и приказала «Разбирайте». Мы изумленно наблюдали, как наша заика совершенно чисто рассказывает билет, не выпуская их рук кусочки пластика. Гарпия удовлетворенно наблюдала, но ошибки, к сожалению, учитывала. Прочие преподаватели не пытались заниматься психотерапией, поэтому Динка

очень редко практиковала удобоваримую речь.

Воспоминание об этой истории вдруг резко переместило меня в пространстве и времени. Запах мела, спертый воздух, скрипящие деревянные стулья, ободранная доска — мир, который уже настолько чужд, что и поверить невозможно, что эта девочка в рваных джинсах, съемом (но об том только я знаю) пирсинге в самых невообразимых местах и майке с нецензурной надписью — я. Та точно не хоронила себя рядом с любимым, потому что не любила, зато предприимчива была не в меру. Может пора бы кое-что воскресить от той Ксении, а, милая моя?

— Андрей Григорьевич, будьте добры, помогите мне с этим браслетом. — я рассыпала на стол бусины фиолетового жемчуга. — Соберите на нить, пожалуйста.

Полагаю, что графиня Ольга была очень доходчива в аргументации, так что коллежский регистратор без тени сомнения приступил к делу.

— Как полагаете, Андрей Григорьевич, сможете в наш самый ответственный день проснуться в три часа?

— Ночи? — он даже оторвался от работы.

Я хищно улыбнулась. Да, Евгения Николаевна, не зря мы Вас считали самой нетипичной преподавательницей, если предмет Ваш я запомнила с пятого на двадцать второе, а вот сопутствующая информация мало того что отложилась, да еще и настолько пригодилась.

— Мне, возможно, вообще не стоит ложиться. Завтра после обеда заснете, а к выезду я Вас сама разбужу.

— Да это как-то... — он смущенно вернулся к своим жемчужинам. — Неудобно.

— Все в порядке. Точно так же, как и Ваша дикция. — и оставила его разбираться в несовершенных открытиях в области логопедии.

За обедом с отцом Феофаном мальчик только задумчиво молчал.

— Батюшка, мы с Андреем Григорьевичем помогаем в переписи населения. — распиналась я. — вот послезавтра и приступим.

Судя по выражению лица, он не очень рад такой общественной работе и еще меньше понимает, какое это все к нему имеет отношение. Да самое непосредственное, родной, только ты пока этого не знаешь.

— По крестьянским избам пойдем. Народ же в основном не очень грамотный — вот и поможем бумаги заполнять.

Священник расслабился — роль писаря в его системе координат для скучающей городской бездельницы еще не разрушала картину мироздания.

— Утром мы беседовали с обоими старостами, местным, углецким и хреновским. Так вот те проговорились, будто бы у крестьян бытуют самые невообразимые слухи о целях и задачах переписи. Некоторые их вообще промыслом Люциферовым почитают, только подумайте! За эти дни мы точно не успеем провести разъяснительную беседу, но вот если бы нас сопровождал представитель церкви... — я заискивающе уставилась в суровый лик. Ведь ему тоже скучно здесь.

— Отчего же не сопроводить. — он помедлил перед ответом ровно столько, сколько потребовалось на церемонное поглощение чашки чая. — Так надолго Вы собрались в народец-то сходить?

— Там совсем чуть-чуть. Двести дворов. — я постаралась, чтобы это звучало не так страшно — потому что все мои планы упирались в то, что суток нам катастрофически не

хватит.

— Раненько начинать придется. — усмехнулся наш гость в бороду.

Раз шутит, то поддержит. А втроем мы горы свернем.

— Мы с пяти утра начнем и покуда всех не обойдем — не вернемся.

Он придирчиво осмотрел мою команду.

— Непросто это, Ксения Александровна. — с сомнением рассматривал кружевные воланы на юбке.

Да я помню, когда по трое суток в офисе на стульях спала, мотаясь днем по объектам и аврально сдавая проекты ночью. И у нас это не считалось подвигом, а скорее косяком — ибо наш вождь небезосновательно полагал, что такие авралы первопричиной имеют некоторое раздолбайство на старте проекта, когда «времени еще вагон», «гляди чо запилили в инстаграмме», «айда в кофейню» занимают большую часть дня.

— Надо постараться. Крестьянину по весне ради урожая тоже потрудиться приходится. — назидательно свернула я беседу.

Следующий день мы посвятили отдыху перед грядущим трудом. Деменкова охватывала паника, которая потихоньку тонкими щупальцами распространилась и на меня.

Вроде бы полушуточное времяпрепровождение — ну что такое опрос толпы народа за один всего день? — начало приобретать черты эпического провала. А что если мы не успеем, а что если что-то пойдет не так, а если нас элементарно погонят? Как графу сообщать о том, что я запорола все? Страх совершенно детский, но куда ж деваться-то?

Еще раз проверила содержимое новенькой кожаной папки, куда сложила десяток заточенных карандашей, несколько перьев, пару чернильниц-непроливаек. Вроде бы все правильно. Устя в очередной раз продемонстрировала мой наряд — строгое серое платье с элегантною светлой мантильей, казавшейся весьма теплой в Санкт-Петербурге, но вызывавшей некоторые опасения на открытом воздухе, который оказался более чем морозным. Помнится, прошлой зимой тоже мерзла.

Наконец-то решила перестать плодить страхи и попробовать поспать. Среди дня это не очень привычно, но кто знает, как и когда получится в следующий раз. И вот, поворочавшись вдоволь, я все же засыпаю, ровно настолько, чтобы взбеситься от тихого царапанья у двери. И простор для догадок мизерный.

* * *

Все эти два аршина и девять вершков мялись у моего косяка.

— Ксения Александровна, я так Вам признателен за то, что Вы для меня сделали. — он краснел, бледнел и терялся всячески. Пряча взгляд от ночной сорочки, которая пусть и выглядит монашеским одеянием, но все же явно более фривольна, чем мои обычные наряды, он ломал пальцы и дрожал голосом.

Нет, ну на что он в самом деле рассчитывает?

— Будем считать, что не мне, а тому, кто научил меня этому фокусу. — До ее рождения чуть больше восьми десятилетий осталось, так что можно начинать благодарить.

— Но я должен... хочу... — все еще рожал свою мысль этот ребенок.

Вот интересно, Ольга решила, что он меня скомпрометирует до крайности — хотя нелепо этого ожидать глядя на действующих лиц, или все же рассчитывала на внезапную

страсть в гулкой пустоте зимней усадьбы? Если по себе мерила, то весело будет графу в старости — не зря он уже сейчас всю эту свору паразитирующей родни потихоньку от дома отваживает. Но это в целом дело не мое, да и покуда весьма неактуальное. Актуально лишь то, что мешает мне закрыть дверь.

— А я вот спать хочу, если что. — напомнила я о наших дальнейших планах.

— Извините. — он чуть отступил, чтобы вновь начать пожирать меня взглядом.

Ой, проку мне от тебя в этом походе по скользкой тропе народного просвещения будет чуть. Поэтому можно и похулиганить на сон грядущий. Сделала шаг поближе к жертве, встав так, что почти касалась его грудью.

— Ольга Александровна научила или сам пришел? — бархатным голосом спросила я у мальчика, держа за подбородок.

— С-с-а-сам. — проблеял тот.

— И хоть знаешь, зачем к взрослым женщинам по ночам ходят? — я напрочь игнорировала тот факт, что за окном еще не опустились даже зимние сумерки, а режим сна у нас превратился в решето.

— М-м-м.

Правильно, иногда лучше молчать, чем говорить. Особенно когда жуткая совершенно женщина, полуодетая стоит перед тобой. Словно ныряя в озеро с ледяной водой, он задержал дыхание и неловко впился в мои губы, ладонями для верности придерживая бедовую черепашку. Это мой первый поцелуй после... В общем давненько уже, но стало как-то тошно. Можно дать пощечину, можно заорать, укусить в конце-то концов, а можно и иначе поступить.

Я приоткрыла рот, впуская его внутрь себя и движением губ и языка направила так, как сама хотела, выпивая до дна и этот поцелуй, и всего этого несчастного запутавшегося малыша. Несколько секунд спустя он смотрел на меня мутным взглядом, не понимая, что же происходит.

— Вот так оно и бывает, ребенок. Когда дорастешь до этого — выбери себе девочку из хорошей семьи и повтори то, что я только что показала.

Он только кивнул.

— А пока спать иди.

Развернулась на босых пятках и пошлепала к кровати. Сон совершенно сбился и теперь особенно сильно захотелось ощутить совсем другие губы и руки. И стыдно перед мальчиком за свою шалость, и тошно перед другим за это все. Пожалуй, кризис по чужим постелям стоит не просто отложить, а вовсе вычеркнуть из планов на год.

Устя разбудила меня в три и помогла одеться. Ксения Александровна, и что же Вам дома-то не сиделось? Уж ладно ты сама, а детей-то во что втравила?

Второе дите не поднимало глаз.

— Позавтракали, Андрей Григорьевич?

Только головой помотал.

— Зря. Пусть горячее подадут. У нас большой день сегодня.

Он послушно следовал всем указаниям, но робел теперь пуще прежнего. По пути в сказочную деревеньку я наклонилась так, чтобы уж наверняка попасть в поле его зрения.

— Андрей Григорьевич, у Вас нет оснований искать пятый угол при встрече со мной. Мы разобрались со всеми недоразумениями и теперь вполне сможем работать вместе.

Тот только коротко кивнул и сжался еще сильнее.

— Вы всерьез хотели добиться от меня взаимности? — улыбнулась ему я.

Отрицательно помотал головой.

— Тогда зачем себя насиловать? — стало совсем смешно.

Таких у меня тут еще не было. На спор, по идее, благотворительности и страсти — эти случались. Но вот чтобы поперек собственного желания — пока Господь миловал.

— Я... об-б-бещал. — едва слышно сообщил мой спутник своим валенкам.

И я понимаю кому. Вернусь — припомню. Даже ругаться не стану, просто подходящего момента дождусь и припомню.

— Давайте обнимемся и останемся друзьями. — я приветливо, насколько это позволяла ширина возка, распахнула руки и возложила их на плечи остолбеневшего спутника. В щеку чмокнула, конечно, зря, но уж до того забавно смотреть на его пунцовение, что устоять нереально.

Дальше он порой искоса посматривал на меня, но попыток пересечь границы более не предпринимал, так что я выдохнула и начала воспринимать его как Демьяна или Фрола. Захватили отца Феофана и отправились навстречу народу, который так восхищает нашего нового императора. Хоть сравню впечатления, а то речи Государя читала — словно сказочные персонажи у него в подданных были аккурат до семнадцатого года, когда их разом подменили злые силы.

* * *

Семен Лукич лично встречал нас у околицы и пожертвовал собой и своими близкими, как рекламным проектом.

В огромной, по северному широкой избе, состоящей из двух срубов, обложенных кирпичом, навстречу нам высыпали несметные полчища детей, кошек, кур, женщин и подростков.

Ксюха, это только первый дом.

— Итак, изба у Вас, Семен Лукич, из камня, крыта железом, верно?

— Истинно так, Ваше Сиятельство. — степенно, но с некоторым смущением произнес хозяин. Мы уже выяснили, что пусть грамоте староста и обучен, но в письме весьма нескор, так что для сохранения самоуважения он потом за мной все «проверит».

— А живут здесь все? — я обозрела все ширящиеся народные массы: из сеней заглядывали соседи, да и своих только прибывало.

— Нет, это так, поглазеть пришли. — Он шикнул и народ притих.

— Тогда начнем с Вас. — я грациозно пристроила папочку на коленке и принялась конспектировать.

— Возраст у Вас какой? — уставилась на сложную работу мысли. Ну да, эти цифры запомнить нелегко.

— Да уж тридцать семь стукнуло.

Да ладно? Он же выглядит как ровесник Тюхтяеву, если не старше.

— К какому сословию относитесь?

— Крестьянствуем мы. — гордо ответил староста.

— Родились здесь?

— Туточки.

— Приписан тут же?

— Истинно так.

— Обыкновенно проживаете здесь?

— А то где же?

— Вероисповедание?

— Православные мы! — он даже ногой топнул.

— Родной язык русский?

— А как же.

Насчет грамотности мы уже условились.

— Ремесло Ваше?

— Земледельствуем.

— А побочное есть?

— Раньше в отход ходил, а теперь как сход старостой выбрал — бросил. Теперича мануфактуру держу небольшую.

То есть почти что пенсия.

— А супруга Ваша?

Он кивнул в сторону старой женщины, прямо вот очень старой, со сморщенным в кулачок размером лицом.

— Как Вас величать, голубушка? — обратилась я, но та только нырнула за печь.

— Анною. — ответил глава семьи.

— А по отчеству?

— Ивановна она.

— Возраст?

— Да старая уже, почитай на два года меня старше будет.

Не удержалась, посмотрела на дряхлую тридцатидевятилетнюю старуху. Как хорошо, что та яма была рядом с Фролушкиной лавкой. Переглянулась с Андрюшей — тот тоже немного озадаченно наблюдал за нашим контингентом. Если бы на даче провалилась, то наилучший исход — превратиться к жалкое подобие этого кошмара.

Само собой, неграмотна, местная, ни разу за пределы околицы не выбиралась.

— Дети?

Мне выстроили целую толпу: сыновья двадцати трех, двадцати одного, двадцати, тринадцати, двенадцати, девяти, шести лет, и дочери четырнадцати, одиннадцати, семи и четырехлетнего возраста. Она вообще помнит, когда не была беременна? И кто-то еще говорил о том, что это дворянки изнашивали свой организм постоянными родами, а крестьянки защищались лактационным бесплодием. Так себе защита получается.

Сыновей староста отдавал в школу, а девочкам грамота ни к чему.

— Пятерых уже замуж выдали. — гордо произнес многодетный отец.

Трое старших сыновей уже также были женаты и вместе с женами и детьми жили тут же. Изба мигом перестала казаться просторной.

Но переписали и этих.

— Кто-то еще проживает с Вами?

— Отец мой, Лука Мефодьевич. — вон он на печке дремлет.

— Годов ему?

— Да старый совсем, шестьдесят уж почитай стукнуло.

Тем мощам, которые удалось рассмотреть при свете керосиновой лампы, я б и сто

шестьдесят дала. Что-то свежий воздух и экологически чистые продукты пока никого тут не омолодили.

— Семейное положение у него?

— Да уж почитай дет десять вдовствует. — домочадцы с облегчением кивали. Любили тут свекровушку, прямо горячо и пламенно.

Православный, местный, неграмотный. Живет при сыне. Тоже себе официальный статус.

Итого при одной избе старосты насчитывалось 14 мужчин и 12 женщин. Двадцать шесть душ — и это только первый дом. Вряд ли мы вернемся в усадьбу раньше воскресенья. Мы вышли, выдохнули и я поймала себя на том, что опираюсь на своего несостоявшегося любовника.

— Я бы так не смогла. — прошептала ему на ухо.

— Я т-т-тоже. — негромко согласился он.

Дождались старосту и священника и рванули вдоль улицы.

И пошло дело куда бодрее.

— Имя? Семейное положение? Отношение к главе хозяйства? — Пол расставляли сами. — Возраст? Сословие или состояние? Вероисповедание? Место рождения? Месте приписки? Место постоянного жительства? Родной язык? Грамотность? Занятие?

Физические недостатки определяли навскидку, лишь изредка уточняя детали. Калечно-увечных детей было немного, разве что совсем младенцы — естественный отбор суров, а с теми, из кого работник не вырастет, в деревне не церемонятся. В паре домов догнивали лежащие старики и старухи, но пропаганду гигиены я отложила на будущий визит, только приказав спутнику отмечать семьи, которым необходим визит врача.

Когда тусклое зимнее солнышко подобралось к зениту, до середины села мы едва добрались. Дурные предчувствия о сорванных сроках как-то неприятно оживились.

— Андрюшенька, я считаю, что 28 января у нас закончится только когда мы в дом вернемся, верно? — громко озвучила я свой рецепт растяжения пространства и времени.

— Конечно, Ксения Александровна. — неуверенно улыбнулся мальчик.

Староста настоятельно приглашал на обед, но туда мы отправили отца Феофана, которого уже начала утомлять роль свадебного генерала. Он, конечно, успевал и благословлять детей, наскоро освящать пищу, но следовало оберегать нашего самого старшего товарища.

Вскоре больше половины ответов можно было уже расставить самостоятельно: информацию про избы писали сами, вероисповедание, место постоянного жительства, приписки и рождения более чем часто совпадали, родной язык и сословие так же не блистали разнообразием.

После полусотни дворов я уже на пороге могла рассказать о семье больше, чем они мне сами могли поведать. Те из мужиков, в чьих глазах бывало поменьше обреченности — или занимались отхожим промыслом, или имели за плечами армейскую службу. Да и то, что Вичуга по сути была богатым торгово-мануфактурным селом, накладывал благодостный отпечаток. Женщины же почитай все вызывали состояние липкого ужаса — со следами побоев, как свежих синяков, так и заживших шрамов, выбитых зубов и разбитых скул, к двадцати уже потерявшие всякую привлекательность, безвольными или наоборот, шумно-скандальными привидениями сидели по домам. И дочери их были обречены на такую же долю.

Вдовам было еще хуже — без мужика жить хорошо в городе, да и то, если доход имеешь. В деревне же это крест на благополучии, покосившийся дом, урезанный до минимума надел земли, абсолютная незащитность перед любым внешним произволом. Работу на фабриках давали из милости, и так же этой милости могли лишить. В любую секунду. Вдовы встречали нашу делегацию обреченно, словно готовые ко всему. Предложи им Андрюша совместный досуг — ни одна бы не возразила, а некоторые и так на него с практическим интересом поглядывали.

Я же разницу во внешности двадцатипятилетней и сорокалетней вдов не нашла. Коли нет взрослого сына — то хоть в петлю лезь.

Вдова, 19 лет. Двое детей своих и восемь от мужа остались. Год вдовее, но старшие уже помогают, правда и строят ее на правах главы семьи. И не факт, что только словами.

26 лет, пятеро детей. Эта живет со свёкрами, причем не факт, что ей легче, чем остальным.

Сорок лет — а я бы и семьдесят постеснялась дать. Шестеро детей, старшему тринадцать. Остальные семеро умерли в холеру. Да и эти выглядят так, что от врача бы не отказались. Работает поденно, землю обрабатывать не может, оттого надел отобрали.

И были еще, еще, еще.

Вдовец с девятью детьми в возрасте от трех до восемнадцати лет женился на шестнадцатилетней и та уже ходит с огромным животом, обихаживая всех.

Погорельцы. Живут в чужом коровнике их милости. Кормилец обгорел сильно и явно на ладан дышит. Отец Феофан его заодно и соборовал. Четверо детей, и это трое сгорели еще. Будущей вдове двадцать девять.

Кое-где отношения в семьях бывали еще более причудливыми — в паре семей кто их женщин приходился главе семьи женой, а кто снохой, затруднялись определить даже собственно вопрошаемые. Да и принадлежность детей тоже порой вызывала ожесточенные споры, переходящие в драку. Этих урезонивал священник или староста, после чего все шумно каялись и обещали далее не грешить. Ага, в одной горнице несколько семейных пар со всеми интимными подробностями — не согрешат, само собой.

— Семен Лукич, я, конечно, напишу без подробностей, но это ж подсудное дело. — бормотала я старосте в сенях очередного веселого дома.

Коллежский регистратор выдавал годовую норму смущения и ужаса.

— Грешно живут, это верно. — поглаживал староста бороду. — Да эти почитай сроду так. Нет чтобы с одной женой жить — завсегда снохачествуют. И что стыди их, что не стыди!

Начинало смеркаться, когда нам удалось покинуть гостеприимных сельчан, надаривших нам и пирогов, и ягод, и прочей снеди. За плечами у нас остались тысяча тридцать девять человек.

— Уж не побрезгуйте. — выносили нам кульки почти из каждого дома. Поначалу я отказывалась, потом махнула рукой и «забывала» часть гостинцев в сиротствующих избах. Андрюша раскусил меня на четвертом адресе и быстро сообразив, что к чему, уже сам перегружал добро, пока я расспрашивала жителей.

Хреново оббежали быстрее — 64 жителя, 18 мужчин, 46 женщин. Восемь дворов. Запомнилась моя ровесница, овдовевшая тридцатилетняя женщина с восемью дочерьми. Лишились кормильца по осени и эту зиму еще протянут, а по весне пойдут побираться. И гнетущая безысходность, которая в Вичуге еще разбавлялась полугородской работой на

фабриках и мануфактурах, а тут, в заметной снежной деревушке, прожигала ледяным пламенем.

— Андрюшенька. — мой спутник стал уже таким же привычным и удобным как писчие принадлежности, которые я ему препоручила. Вдруг подумалось, что удобно было бы иметь такого мальчика на побегушках, когда соберусь с духом заняться бизнесом. Да и на контрасте с этой безысходностью, просто надирало сделать что-то хорошее.

— Да, В-в-ваше С-с-сиятельство. — все же при деле он меньше заикается, что не может не радовать.

— А Вам очень нравится служба в Министерстве? — мы тряслись в возке, придерживая дремлющего священнослужителя. Оставался последний рывок.

— Хорошее место. — сдержанно отозвался мой юный друг.

— Ну, с этим, конечно, не поспоришь. А оклад у Вас большой?

— Сорок три рубля. — гордо отрапортовал ребенок. За каморку свою платит где-то 25—30, еще, небось, и матери помогает, так что ест не каждый день.

Да, жила я раз на сорок один рубль в месяц — до сих пор как вспомню, так вздрогну. И Ольга планировала ему подсунуть жену, которая столько на чулки тратит?

— За пятьдесят я могу нанять Вас личным секретарем. С осени, например.

Он замолчал.

— Мне нужен будет человек, ведущий деловую переписку и учет бумаг.

Ну и помыкать тобой мне понравилось, да.

— Личным секретарем? — тихо переспросил он.

С расширенным кругом обязанностей, хотелось съязвить, но заглянув в щенячьи глаза шутку я проглотила.

— Поработаете, присмотритесь к столице. Возможно, государственная служба не единственное место для самореализации. И жилье у меня есть.

Он задумался. В этом мальчике я видела куда меньше честолюбия, чем было у Пети, а в бизнесе мне бы не помешал такой ассистент.

В Углец въехали потемну. Возможно и стоило начать с этого курмыша в начале, чтобы в соседние деревни попасть тоже засветло, но задним умом мы все крепки.

Староста наш, меньшей пират, сопровождал посланцев из большого мира с куда меньшим энтузиазмом, нежели два дня назад. И пусть полсела смотрела, как картинно благословляет нас отец Феофан, что в Хреново, что здесь, настороженность сопровождала нас на каждом шагу. Деревенька еще меньше второй. Шесть дворов.

— А отчего Вы, Степан Михайлович, так беспокоитесь? — я сфокусировалась на старосте, который разве что копытами не сучил.

— Да здесь народец такой... — он озирался, чувствуя себя явно не в своей тарелке.

А что, народ он везде одинаковый. Можно о советской власти много плохого говорить, но мало-мальское образование они давали всем в кратчайшие сроки. Даже прабабка моя ходила в школу грамотности после своих детей. Читала потом много и очень интересовалась всем происходящим вокруг. А тут апофеоз мракобесия.

В первой же избе нас встретила форс-мажорная ситуация — покуда нас сюда черти несли, одна из жительниц начала рожать, и процесс пошел явно не очень успешно. Младенец родился мертвым, а сама роженица, судя по быстро расплывающемуся под лавкой алому пятну готовилась присоединиться к ребенку. На моих глазах сиротели шестеро детей, жавшихся к бабке. Мужчины в семье стремительно напивались, поминая некрещеного и

отпуская новопреставившуюся. Отец Феофан остался в избе, а мы с Андрюшей быстренько решили обойти остальные дома.

Еще один дом, девятнадцать человек, три поколения, и опять не разберешь, кто кому брат, а кому — сын.

Для разнообразия приятная семья, где все не то, чтобы любят друг друга, но живут справно и мирно. Старики, двое их наследников с семьями, семеро детей, от двух братьев.

Вдовья хатка. Двое большеглазых детей и изможденная женщина. Андрей уже не спрашивая отправился в возок.

— Как зовут Вас, голубушка?

— Матреной. — безэмоционально отвечала вдова.

— А по батюшке?

— Тимофеевна. — еще тише. — Чухова.

— Полных лет сколько?

— Двадцать семь.

— Местная?

— Знамо дело.

— Занятие какое имеете?

— Поденно работаю летом. Да и еще кто милостью своей что подаст.

Судя по дому, милостью своей чаще всего блещут мужчины. И вряд ли холостые, разве что в последнем доме кто найдется.

Дети — восемь и пять. А вдовеет седьмой год. О чем-то это должно говорить. И кого-то младший мальчик мне напоминает. За день я насмотрелась на несколько сотен малышей, но похожего видела совсем недавно. Сейчас у Андрюши уточню — этот точно помнит. Вообще, наблюдательный парнишка, нам с Фролом точно пригодится. Оно, конечно, дворянской чести ущерб, но этому деньги надо зарабатывать. Сообразит.

Мы уже все выяснили, но мой напарник все не возвращался. Хозяйка дома уже начала коситься с недоумением. Я не торопясь собрала бумаги, сложила в папку, прислушиваясь к звукам снаружи. Ничего. Пожала плечами, оделась и вышла. Точнее попыталась — дверь горницы открылась легко, а вот с той, что из сеней вела наружу, пришлось повозиться. Вроде бы все в хозяйстве госпожи Чуховой отличалось справностью, а тут такая незадача. Я вздохнула и резким рывком сдвинула тяжелое полотно, и тут же упала, потеряв равновесие. Дверь до конца не распахивалась, оказавшись заклиненной торчащей из полотна палкой. Зато у нас гости — прямо перед моими глазами стоял раскачивающийся бородастый мужик, в распахнутом на груди тулупе.

— Архипушка! Ты чего ж на ночь глядя? — тихо произнесли за моей спиной.

Сковородников, Архип Петрович. Свежеиспеченный вдовец. И ребенок младший у моей хозяйки — копия его мальчишек.

— Списала? — проревел он. — одну мою бабу списала, таперича хоронить нады. И другу хошь?

Попытался вырвать торчащую из двери палку, оказавшуюся вилами, но не устоял и так же как и я рухнул в снег. Я медленно перевела взгляд направо и долго не могла понять, что же оказалось между зубцами вил и тяжелой дубовой пластиной.

Прямо над моими юбками, видимое даже в темноте на белом-то снегу тянулось красное пятно. Крупные капли стекали по ручке и звучно падали на снег. Кап-кап-кап.

Наколотый вилами, словно большое насекомое, мальчик наполовину прикрыл

закатившиеся глаза. Сквозь зубы вытекали струйки крови прямо на тонкую шинель, тонкие пальцы застыли на черенке. На заячьи крики Матрены сбежался народ, мужики вязали убийцу, громко матерился староста, качая головой, отец Феофан начал молитву, а я все не решалась дотронуться до него.

Станция, другая, третья. Люди на перроне прощаются, плачут, встречают родных и любимых, обнимаются, снова плачут. Жизнь теплым маревом окутывает их, а они даже не понимают, каково это — жить, не неся смерть на кончиках пальцев.

— Ксения Александровна, поешьте... — Устя пододвинула ко мне дымщуюся тарелку, а я все еще видела то крыльцо с вилами и кровавым ручейком на черенке.

Когда я сражалась с дверью, мой партнер был уже обречен, как сообщил приехавший к утру земский врач. Тот тоже промышлял переписью и очень сочувствовал всему случившемуся, даже перекрестился несколько раз, рассматривая эту кошмарную сцену. Уездный исправник, услышав мою фамилию и титул побледнел не хуже Деменкова, и готовился к отъезду на перепись белых медведей, а прочие только в ужасе выслушали мое «Остался еще один дом». Я сама встала и, оставляя кровавые следы, двинулась к последней семье. Пожилая пара с двумя внуками лет 13–14 приняла меня душевно, посочувствовав страстям, которых я натерпелась и сообщив все, о чем я и без того догадывалась — и про адюльтер господина Сквородникова, и про его неумеренность в питии, да и много другой, не очень нужной мне информации. Я пригrelась у печи и не хотела выходить, но коллежский регистратор, который уже никогда не станет губернским секретарем, все еще свисал с двери вдовьего дома, и ему было очень-очень одиноко.

За убийство государственного чиновника при исполнении полагалась смертная казнь и мне было неважно, сдохнет этот человек на плахе или на каторге — это не курсистка Гершелева, за него народные массы не поднимутся. За пару дней я успела сдать бумаги земской статистической службе, где меня встретили как героиню, оформить бумаги на перевозку тела и отправить телеграмму свекру. Так и ехали теперь — мы с Устей в мягком вагоне, а Андрюша, этот неловкий мальчик — в багажном.

Конечно, сам товарищ министра на перрон не пришел, а лично меня встречать особенно-то теперь и некому, но люди в мундирах с благодарностью приняли от меня бумаги и увезли с собой гроб. По зрелому размышлению я решила на похоронах не появляться. С мальчиком попрощалась в похоронной конторе, коснулась губами белого лба. Лицо ему отмыли, и он почти напоминал спящего, только замерзшего. В момент смерти на лице застыло наивное недоумение — он тоже не ожидал такого конца. Это только мне нужно было понимать, куда приводит жизнь любого мужчину, который свяжется со мной. Ди Больо еще не умер, но в сознание не приходит почти с ноября, Петя пророс травой в Вичуге, Евлогин вот тоже неизвестно где схоронен, Тюхтяев на Большой Охте... Я словно метки ставлю по карте Российской Империи своими неудачливыми сердечными тайнами.

К чертям собачьим такие потрясения! Надо о будущем подумать и попробовать все же пережить грядущие катаклизмы. И всячески постараться свести к минимуму общение с добрыми пейзажами, которые с вилами наперевес.

Я умирать буду — не смогу стереть из памяти эту скудную толпу — все население деревеньки, молча и недоброжелательно косящееся на меня. Пустые глаза, безучастные лица, скованные позы. Выли на два голоса мать убийцы и его любовница. Подозреваю, что не притащи мы с собой священника и старосту, а скорее всего именно священника — нашли бы нас с Андрюшей заметенными снегом весной. И крестьянам была абсолютно безразлична я, мальчик этот — они оценивали лишь потенциальный урон для себя от следствия и

вмешательства в их внутренние дела. Ведь теперь оба выводка убийцы осиротеют, вдовица точно не справится одна, да и в той семье деткам небо с овчинку будет. Но спасти здесь кого-то у меня категорически не лежала душа.

* * *

— *Пусти... — лениво, словно и не особенно хочется.— Нет уж, теперь мой черед! — а этот еще полон сил, чтоб провалиться ему. Пыхтит, елозит по усеянным синяками от кулаков бедрам, время от времени шлепает по животу, плюется. — Ты смекаешь, наших баб он считать вздумал. Вот мы его и сочтем, чтоб впредь неповадно было.*

— *Проваливай... — это уже третий, который особенно крепко вцепился в грудь, до крови разбив уже губы и мгновенно наливаясь гневом от любой попытки сопротивления.*

— *Она, кажись, кончилась уже. — четвертый, тот, кого знала, кому доверяла, дернул за волосы, приподнимая голову над лавкой.*

— *Да что ей сделается? Баба ж... — второй стащил женщину с лавки и поставил на колени.*

Господи, почто не пошлешь милость свою, молилась она, давась кровью и чем-то еще, горьким и едим.

Со всеми своими трагедиями я подзабросила чтение газет, а зря. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили об успешном испытании французской армией субмарины. Прилагались и фотографии чуда техники, которые мне категорически не понравились: уменьшенная копия подводных лодок Второй Мировой войны не оставляла сомнений — источник вдохновения инженера хорошо знаком с победами Де Голля. У меня даже ногти на ногах похолодели.

С чего я поверила в доктрину собственной уникальности? Если границы в это измерение подобны хорошему швейцарскому сыру и страдают пористостью, то лишь вопрос времени, когда мы пересечемся с другими путешественниками. Не все из них смогли бы найти себя в этом мире — он довольно суров к чужакам, но даже один из сотни способен натворить дел больших, чем я. Тем более, что обстановка к тому весьма располагает — кто откажется перекроить трагическое прошлое Родины по своему вкусу, зная, что это пройдет совершенно безнаказанно?

И теперь больше нельзя верить в стабильность будущего. Любая третьеразрядная страна в следующую секунду сможет обрести ядерный потенциал. Да среди родных берёзок вполне могут попасться прогрессивные революционеры и/или монархисты, тоже воодушевленные перспективами.

Первое рвануло предсказуемо: в одном из тихих немецких городков случилась ужасающая эпидемия, за пару часов выкосившая несколько тысяч человек. Конечно, наша разведка не дремала и вскоре засомневалась в бактериальной природе проблемы — в ночь

перед мором случился небольшой взрыв на малоприметной фабрике — пожарных так и нашли возле своих повозок. Первые отравляющие вещества начали штамповать не очень удачно. Хочется верить, что автора там и привалило — ибо выживших, по слухам, не нашлось. Хотя вряд ли мой современник обошел бы вопрос о собственной безопасности.

* * *

Но нет худа без добра — военное ведомство засуетилось и графа пригласили на меркантильный разговор.

— У нас предлагают выкупить патент на противогазы за астрономическую сумму. — с восторгом сообщил родственник, улучив момент и затащив меня в библиотеку. Ольга опять приглашала свору непонятных людей, и я только рада была передышке.

— Экономически целесообразнее брать по 95 копеек с каждого противогаза. — изрекла я, чем озадачила графа.

— Это почему же?

— Одномоментно нам смогут дать не такую уж значительную сумму. А при военных действиях с мобилизацией пусть четырех миллионов человек.... Да с закупкой с запасом...

— Ладно, мысль хорошая, а почему не рубль?

— Потому что скромнее надо быть. — кротко улыбнулась я. — И те же 5 копеек пожертвовать в фонд увечных солдат, например.

Забегая вперед скажу, что даже треть от вырученной суммы заставила меня перестать беспокоиться о завтрашнем дне и значительно повысила матримониальную привлекательность, что позволило Ольге Александровне закрепить на мне сигнальный маячок «Богатая невеста».

* * *

Голоса стихли, но она смогла пошевелиться далеко не сразу. Сквозь отекишие от слез и ударов веки смотрела как лоскуты темно-синего городского платья валялись по всей горнице, еще матушкой расшитая кичка, порванная напоказ, и залитая чьим-то семенем, торчит из-под лавки, из-под черепков парадного блюда. А ведь добрыми гостями в избу заходили.

По опухшим щекам грязными ручейками бежали слезы, да и сама она вся была грязной. Женщина подобрала подол нижней рубахи и оттерла следы. Оказалось невероятно важным собрать всю грязь, оставшуюся от пришельцев, отскрести разводы, запахи, саму память об этом ужасе.

* * *

Приятно, черт возьми, устанавливать собственные правила в доме. Теперь к завтраку мне подавали отглаженные газеты — как и графу. Если Мефодий и считал, что политика —

не женского ума дело, то осмотрительно держал мнение при себе.

Мир вокруг меня продолжал ускорять движение к грядущим катастрофам, причем запалив фитили даже в тех местах, о которых я из школьного курса истории не припоминаю ничего подобного. Пока я переживала свое горе, задымилось в Греции.

Весь девятнадцатый век эта территория являла собой очаг войны за независимость. Помнится, эта война доконала лорда Байрона, который угрохал на спасение древней земли все сбережения. Раковая опухоль Османской империи еще в двадцатые годы была вынуждена отступить под лучевой терапией национально-освободительной войны, предоставив краю теплого моря, оливок и сыров сначала автономию в своем составе, а потом и полной независимости, правда не на всей территории: Крит, Самос, Фессалия и кое-что еще пока еще цепко удерживались недобрыми соседями.

Началась свистопляска с выборами королей. Удивительным образом в конкурсе «Выбери лучшего короля» поучаствовали все, кто ни попадя со всех уголков Европы. Перекрестное опыление благородных домов привело к наличию толпищ претендентов, но вначале короткую соломинку вытянул Оттон I из баварской династии Виттельсбахов. Грезя мечтой о великой империи, Оттон воспользовался всеобщей сумятицей во время Крымской войны и почти успел оккупировать Эпир и Фессалию, но тут подоспела турецкая группа поддержки с франко-британским акцентом. Попытка эллинов поддержать русских провалилась. Дальше все пошло веселее, как обычно и случается со странами, куда запустили щупальца англосаксы, так что в 1862 году буржуазная революция отправила Оттона в баварское изгнание, где он и скончался через пятилетку, до гробовой доски упоминая о том, что не отрекся от престола. Это бы упорство потом некоторым другим политическим деятелям!

Британцы же выдали грекам своего мальчика на трон — Георга I из династии Шлезвиг-Гольштейн-Сённерборг-Глюксбурггов с приданным в виде Ионических островов. Егорушка обещался не поднимать восстаний против османов, надежно прикрывал интересы британцев в Средиземном море, и даже будучи женатым на Ольге Константиновне, родной внучке Николая I, не мог изменить ситуацию к лучшему.

Старший сын короля, Константин I женился на сестре кайзера Вильгельма Софии, что увязывало за одним обеденным столом лоббистов сразу нескольких противоборствующих европейских монстров. А я еще жаловалась на судьбу, когда мы с Петенькой в Вичугу первый раз приехали.

Бестолковое поведение Георга во время осады Плевны и лихорадочная активность аккуратно после подписания русскими и турками мирного соглашения также не упрощали дело. Нерешительность русских войск в Турции и активность Англии заставили в конце концов отступить, так что вновь благоприятное окошко пропало зря. Но в обществе бурлило негодование — греки были уверены, что их обделили при дележе большого пирога, пусть и Фессалия получила свой бело-голубой флаг.

Политический покер на взрывоопасном средиземноморье продолжался. Европейские монархии временами играли в гуманизм и человеколюбие, призывая Османскую Империю соблюдать права христианских меньшинств, но те трактовали это весьма вольно. Уже в 1880-х наместником на Крите был крутой на расправу албанец-мусульманин, который изрядно урезал права местных жителей на самоопределение. В 1895 разгорелся конфликт между христианским губернатором Александром Каратеодори-пашой и военным комендантом острова, итогом которого закономерно стала резня христиан. Каратеодори был

смещен с должности, но не из народной симпатии, поэтому вскоре Черный Федор возглавил мятежников, ушедших вглубь острова.

Подобный демарш никто не принимал всерьез — ну психанул мужик, бывает, до тех пор пока в апреле 1896 года повстанцы неожиданно не захватили крупный город Вамос, вынудив турецкое мирное население рассредоточиться по крупным крепостям. В конце мая, пока кое-кто оплакивал свой ходынский просчет, эскадры Великобритании, России, Франции и Германии нарисовались на рейде возле мятежной Кании. Адмиральский совет обещал защиту всем христианам, но турки решили немного секвестрировать остальных, дабы сделать мятежников поговорчивее, отбили Вамос и стерли с лица земли несколько деревень. Самозванное ОБСЕ не смогло игнорировать подобный финт, поэтому мировое сообщество надавило на Стамбул и потребовало протолкнуть некоторые реформы. Турки согласились и начали долгую-долгую бюрократическую работу, призванную замылить любой очаг здравомыслия. В ноябре 1896 года султан объявил критским мятежникам джихад. Все в рамках мирных соглашений, естественно.

21 января 1897 года была объявлена мобилизация греческого флота, 4 февраля турки расстреляли мирную демонстрацию в Кании и понеслось.

Греки, всячески поддерживая своих соплеменников, отправили эскадру к берегам Крита, которая пусть и быстро передислоцировалась, но кое-какое впечатление все же произвела. Зато в ночь на 15 февраля 1897 года на северном побережье Крита внезапно высадился греческий экспедиционный отряд полковника Вассоса из полутора тысяч человек при восьми орудиях. Вассос объявил о присоединении острова к Греческому королевству и начал наступление на Канию. Со стороны полуострова Акрокорити на Канию двинулись местные повстанцы.

Если бы не вмешательство внешних сил, результат этой эскапады многое бы изменил в раскладе, но в тот же день генерал-губернатор бежал на борт русского броненосца, а Канию взял объединенный десант международных сил.

Мятежный полковник был отеснен вглубь острова, а оставшиеся мятежники продолжали осаду Кании под огнем союзных войск. Тем временем местное население быстро осознало, что все не так однозначно и пользуясь общим бардаком сократило долю мусульманского населения с одной трети до одной девятой. Не в последнюю очередь этому способствовали десятки сожженных мусульманских деревень в центре острова, который условно контролировался армией Васоса.

Турки также не отличались толерантностью, и число погибших греков уверенно перевалило за полсотни тысяч. Мясорубка работала круглосуточно.

Налюбовавшись этим вволю, союзники 2 марта поставили ультиматум Греции: скорейший вывод войск, гарантии неприсоединения Крита, автономия острова в составе Турции, но ни одна из сторон не горела желанием соглашаться на подобное замораживание ситуации.

20 марта было объявлено об автономии Крита, но кто бы этому верил.

Европейские военные журналисты с упоением рассказывали и о подвигах своих эскадр, и о быте моряков, и о политических подвигах дипломатов, особенно французы жгли. Оттого более уникальным была репортажи с той стороны. И зарисовки мятежников: испачканные в пороховой пыли лица, белые рубахи с распахнутыми воротами, кресты на груди, потрепанные флаги. Мужественные, обреченные, но непокоренные. Соратник Вассоса любезно дал интервью российскому репортеру, порадовав того знанием русского языка. Ах,

мама русская, это так трогательно.

«Нельзя победить того, кто не сдается. С нами Бог!»

Где-то я вот такое же интервью уже читала. Лет этак несколько назад, с экрана ноутбука.

— Хакас, черт возьми, Хакас! — я встряхнула газету, которую доселе держала в руках, но глаза точно не обманывали — этот профиль я запомнила еще по телесводкам с одной неожиданной, но изрядно затянувшейся войны. Молчаливый комбриг с чуть раскосыми от сибирских предков глазами и феноменальной выдержкой покорял сердца дам от 14 лет и до гробовой доски и вызывал стойкую идиосинкразию у противника. Конечно, комбаты той войны были куда известнее, остроумнее и популярнее, и просмотров у их роликов было за сотни тысяч, но этот в душу западал — не рисовался, молча сопровождал колонны беженцев и детей, мягко, но непреклонно заворачивал излишне оптимистичных журналистов, посмеивался над попытками вывести его на откровенность. Насколько я помню, даже на момент моего второго «отъезда» он был жив и практически здоров, и уж на Крите ему точно оказаться было не с руки, но факт остается фактом.

Некоторая пассинарность этого человека и его способность уверенно организовать вокруг себя крепкую команду вызывала у меня желание свести более близкое знакомство. Не очень порадует меня его участие в революции — парень точно справится, но кого приведет с собой? Да и что греха таить, интересно было, что там новенького.

К ужину я уже морально была готова ехать в Ретимно. Но XIX век — это не время для милитари-туризма, так что просто заглянуть на огонек не получится. Я разослала приглашения на суаре как горным инженерам, так и некоторым дамам, чьи любовные связи с военными не являлись особой тайной.

Это была моя первая вечеринка после... В общем, первая в выдыхающемся уже сезоне, так что пришлось придумать развлечение, ради которого получилось бы набрать нужный набор гостей, а в голову шли только литературные фанты. И ладно. Пара ящичков шампанского сделала и эту вечеринку очень миленькой.

Большую помощь, как я и подозревала, мне оказали дамы, проболтавшие о готовящемся отбытии в полыхающее Средиземноморье двух госпиталей. Под Высочайшем патронажем. Насколько я помню, греческий король женат на тетке Государя, так что могли бы и посолиднее сувенир отправить, но госпиталь — тоже неплох для моего замысла.

* * *

Муж бродил по дому серо-зеленой тенью, не только не прикасаясь к ней, но даже не дотрагиваясь до одних и тех же предметов с женой. Не попрекал, но лучше бы бил, как у других заведено. Все они, ученые, такие.

— Не держи на меня-то зла... — раз она повалилась ему в ноги. — В чем я виновна?

А он обошел кругом и ушел из горницы. Как был, в одной холщовой рубахе. И лишь когда не вернулся с приходом темноты, сообразила, что некуда ему было в холода-то в одно рубахе идти... Да и на снегу вокруг дома следов не было, лишь собака протяжно и безнадежно выла в затянутое тучами небо.

В начале всей эпопеи навестила могилу своего любимого.

— Привет!

Холмик еще присыпан снежной крупой, смерзшейся серо-белой коростой. Я опускаюсь на колени и устраиваю букетик сухоцветов посередине. Красивые, мне очень понравились, почти как в его гербариях. Перебираю хрупкие лепестки и острые колючки пальцами.

— Я, мой дорогой, уеду. Очень далеко и на неопределенный срок. Ты тогда со мной так же прощался, помнишь? Только вернулся грузом 300 через несколько дней на мой порог, а у меня такого шанса не будет. Но я попрошу графа, чтобы если что, меня к тебе подхоронили. — хоть по ту сторону окажемся вместе. — Нельзя будет официально — Фрол решит вопрос сам.

Подул мокрый ветер, и я зябко поежилась.

- Сердишься? Но мне туда очень надо. Я не могу больше бороться в одиночку.

* * *

— Даже не думай. — грохотал граф, а я осторожно глотала чай. — Тебе Вичуги мало показалось?

Нет, родными березками я тогда наелась надолго.

— Благотворительный прием для страдающих православных Крита — отличная идея. — твердила я одно и то же.

Действительно, правильно поданная мысль о том, что турки безнаказанно вырезают христиан, а греки на Крите исповедуют православие, обязана найти живой отклик в женских сердцах.

— Приемом Ольга Александровна займется с удовольствием, ты pomoжешь, деньги пожертвуем, но сама останешься дома.

Конечно-конечно.

* * *

Благотворительный прием мы с Ольгой отработали на 110 %. Она описывала страдания матерей и деток, я живописала трагедию православия в целом для мужчин, пригласили даже духовника Татищевых, с которым я доселе практически не пересекалась, за исключением моего ранения, но тут мы смерили друг друга неприязненными взглядами и молча решили сотрудничать. Получилось прекрасно — у нас случилась хорошая пресса, нескончаемый поток дам-благотворительниц и почти сорок тысяч собранных денег, которые мы с помпой пожертвовали фонду Ее Величества Марии Федоровны. Я извернулась и жертвовала лично так что даже смогла передать записку Ее Величеству. Добрейшей души женщина, не отказала. И невестка ее, Их Высочество Елизавета Федоровна, также откликнулась на мою просьбу, благоволив лично написать коротенькую записку с пожеланием терпения, сил и благополучия в моем путешествии. Этой-то запиской я и размахивала перед графом.

— Как ты успела все это проверить? — он аж пятнами покрылся.

* * *

Когда я впервые поехала в Грецию, мне было около двадцати, и я страстно мечтала увидеть сразу и море, и всяческие руины. Получилось с переменным успехом — на нашем острове исторические события не случились, а экскурсии отменились в связи со стабильно штормовой погодой. Вот на волнующееся Эгейское море я налюбовалась тогда на три жизни вперед. Несколько групп засели в отеле, осваивая all-inclusive и тесный бассейн. Осточертели друг другу до крайности. Лишь за пару дней до отъезда мы любовались омерзительно голубым небом и штилем. Так и уезжали — сердитые, незагорелые и ненакупавшиеся. С тех пор Грецию из турмению я вычеркивала сразу.

Совсем не так путешествовала одна маленькая графиня. В темно-синем дорожном костюме и миниатюрной модной шляпке со страусовыми перьями, тремя чемоданами барахла, пятью ящиками лекарств, я выглядела несколько чуждо в компании господина Джунковского и его команды врачей и медсестер. Старалась быть милой, но здесь палиться не стоит, поэтому с чарующе глупыми шутками выпрашивала у докторов о современных методах хирургии и конспектировала-конспектировала-конспектировала в крохотную надушенную книжечку. У женской половины спасательного корпуса я вызывала отвращение и жеманством, и стремлением выглядеть всегда красивенько, и неумным флиртом. Но репутация хорошенькой дурочки мне точно поможет в моем проекте, а демонстрация мозгов — нет, поэтому от поиска надежной подруги здесь пришлось отказаться. Устинья только вздыхала, глядя на мое лицедейство.

— Ах, Владимир Федорович, как замечательно, что именно Вы сопровождаете нашу экспедицию! — я чуть закатываю глаза.

Статный штабс-капитан уже не краснел от льстивых комплиментов — после нескольких лет службы у Великого князя Сергея Александровича это неудивительно. Смушение и комплексы остались у русоволосого богатыря по ту сторону гвардейского полка.

— Ваше Сиятельство слишком добры. — он церемонно кланяется.

В нашей поездке я оказалась самой знатной дамой, и это помогало кокетничать с мужчинами, но не способствовало дружбе с дамами, коих и так было всего десять.

Сестры милосердия Иверской обители сильно отличались от однокурсниц моей сестры. С теми я провела немало времени на вечеринках в клубах и при транспортировке их тушек, павших в неравной схватке с зеленым змием. Веселые, зажигательные девчонки со здоровым цинизмом и толикой безбашенности. Люська нашла идеальную среду для своего темперамента, когда выбирала медицину. Маленькая моя, как ты там?

А эти дамы меня просто убивали. В этой общине, не в пример прочим, где выращивали служительниц от младенчества, брали на работу. Жалованье платили, а лет через двадцать беспорочной службы обещали пенсию. Неплохой вариант, если других не предвидится. Тем более, что при таких тесных контактах с ранеными, невзирая на уставные ограничения, был шанс познакомиться с кем-то и выйти замуж. Все же мужчины частенько путают любовь с благодарностью. Правда, войны случались не каждый год, а в обыденной жизни дамы возились с сиротами, калеками и бедняками.

Иверское сообщество организовалось лишь три года назад, так что это была их первая

война, и энтузиазма у всех хватало. Тем более, почти для всех это была первая зарубежная поездка. Вот как бы мне не проколоться, ведь по документам я тоже за пределы Поволжья и Центральной России особо не отлучалась.

Так что я оказалась в компании дам в возрасте от 20 до 40 лет, которые пристально следили за мной и явно недружелюбно отзывались. Репутация моя была известна — юная вдова, пролезшая из грязи в князи графини, не особо заботящаяся о репутации, схоронившая жениха и готовая присмотреть следующего камикадзе.

Между нами пролегла широкая пропасть, которую только углубляло кокетство с мужчинами, наличие горничной и разнообразие туалетов. Их мрачная форма с белыми передниками смотрелась откровенно уныло, а чепцы слишком контрастировали с моими шляпками.

Но кое-какие сплетни до меня все же доходили. Сейчас господин Джунковский переживал не самый простой момент в биографии — ему приспичило посвататься к очаровательной даме, обремененной не только эффектной внешностью и прочими дамскими достоинствами, но и четырьмя детьми, и мало бы этого — упрямым мужем, не желающим деликатно самоустраниться с пути чужой страсти. Вульгарно, не правда ли? И покуда влиятельные покровители и покровительницы (а с ними я познакомилась прошлой зимой, и теперь искренне сочувствую упряму) обрабатывают почву для воссоединения любящих сердец, наш герой развеивает личные печали в морском круизе.

Половина нашего отряда отправлялась в Фарсалу, к туркам, а вторая — к грекам. Я, несмотря на яростные возражения Владимира Федоровича, оказалась в составе жиденского греческого десанта, состоявшего из двух врачей и четырех сестер. И мы с Устей на правах пятого колеса в телеге.

Интересный подход к гуманитарной миссии. Складывалось ощущение, что весь театр боевых действий — это своего рода тренажер, на котором инспекция европейцев просто ставит оценки. Попутно, правда, кого-то хоронят, но кто же солдат будет считать. Немцы давно уже натаскивали турок и теперь с озабоченностью хорошего тренера наблюдали за успехами своих питомцев. Англичане и французы всполошились, как бы кто не урвал прежде них кусок от Османской империи, а наши вдруг увлеклись миротворчеством. Прежний царь эту ниву возделывал неплохо, но вот от Николая Александровича я ожидала иного.

* * *

Городок Ретимно оказался сферической дырой в вакууме. Вряд ли Сараево сейчас выглядит лучше, но раз все идет к более раннему началу первой мировой войны, стоит запоминать. И я носилась по узким грязным улочкам, фотографируя ракурсы города, наших докторов, inferнальный госпиталь.

Два дня держалась в стороне, потом начала помогать — перевязывать, поить, кормить... Меня все еще воспринимали как назойливую муху, но уже терпимее.

А реалии оказались вовсе не такими, как виделось из уютной чистой гостиной в центре Санкт-Петербурга, и даже не как в фильмах о старых войнах. Нам выделили под прием просторный глинобитный дом, явно несколько лет простоявший без надзора. Окна без стекол, хотя в этом климате это скорее плюс, чем минус, неспособность проводить дезинфекцию — попробуй это сделать по земляному полу, отсутствие поставок лекарств и

продовольствия — его тоже пришлось закупать самим, адская жара, неиссякаемый ручеек раненых, полная неспособность что-то изменить. И оторванность от внешнего мира — не было ни газет, ни любых источников информации. Случись всем нашим спутникам на турецкой половине сгинуть — мы бы долго не узнали. Выделенные в помощь полдюжины местных уходили от вопросов, ссылаясь на незнание языка — и это в Греции-то, с русской королевой. В мое время в Турции каждый торговец умеет поддержать разговор на тему флирта и маркетинга. Да что Турция, в Африке русскоязычных выпускников наших ВУЗов найти не проблема, не говоря о Ближнем Востоке. Все же имеет смысл поддержка международного обмена студентами, а я-то раньше считала это пустой тратой денег и времени.

На восьмой день накатил волна отчаяния — а что, если это все зря? Шансы найти человека на войне — практически нулевые, особенно если этот человек не горит желанием быть узанным. Без телефонной и интернет-связи, без знания языка, без навыков выживания на войне — это просто слегка закамуфлированный суицид. Но в Ретимно пока еще не стреляли, так что настоящего страха мы не видели.

Доставляли нам преимущественно греческих мятежников, но встречались и турки. Их, чуть стабилизировав, передавали в миссию Джунковского, а греков пестовали сами. Прошла пара недель прежде чем я услышала то, ради чего и решилась на это рискованное путешествие.

Сестра милосердия Анна Асотова — пухлая большеглазая блондинка лет тридцати с переизбытком ханжества и недостатком личной жизни — перевязывала культю у высокого статного грека. Тот сначала честно строил ей глазки, рассказывая что-то эмоционально-интимное на непонятном большинству из нас языке — курс древнегреческого в гимназиях помогал не всем, а кое-кому вообще был незнаком, а после начал сквозь зубы материться.

— С-с-с. а б...

Сестра Анна поджала губы и продолжила с большим ожесточением.

— Странно, по-моему, на греческом это звучит несколько иначе. — медовым голосом сообщила я, удостоившись уничижительного взгляда медсестры.

— Ваше Сиятельство разве сталкиваются с подобным отрепьем?

— О, милая, с кем только не столкнешься в военном гарнизоне. Да и в родовом поместье моего супруга, Царствие ему Небесное, крестьяне себя не всегда сдерживают.

— И Вас это не оскорбляет? — озадачилась сестра.

— Так ведь больно же ему. Вы бы повязку смочили перед тем как разматывать — он, может, и что другое бы рассказал.

* * *

Дождалась ухода госпожи Асотовой и подобралась ближе к своей жертве. Молодой еще мужик — тридцатника не будет. Хотя они тут рано созревают под южным солнцем, значит еще младше. Так, я подготовилась дома к тому, что английского тут не знают.

- Ποю είναι το όνομα του διοικητή σας [1]? — зачитала я из записной книжки, где вывела транскрипцию своей речи.

Он радостно затараторил, вызвав желание повторять «Хенде хох».

- Δεν μιλώ ελληνικά [2].

На меня озадаченно уставились два огромных, как спелые маслины глаза.

- Πρέπει να τον δείτε. Πεs ^[3]. — и отдала маленькую записку, которая тут же исчезла в глубине одеяла.

— Димитрос.

— Я знаю. — погладила я его по уцелевшей руке. — Знаю.

Вскоре этот раненый исчез, и ни он, ни его одиозный руководитель признаков жизни не проявляли. И ладно бы только они.

Складывалось впечатление, что о нас совершенно забыли еще когда доставивший нас корабль ушел из бухты. Лекарства не подвозились и теперь многие манипуляции совершались с помощью подручных средств и Божьей помощи. В ход пошло и то, что я привезла с собой и несколько раз я подслушала одобрительные разговоры докторов о результатах. Но только тихо, и не для моих ушей, так что признания мы с Сутягиным дождемся не скоро.

Русский гарнизон, который Император посулил греческому королю, оставался миражом, и мы оказались в межвременье. Что происходит на войне — нам не рассказывали: контингент раненых не особо вступал в разговоры, а местные солдаты делали вид, что вообще не понимают наших попыток заговорить. Порой с турецкими парламентарями, доставлявшими нам греческих солдат и забиравших себе подлеченных соотечественников, мы получали отрывочные донесения из второго госпиталя — там было еще краше нашего: расположенный в сыром, покрытом плесенью доме, он щедрой рукой раздаривал медикам и сопровождавшему их отряду Джунковского малярию, лихорадку и прочие радости Османской земли. Непоправимых потерь пока не было, но судя по прорывавшимся эмоциям, депрессовали там люди не хуже нас.

А ведь могла бы просто нанять специально обученного человечка и передать письмецо. Сейчас же не только собственной шкурой рискую, как еще и Устю затащила не пойми куда.

Чтобы окончательно не съехать с катушек и пореже задумываться о чудовищной глупости этой экспедиции я приучила себя и пару присоединившихся сестер ходить купаться на рассвете. Все же быть у моря и киснуть в затхлых комнатах — перебор, пусть даже придется нырять в платях. Нам изначально выдавали в сопровождение казака Афанасия, но тот перманентно глушил с местными цыкудью, поэтому вскоре мы привыкли к одиночеству. Доктора уже поглумились над сходством названия с классическим ядом, но Афоню не брала никакая зараза. К сожалению, об остальных такого сказать было нельзя. Народ валом укладывался то от диареи, то от тошноты. Я жрала уголь как сахар и молилась. Ну и мыла все по сто сорок раз кипяченой водой, конечно. Приучила Устю обдавать все кипятком и мы пока держались.

Но везение не бывает вечным, и, боюсь, виновна в этом именно моя пляжная прогулка, когда накупавшись я не устояла и сорвала с дерева апельсин. Мне почти искренне сочувствовали, когда третий день подряд я задумчиво лопала одни сухарики и трепетно прислушивалась к внутреннему голосу. К пациентам засранцев не допускали, поэтому душный день пришлось провести в снятой нами мансарде.

Зарево пожара на востоке города я рассмотрела не сразу. Оказалось, что у турок случился прорыв на фронте и местные праздновали это вырезая чудом выживших в январе христиан. Ну конечно, как героически помирать, так я либо блюю, либо готовлюсь к этому. Мы с Устей прихватили все самое ценное и рванули в госпиталь. Как оказалось, вовремя, потому что возвращаться к ночи стало некуда, причем не только нам, но и сестрам. К исходу третьего дня осады госпиталя, которую мы все провели без сна, еды и почти без воды, в город вошел тот самый давно обещанный гарнизон. Всю компанию экстренно, под охраной решили переправить под присмотр Джунковского. И тут нужно знать местную пунктуальность: срочно — это в течении нескольких дней. Ну не позднее недели, хотя бы. Или двух.

Отбытие ожидалось на очередном рассвете, и мы начинали привыкать, что все откладывается, как и вчера, и позавчера, и третьего дня. В этот раз я решительно не могла заснуть, и мы с Устей устроились на кресле под оливой, что росла чуть в стороне от госпиталя. Посидели-посидели и решили напоследок искупнуться. Теперь в городе не было страшно, да и от ворот госпиталя до побережья — рукой подать. Прихватили немного еды, пару покрывал и пошли. Как оказалось, по улице мы шли не одни. Причем это выяснилось, когда мы успели добраться до берега, я разделась и нырнула.

— Хозяйку позови. — раздалось в ночи. — И погуляй пока с Андреасом.

Я бестолково шурилась, пытаюсь рассмотреть незваных гостей. Один силуэт был мне очень хорошо знаком, и вроде бы по кустам шевелились еще тени — или это лишь ветер? Так и пришлось идти к берегу в мокром платье, вода стекала по лицу, рукавам и подолу. Позорище. Ну так и он тоже не обязательно красавчик.

Для непосвященных — армия Греции обычно лидирует в рейтингах самой оригинальной формы. Здесь собрали и шапочку с кистями до самого того, и чулки с подвязками, и юбочки-солнце и тапочки с помпонами. Живописно выглядит, но меня терзают сомнения насчет боевых успехов в подобном облачении. Мой гость одевался весьма по-европейски — мышастый сюртук, брюки, заправленные в сапоги, белая рубаша. Оброс бородой — непривычно. На передовой обычно бывал гладко выбритым, со щетиной или бородой там более раскрученные персонажи ходили. А теперь лишь эти раскосые глаза да чуть побитые сединой пряди напоминали того, кто стал очередным лицом той внезапной войны. В моей стране после Великой Войны героев в режиме он-лайн не случалось. И пусте их выкашивали пули и взрывы, но этот, казалось, под Божьим покрывалом ходит.

— Здравствуйте, Дмитрий. — я завернулась в большую простыню, поданную Устиньей, быстро переделалась внутри нее, пожертвовав условностями типа множественного нижнего белья, отпустила девочку и жестом пригласила комбрига присесть. — Выпить хотите?

— Я не пью. — Он чуть сутулясь устроился на большом валуне.

- Зря, тут алкоголь любую заразу убивает. — он молча протянул руку.

— Ксения Татищева. — я едва успела перевернуть ладонь, чтобы пожать.

— А меня, стало быть, знаете, — он наблюдал, как я достаю из корзины бутылку, наливаю нам обоим и, к чести его, не стал дожидаться моего первого глотка.

— Ну, за встречу, Хакас. — пробормотала я. Не сказать, что граппа легко ложится на измученный стрессами желудок, но весь день я лопала сухарики. Хуже уже некуда. — Давно Вы тут, Дмитрий?

— На Кипре-то? — усмехнулся он. — С полгодика будет.

— Вы же понимаете, я не об острове. — я откинулась на покрывало и выдохнула.

— А Вы? — ушел от ответа мой собеседник.

— Четыре года. — звучит-то как жутко. — В общей сложности.

Он с изумлением уставился.

— Это как?

— Через два почти была возможность дом навестить, но я там... В общем, вернулась.

— Как? — он вскочил и бросился ко мне. Наблюдая это заросшее лицо и диковатые глаза потомка Чингиз-Хана, я вдруг вспомнила, что были у него и контузии. Неоднократно. Не реже пяти-шести раз в году.

— В Петербурге дверь была... Только там революционеры бомбу уронили и больше она не работает. — я наблюдала, как чуть подрагивающими пальцами он достает портсигар, извлекает из него сигарету, прикуривает от зипповской зажигалки. Здесь такое не встретишь — как только не спалился на столь явном анахронизме?

— И что?

— Пожила там пару месяцев и вернулась. Здесь у меня тоже... Жизнь.

Разговор не клеился и я, вдоволь наглядевшись на мужика из телевизора, как-то перестала понимать, зачем притащилась к нему.

— Слушай, давай на ты, а? — он перестал сражаться с привычками и уселся в любимой позе — одно колено параллельно земле опирается о другое.

— Не вопрос. — Я потянулась за влажным покрывалом, свернула его подушкой и подложила под шею.

— Там точно больше нельзя пройти? — он смотрел на меня с надеждой малыша, которому впервые рассказывают про то, что Деда Мороза не существует.

— Сумка динамита.

Он понимающе промычал.

— Ты как про меня узнала?

— Там-то? — он усмехнулся. — А здесь в «Ведомостях» очерк был с портретом.

Сильное впечатление, конечно. Вот и подумала, что земляка надо повидать.

— То есть ты на войну приехала увидеться? — он странно посмотрел на меня со смесью любопытства и снисходительности звезды к фанаткам.

— Русские своих не бросают. Я здесь за это время еще ни одного своего не встречала — а насчет тебя сомнений быть не может. Да и вообще, любопытно, как оно там все.

— Ты в тринадцатом пропала? — он добивал запас сигарет, и я начала беспокоиться, что же мы будем делать позже.

— Нет, в пятнадцатом. Здесь такая штука — из какого дня ушел — в тот и вернешься. Но сколько потом в своем мире отживешь — настолько сюда опоздаешь. — данный вывод я сделала еще в первые месяцы, и косвенно он подтверждался опытом Феди.

— Стоп. Еще раз. — он отвлекся от огонька сигареты и внимательно посмотрел на меня. Ох, от этого взгляда я раньше... Ой. Но не теперь.

— Навоюешься здесь (кстати с кораблями у тебя отлично получилось), найдешь лазейку, даже если через десять лет вернешься в тот же день...

— В шестнадцатый хочу... Прикинь, эти суки меня в Новый Год выпилили. По машине шмальнули, я в кювет... Тачка полыхает, еле успел выпрыгнуть, а помню ж, что вокруг минное поле... А оно ни разу не минное, и трассы нет. Да что там трассы, тачки не осталось.

— А как ты без документов-то? — вспомнила я свою самую большую головную боль.

— Да ерунда все твои бумажки. Я и сейчас без них обхожусь. Винтовка есть, и ладно. Но поначалу пришлось... Да... — он вспомнил что-то забавное. — А ты?

— Я эпоху изучала там, поэтому устроилась почти гладко. Сначала у купчихи в компаньонках служила, после ее смерти в лавке у купца счета вела. Потом замуж выскочила...

— За купца? — усмехнулся Хакас.

— Нет, за артиллерийского поручика. — показала язык я. Приятно все же сбросить скорлупу условностей. — Овдовела... Теперь вот веду тихую светскую жизнь.

Где-то на море громыхнуло.

— То-то оно и видно. Прогресс толкаешь потихоньку?

— Только если чуть-чуть. Здесь не так легко что-то заработать на инновациях. До Сколково люди еще не доросли. — проворчала я.

— А что дальше думаешь?

— Раньше думала, что еще лет 20 стабильности будет, но недавно у немцев химзавод рванул с какой-то ядерной отравой, значит, наши современники тут случаются. И теперь гарантий нет.

Он откинулся, совершенно по-кошачьи вытянув длинные ноги.

— А знаешь, я вот про разные войны в детстве читал, а эту почти и не знал, только сроки... Раньше думал, что победим тех уродов, на завод свой вернусь. А оказалось, что война сама за мной ходит...

— Ты в курсе, чем она закончится? — поинтересовалась я потому что к стыду своему до сих пор ничего не вспомнила.

— Да продуют греки все... — махнул рукой боевик. — Я тут пробую, бьюсь, а как в

учебнике выходит — адмиралы про... все, что можно и нельзя.

— Так что же ты? — удивилась я.

— Не поверишь — втянулся. — Он обезоруживающе улыбнулся.

— Вот и я — втянулась...

Помолчали. Дело шло к рассвету, поэтому собрались и тихо-тихо пошли к госпиталю. Чуть поодаль шли Устя с тенью комбрига.

— Думаешь, революцию переиграть? — спросил он после долгого молчания.

— Раньше считала это важным... Но теперь важно большую войну не продуть. А там уж царизм ли реформировать, или парламентаризм придумывать — видно будет. Причем не мне и не тебе это решать. Знаешь, из двухтысячных все как-то иначе смотрелось. И не то, что одни молодцы, а другие — гады, а беда в том, что десятки миллионов, причем не абстрактных цифр в учебнике, а живых людей, которые еще и не все на свет появились, должны погибнуть, чтобы что-то получилось. Да и теперь нет гарантии, что получится так, чтобы СССР оказался сверхдержавой, если у тех же немцев сидят пара человечков, как мы с тобой, которые знают, где соломки подстелить. Или у итальянцев... Или у французов. Ты только прикинь, какой соблазн — переиграть все так, чтобы лет через тридцать было великое царство Сингапура или Европейский Союз Лихтенштейна...

Мой гость тоскливо посмотрел на пустой портсигар, свистнул, и из темноты появился еще один человек, молча протянувший ему запасы табака.

— Думаешь, что здесь начало Первой Мировой?

— Полагаю, при любом раскладе оно может рвануть где угодно. Вряд ли посреди боя пройдет группа чирлидеров с помпонами и транспарантом «Поздравляем, вы только что начали Мировую Войну»?

Он усмехнулся.

— А знаешь, круто было бы выпилить под ноль Австро-Венгрию... Это же их заботами нам потом...

— Да, что ждать этого несчастного Гаврилу Принципа? Давай прям сейчас начнем. — рассмеялась я, но смех получился коротким и недолгим. — Ладно, поржали и будет. Тебе помощь нужна какая?

— Мне бы пару танков сюда. Не представляешь, как я по своему танку скучаю. — мечтательно улыбнулся Хакас. — Там тосковал по винтовке, когда меня комбат в танк усадил, но сейчас бы год жизни за своего Наф-Нафа отдал. С ним мы бы за неделю все закончили.

— В Стамбуле? — как-то хорошо представилось именно это.

— Можно и в Стамбуле.

— Извиняй, могу только лекарствами. — Позвала Устю и вместе мы передали мятежникам несколько сумок с повязками, углем и первыми партиями антибиотиков. Врачи все же их пока применяли неохотно, то есть вообще игнорировали в большинстве случаев. — Это, конечно, не ядерные порошочки нашего времени, но лучше, чем ничего.

— Спасибо. — По едва заметному жесту из деревьев появилась та же тень и уволокла сувениры во тьму. — Здесь же вроде антибиотиков нет пока.

— Нет пока. И не предвидится. Но если поискать, то кое-что кое-где можно найти. — Жаба душила тратить средства на чужую по сути войну, но так хотелось, чтобы у него все получилось. Хоть у кого-то из нас здесь должно все получиться. — Денег много предложить не могу, но... — достала из закровов кошель с серебряными рублями.

— Ты — прям фея-крестная. — с радостным изумлением он смотрел на мой аттракцион невиданной щедрости.

— А ты, Золушка, останься живым. — я помолчала и добавила главное, для чего и затевала всю встречу. — Когда тут закончишь, приезжай в Питер. Есть у меня задумки кое-какие, но нужны твои знания в технике. Адрес вот. — передала карточку, внимательно прочитанную и сожжённую.

— Да запомнил я все, не бойсь. Ты тут графиня? Обалдеть, устраиваются же люди. — произнес он в ответ на немой вопрос. — Ладно, с меня же сказочки были? Значит с пятнадцатого до конца шестнадцатого... Ну у нас все по-прежнему, плюс-минус километр. Ваших на Олимпиаду практически всех не пустили — типа из-за допинга. В Египте питерский борт взорвали, поэтому туда туристы не летают. В Турцию тоже — они ваших летчиков сбили в Сирии. У вас в России на днях борт МО лег... С артистами. В Сирию летел — не долетел. Там, кстати, тоже в затыг пошло.

— А мы туда воевать пошли? — недоуменно уточнила я.

— В основном, авиацией. Там и турки, и европейцы... Прямо ностальгия берет, когда на эту войну смотрю. В Турции посла вашего убили. Вроде как фанатик. Европейцы от своих беженцев вешаются. Там то в Париже, то в Брюсселе теракты. Бардак, короче. О, ты ж не в курсе — у амеров Трамп победил!

— Где?

— В Белом Доме.

А я думала, тут большие перемены.

— Цирк поехал на гастроли...

— Мост в Крыму строят. Санкции продлевают. Во все виноваты русские. Даже в результатах американских выборов. Ну и нашей войны, само собой, нет. Этот американский гений все свою ракету запустить не может в космос — смешно даже. Что тебе еще рассказать-то?

Для такой сводки надо знать побольше, но тень рискнула проявить инициативу и прошептала на ухо Хакасу несколько слов.

— Я пойду. Был рад встрече. — он обнял меня, такой высокий, широкоплечий, надежный, похлопал по спине. — Обязательно повторим.

И исчез, унося с собой и все наше утраченное будущее, и энергию, с которой он взялся за обреченное дело, и уверенность в своих силах. словно телек выключили в темной комнате. Может быть, и мне что попробовать, а то голосить, что революция — это стихия, один человек ни на что не способен, а графиня в депрессии, можно бесконечно, но лучше от этих слов никому не станет? Хоть пользу кому принесу.

Наутро я завернула волосы в обычный пучок, надела самое простое платье и вошла в палату. Работать до седьмого, а порой и двадцать седьмого пота, поить, утешать, закрывать глаза. Переезд опять откладывался, но жили мы все теперь во временке, быстро возведенной на территории госпиталя.

Девушки-медсестры потихоньку теряли столичный лоск и выматывались, засыпая где ни попадя. Поначалу любой знак внимания от сопровождающих мужчин воспринимался как эпохальное событие, обсуждаемое всеми подолгу, а сейчас то одна, то другая исчезали на ночь или с врачом, или с пациентом. Мало того, что сестры, в глазах Усти появилось новое слегка мечтательное и одновременно упрямое выражение.

И я, признаюсь, им всем завидовала. Полудетское увлечение парнем из монитора

прошло, как наваждение, так что желая закрутить короткий, но сногшибательный роман с этим мужчиной не появилось. А ведь могло бы, и возможно встряхнуло бы от сердечной апатии. Когда зимой Ольга пробовала развеять мою печаль другими знакомствами, я не могла переступить через свою трагедию. Ну и с Андрюшей, конечно, нехорошо получилось. Позже, когда начала разумом примиряться с тем, что семьи с Тюхтяевым больше не будет, всех сравнивала с ним, и пока позитивных откликов не нашлось. Это что, только *post mortem* выяснилось, что мне встретила Самая Большая Любовь? Или просто покойника не переиграешь?

Трудно поверить, что все мои чувства раньше я воспринимала всерьез. Я порой пыталась вспомнить своих возлюбленных из двадцать первого века, но максимум, что получилось — составить список. И то вряд ли полный. Лица многих с трудом вспоминаю — все же с переключением на местную жизнь все почти получилось. Жаль, что так несвоевременно.

Через несколько дней у нас умирал молодой, но чрезвычайно угрюмый грек, в котором я не сразу признала Андреаса. Опознала только по портсигару. Умирал долго и страшно, с развороченным животом и сепсисом, непрекращающимся кровотечением и инфекцией. Хирурги дважды пытались урезать кишечник, лепить швы на швы, но к утру парень скончался.

Ночью я осталась дежурить снова, слегка подремав днем. Теперь, в форме сестры милосердия, меня уже не принимали за графиню. Да что там, я сама уже смутно помнила, был ли мир за пределами этого недостижимого моря, жары, мух, стонов умирающих и накопленной усталости. Где-то в тени двора тихо плакала Устя. Я и не заметила, что эти двое тогда успели стовориться.

— Ксюха! — потрепала меня по плечу широкая как лопата ладонь.

Как и в той, другой жизни, его практически не цепляли снаряды, и сейчас он щеголял лишь мелкими ссадинами на лице. Даже не сразу заметила, как морщится при ходьбе.

- Ты как тут? — полушепотом спросил, косясь на пост, где дремала маленькая и тихая, как мышка чахоточная сестра Дубровцева. Как можно было тащить ее в такую дыру, я не понимала, ведь по их уставу нужно было иметь лошадиную выносливость, но девочка по мере быстро угасающих сил все пыталась что-то делать. Ее было искренне жаль.

— Бывали дни и лучше. — потянулась я и быстро вышла вместе с комбригом за порог. Там, за стволом древней, как местные руины, оливы, мы укрылись от посторонних глаз. — Прости за своего. Тут все бились как могли.

— Да я еще там понял, что 200. - он снова закурил. Вообще, дымит как паровоз.

Я достала из его пальцев сигарету и потушила о ствол. Экологически неправильно, но не топтать же тоненькими туфельками.

— Пойдем, осмотрим тебя.

Да, да, я видела полуголого Хакаса!!! И у меня даже фотки есть. Он вскинулся, когда увидел светящийся экран и посетовал, что свой телефон посеял еще в Македонии, через которую добирался сюда.

— А заряжаешь чем, святым духом? — пошутил он и очень озадачился моим подходом к энергетической безопасности.

Пока трое неприметных товарищей грузили из мертвецкой тело погибшего, Хакас практически не морщась терпел ощупывания и перевязку.

— У тебя шрам на шраме и шрамом погоняет. — я изучала его тело словно карту

сокровищ — мой же ровесник, практически, а видок как у пробной версии Франкенштейна.

— Мне говорили, что это только украшает. — улыбнулся пациент. И да, я не святая, мне тоже в это очень даже верилось.

На мой скромный, не подкрепленный рентгеновским исследованием взгляд он сломал пару ребер. Травма неприятная, но сравнительно легкая, и подобное бинтовать меня уже хорошо научили. Вообще, здесь я неплохо поднатаскалась в работе младшего медперсонала, и теперь при необходимости смогу стать не только чтецом фармацевтического справочника, но и полноценным ассистентом медика.

— Все же попробуй беречь себя — я домотала бинт вокруг его торса и завязала кончики.

Он только фыркнул в ответ.

— Что там слышно? Мы тут как в жопе мира торчим, без интернета, газет, радио, вслепую. Толку-то от русской королевы — язык никто не знает, или делают вид, что не знают. — ворчала я.

— Да п...а — в общем-то исчерпывающая характеристика ситуации, которую ни одно средство массовой информации процитировать не сможет.

— А конкретнее?

— Русская эскадра обстреливает греческий лагерь и все хором требуют уйти. Греками рулит принц Константин, женатый на сестре кайзера. А кайзер своими офицерами укомплектовал турецкую армию. И теперь все это одно большое болото.

— Значит скоро замнут все. Получается, что люди погибли зря. — я оглянулась на госпиталь. — М...ки они там все.

— Да, — согласился он. За эти дни осунулся, лицом потемнел, но азарта не утерял.

— Возвращайся в Россию. Там интереснее. Скоро дедушку Ленина из ссылки выпустят — сходим посмотрим. Я прямо чуть-чуть не успела до ареста. Опять же, там живые классики по улицам ходят. — Я передохнула и вернулась к своей любимой песне. — Попробуй пока получить местные документы. В России с этим не так чтобы очень просто.

— Живы будем, не помрем. — обнял меня на прощание человек-легенда и исчез.

* * *

Как только наше доблестное руководство таки собралось «вот завтра, как Бог свят!» выезжать, пришло трагическое известие — турецких соратников накрыла очередная волна малярии и скончался наш вождь, доктор Ланг. Сестры плакали, мужчины курили, я испугалась. До сей поры смерти здесь происходили как неизбежный риск выбравших путь воина. Смешные наши недуги казались издержками акклиматизации, но смерть своего человека пугает и быстро ставит на место.

* * *

Нас перевозили несколько дней по жутким совершенно дорогам, Россия показалась уже недостижимым раем, и есть ли он вообще?

Перед отъездом нашего госпиталя в мою каюту доставили корзину с вином, лепешками

и другими прелестями местной кухни. Кусок козьего сыра был обернут бумагой, на которой карандашом нацарапали танк, крушащий Голубую мечеть. Мы в школе рисовали рейхстаг так же — с взрывами, ошметками.

* * *

Вначале и особой боли-то не было Так, словно камышинкой уколоться. Раз обычные настои трав не помогли, ни пижма, ни подорожник, ни какие-то чудо-смеси, живот нагло рос, порождая все больше и больше ненависти, Саввишна достала спицу, прокалила на свече и под бормотание наговора просунула между ног.

Может, что и изменилось, но с зимы она не ощущала себя ниже пупка. Хоть кулаком бей — пусто. И под крестом — так же.

Похоронить мужа было сложнее, чем пережить насилие. Удушенника не принимала церковная земля и лишь за золотой червонец удалось сговориться с могильщиком, чтобы вырыл могилу неподалеку от дома. Теперь она ежедневно могла навещать его, минуя осуждающие взгляды деревенских. И поначалу это казалось облегчением, равно как и то, что все сударушки-подруженьки разом забыли дорожку к ее жилью, но потом накатила тоска, волчья, отчаянная тоска.

Без мужа оказалось еще хуже, чем под его горьким взглядом. И боль только толкала дальше в яму отчаяния.

* * *

«Ксения Александровна, приезжайте. Д.Кустов.»

Кто такой Д. Кустов я поняла не сразу, хотя обратный адрес как бы намекал. Что такого могло случиться, если Фрол с Антуаном (или уже не с ним) были тут не первый месяц, я даже не представляла, но вряд ли Данилка бы так шутил.

Поехала налегке — с одним чемоданом, ридикюлем и Устей. Та стоически воспринимала необходимость путешествий, а после Крита вообще стала более любознательной, и порой я ловила ее за чтением.

Поступила на этот раз красиво, по-барски, взяв извозчика и отправившись к самому уважаемому отелю города — гостинице Зейферта, «России». Чуть улыбнулась, вспомнив, как восхищалась еще пару-тройку лет назад роскошными дамами и господами, выходящими из этих апартаментов. В мои двадцать она уже сгорела и мрачным остовом под маскировочной сеткой вздымалась над центром города.

На встречу с Данилой отправилась незамедлительно, как только разместились. Это был мой четвертый приезд в Саратов, если считать две транспортировки из другого мира, но сейчас я поймала себя на мысли, что совсем отвыкла от него. Когда-то, еще до замужества, это был целый мир, которого мне вполне хватало. А теперь, после всех приключений и войны, все выглядело маленьким, наивным и бесконечно беззащитным перед натиском истории.

Мимо лавки Фрола, где уже поменяли вывеску, я прошла с упавшим сердцем — скучала

все-таки по тому наивному и простому периоду.

Фабрика купца Калачева облагородила пункт моего прибытия. Теперь там не было заколоченных окон, напротив — стекла сияли в солнечном свете. Ни души не было вокруг, но судя по аккуратно прибранному двору и следах повозок — дело шло на лад.

Я поднялась на крыльцо и потянула тяжелую дверь. Сразу за ней на меня обрушился гомон голосов — швеи пели, переговаривались, туда-сюда носили короба с материалами и готовыми пакетами. Я поймала за руку совсем юную остроглазую девочку с мышинного цвета косой.

— Голубушка, где бы управляющего найти?

— Данилу Петровича-то? Так в конторе он. — и махнула рукой в сторону длинного полутемного коридора.

Я дошла до самого конца, прежде чем обнаружила приоткрытую дверь.

— Данила Петрович, Вы уж и до отчества доросли? — ехидно спросила у быстрого возмужавшего владельца стола.

Тот мигом сбросил маску серьезности.

— Ксень-Ляксандровна! — взмыл над столешницей. Вытянулся, что твоя оглобля.

Мы обнялись, и я снова почувствовала тоску по тому, что ушло. Как будто здесь прошло мое детство, а яркая взрослая жизнь, пусть и оказавшаяся столь жестокой — отгородила от людей, вытянувших меня в самые безысходные времена.

— Какой ты стал, Данька, красавчик. Настоящий джентльмен.

— Стараюсь. — Он даже чуть покраснел. — Хозяйство-то большое. Вы с Фролом Матвеевичем когда все это задумали, я не верил, что выйдет, а вот как обернулось.

Он, безумно гордый собой, показал мне оба этажа, заполненных опрятно одетыми женщинами, короба с готовой продукцией и пару подростков, подписывающих почтовые карточки. Неплохо.

— Как матушка твоя, довольна?

— Да! — расцвел Данила. — теперь не ходит полы мыть, домом занимается.

— Данила, я тебя, конечно, очень рада повидать, можешь и сам ко мне приезжать, если захочется на столицу посмотреть. Но что такого срочного случилось?

Он стукнул себя по лбу.

— Зарапортовался совсем. Вы же просили сообщить, если кто к Вам или Фролу Матвеевичу с Вашим рекомендательным письмом явится.

Что-то душно в комнате.

— Да, конечно.

— На той неделе барыня пришла в лавку. Солидная такая. На Вас похожа. Ей там сказали, что Фрол Матвеевич уехал, и я за него.

Я, похоже, белела лицом и синела ногтями.

— Сомлели? — он протянул мне чашку с водой. — В общем, я с ней потолковал, письмо Ваше видел, почерк узнал. Она с дочерью и с вещами, только одеты по-иностранному и почти без денег, вроде.

— Где? — каркнула я.

— Я понимаю, — прошептал он мне на ухо, — что у них бумаг нету. Поэтому пока тут поселил. На чердаке. Чтоб не видал никто.

— Данила, я всегда знала, что ты далеко пойдешь с таким умом и предприимчивостью. — проговорила я, чуть опираясь на стол. — Пошли.

На чердак я поднималась по темной лестнице с воодушевляющей пустотой в голове. Если родня меня решила навестить, как я им скажу, что это билет в один конец?

Толкнула окрашенную белилами дверь и оказалась на пыльном чердаке. Где-то в глубине белели два тюфяка, на которых свернулись женские фигурки, одна из которых тут же вскинулась на звук, а вторая так и осталась неподвижной.

— Мама?

— Ксюша, я уже и надеяться перестала. — вполовину исхудавшая женщина в длинной юбке и широкой черной рубашке бросилась на шею.

Ее черные густые волосы оказались щедро прорежены сединой, чего я точно помнила, раньше не было. У нас в роду женщины седеют только от стрессов. Что с ними произошло?

Я только кивнула в сторону безжизненной коротко стриженной спутницы.

— Беда у нас, Ксюша.

* * *

Люся успела поработать в клинике пластической хирургии, причем не косметической, а такой, настоящей пластики, когда из ничего восстанавливается лицо. Или делается совершенно другое. В свое время она с ума сходила от возможностей трансформации внешности, так что своим делом увлеклась всерьез. И так уж вышло, что не смогла отказаться от заманчивого предложения поработать в частном порядке. Не ведущим хирургом, нет, кто ординатору-второгодке доверит новое лицо делать. Сейчас бы голову свернуть хирургу, который ее на это подписал, но у того давно налажена бесперебойная поставка дров под сковородку.

Изначально намеченное омоложение оказалось на практике полной реконструкцией лица после взрыва детонировавшей раньше времени бомбы, предназначенной пассажирскому самолету. Три месяца, проведенные в незабываемых полутюремных условиях под контролем людей с автоматами, позволили Люсе научиться двум вещам — выхаживанию пациента в походных условиях и медитации, ибо ничем другим страх смерти не заглушался. Когда пациент полностью поверил в успех лечения, хирурга расстреляли тут же, а у Люси началась совершенно немедицинская карьера.

Их взяли на границе с Киргизией и долго делили между государствами. Позже потерпевшая стала обвиняемой и еще несколько раз сменила этот статус в зависимости от политической обстановки, актуального следователя и запросов адвоката. Папу Сережу вызвали к руководству еще в самом начале этой тягомотины, высказали официальное мнение насчет секс-джихада дочери полковника полиции и тот не нашел ничего лучшего, чем пустить пулю в висок из табельного оружия. Бедная мама разрывалась между лечением дочери после этой поездки, арестами и похоронами. Пришлось опустошить заначки, продать и родительскую и мою машины, дачу. Как-то раз, когда Люську выпустили под залог нашей старой квартиры, они ночевали на моей кровати и мама приняла историческое во всех отношениях решение.

— Я нашла твой дорожный список, немного вот расширила — она кивнула на четыре гигантских чемодана.

А я не могла отвести взгляда от совершенно безжизненной Люськи. Той самой егозы, которая планомерно отравляла мне всю сознательную жизнь больше не было. Девушка бессмысленно смотрела в потолок, не обращая на меня особого внимания.

* * *

Мысли носились в голове подобно курице с отрубленной головой. Но самая первая — как перевезти через полстраны женщин без документов.

— Мы тут купили у антикваров кое-что... — мама порылась в одном из чемоданов и достала паспорт на имя крестьянки Смоленской губернии 55 лет. Малость просроченный, ну и ладно.

— А наш взяли?

— Конечно.

Зашибись. Ксения Александровна Нечаева и Ксения Александровна Татищева едут с крестьянкой Когужевой. И ладно, где наша не пропадала.

— Мама, два дня побудешь ее горничной, хорошо?

— Конечно, доченька.

Я кубарем свалилась с лестницы, обняла Данилу и рванула в чес по магазинам. Траурный наряд для дальней родственницы прикупила у той же портнихи, что и обшивала раньше меня, там же справила дорожную шляпку и перчатки. Белье одолжу свое, а то какая-то подозрительно голая родственница у меня.

Маме все-таки решила прикупить одежду уровня экономки, в конце концов мало ли кто кем работает. С траурной повязкой на рукаве обе они олицетворяли скорбь.

Устя невозмутимо выслушала информацию, что в гостинице мы даже не заночуем, а называть наших гостей следует при людях и наедине по-разному. Обожаю эту девочку.

Даниле напоследок я положила в карман жилета пятидесятирублевую ассигнацию и выдала разрешение больше не ждать гостей.

* * *

В поезде пришлось вести себя настолько омерзительно, капризничая по мелочам, начиная с чистоты вентиляционной решетки в купе и заканчивая прической проводника, поминутно стращая всех своим родственником, что железнодорожные служащие наше купе обходили по дальней дуге. Еду Устя принесла из вагона ресторана сама. К середине пути мне попался похожий на старого тюленя начальник поезда, с которым я начала наоборот напропалую кокетничать, чем сбила с толку, так что на моих попутчиц у него времени явно не хватило.

В купе я зарывалась лицом в коротко стриженные рыжие прядки и боялась поймать безучастный взгляд. Люська реагировала на внешние раздражители и порой даже отвечала на вопросы, но смотрела словно с того света.

— А ты тут как? — наконец мы отвлеклись от ужасов начала двадцать первого столетия.

— Я? — ох, с чего бы начать, чтоб не так жутко было. — Вернулась накануне Пасхи

тогда. За полтора месяца граф такой шорох навел! Фохта обвинил в моем убийстве.

— Да? — мама смогла слегка улыбнуться. — Как у него дела?

Да кто бы знал-то.

— Мам, тут два года прошло с моего возвращения, так что быстро не перескажешь, откровенно говоря. — я даже не знала с чего начать. Родителей же обычно успехи радуют, так что... — Я дом построила. Собственный, в Петербурге. Мы с графом немножко бизнесом занимаемся, так что денег хватает.

— Замечательно! — порадовалась родительница.

— Федю я с прошлого года не видела. — скажу, как есть, что уж там. — Он не очень порадовался моей помолвке, поэтому мы сейчас мало общаемся.

— Ты опять замужем? — изумилась мама.

— Нет. Мой жених... Он очень хороший человек, тебе бы понравился.

— Но? — это «но» слишком явственно звучало.

— Он служил в Министерстве внутренних дел, вместе с графом. Дружили даже. — я с нежностью вспомнила наши встречи летом, когда Тюхтяев отлеживался в моей гостевой после ранения, а граф приехал его искать, и когда я моталась между домом и Моховой после, и все наши фармацевтические аферы. — В день нашей официальной помолвки одна революционерка взорвала его экипаж. Так что я не замужем.

— О, Ксюша. — мама обняла меня. И даже Люська зашевелилась и прижалась теснее.

* * *

Все, решительно все складывалось хуже, чем я могла ожидать. Казалось бы, воссоединение семьи — это то, о чем я мечтала здесь с самого первого дня. И мало того, что цену за это они заплатили адскую, так еще сейчас слишком высока вероятность того, что я лишусь своих близких.

До утра я просидела с бумагами мамы и сестры, и вердикт вынесла за завтраком, когда смирилась с необходимостью посторонней помощи. В который раз жалею, что нет тут гугла нам в помощь, но работать придется с тем, что есть. До чего же тяжело одной-то... В прочих моих начинаниях за спиной всегда были люди: Фрол, Петя, Федя, граф, Михаил Борисович. Я наращивала броню, но разлад с Фохтом, смерть Тюхтяева и запутанность ситуации с моими барышнями сделали невозможной опору на привычные ценности. Или кое-что еще осталось?

Пару часов и целю корзину смятой бумаги спустя удалось сочинить относительно внятное приглашение на чай. Отнести это на Гороховую доверила Устенке и наказала ждать ответа.

«Почту за честь» — размашистым почерком пересекало лист казенной бумаги. Вот четыре года здесь живу, а все еще восхищаюсь этими манерами. Почтет за честь. Провела пальцем по завиткам почерка. Соскучилась все же. Несколько платьев перебрала, прежде чем выбрала неумеренно декольтированный наряд. Программа-минимум на сегодня — разведать обстановку, а максимум — вернуть его обратно. Так что собираемся как на войну. И таблеточку не забываем принять на всякий случай.

Дорогого гостя я принимала, предварительно отправив родственниц на прогулку в

Ботанический сад. Лишние встречи сейчас точно ни к чему.

— Здравствуйте, Федор Андреевич! — я давно его не видела, и сердце почти не екало, разве что самую малость.

— Здравствуйте, Ксения Александровна. — Похудел, чуть осунулся, тени под глазами, новые морщинки у плотно сжатых губ.

Мы оба ели друг друга глазами, но дальше дело не пошло. Устроились в кабинете, за плотно закрытыми дверями.

— Чем могу служить? — полюбопытствовал гость.

— Мне очень нужна Ваша помощь.

Его зрачки на мгновение расширились, чтобы потом сузиться до точек.

— Хорошо, я постараюсь. — очень вежливо и отстраненно. Ну что ж...

— Федор Андреевич... — осторожно тут не подведешь к таким новостям, так что лучше валить сразу в кучу. — Ко мне приехали родственники. Оттуда. И мне нужно их легализовать.

— Анна Степановна? Людмила Сергеевна? Сергей Викторович? — его лицо осветилось целой палитрой эмоций. Да неужели ты всерьез им рад?

— Да. То есть без папы. Там у нас случилось несчастье... — даже думать тошно о том, что им пришлось пережить одним. — Короче говоря, они тут насовсем. И мне нужно как-то это оформить, чтобы ни одна душа не подкопалась.

Он сменил радостное изумление на подозрительный прищур.

— То есть как оформить?

— Просто. — ну не притворяйся, что ты тупее, чем выглядишь со стороны. — Им нужны документы. На одном паспорте Ксении Нечаевой два раза мы выехать не сможем.

Он искоса рассматривал меня. Можно подумать, сам святой. Да я бы обратилась туда же, где добывала паспорта для Красноперовых, но одно дело прислуга, которой мы уже поменяли их вполне легально, еще куда за мной Тюхтяев ухаживал — стоило только погрузить демонстративно, и без особых вопросов ребята стали добропорядочными жителями Санкт-Петербурга, и совсем другое — те, кого я планирую превратить в собственных родственников не только биологически, но и юридически.

— Подделка документов здесь куда более серьезный проступок, Ксения Александровна... — слегка высокомерно и чересчур нравоучительно начал он.

— Да и там за него по голове не гладят, но я ради Вас рисковала. — неспортивный прием, и он покраснел. Скажем так, стал пунцовым от ушей до кончика носа, а губы, напротив, побелели.

— Ну хорошо, сделаем мы им документы. Какие-нибудь. Но как Вы объясните их внезапное обретение? Абсолютно все знают, что Вы сирота. Да и более подробный интерес к Вашему прошлому тоже не очень хорошая идея. — я верю, что это разумные доводы, но сейчас мне другое нужно, и уж точно, не так высокомерно изложенное.

— Не хорошая идея?! Так я с удовольствием и Ваши выслушаю. — отгрызнулась я, чем окончательно все испортила.

— Вы до сих пор не понимаете, что уже не в Вашем времени находитесь! — он приложил кулаком поручень кресла. — Здесь совсем иные критерии порядочности и законопослушания.

— Ах, теперь я еще и не порядочная, по Вашему? — да что он вообще себе позволяет?!

Дальнейший наш разговор протекал бурно, с обоюдными упреками, местами на

повышенных тонах и предсказуемо закончился едва пойманной ладонью, уже готовой исправить симметрию окраса его скул.

— Прекратите истерику! — рявкнул он.

— Не смейте так со мной разговаривать! — прошипела я в ответ, немного побарахталась, добившись лишь того, что обе мои руки оказались в его железной хватке.

Мы оба тяжело дышали, смотря в глаза друг другу несколько очень длинных секунд. Его, стальные и холодные, с расширенными зрачками, обычно остужали любую мою вспышку. А если не помогает гипноз, то есть другие варианты.

На этот раз он даже не раздевал меня. Юбок все-таки слишком много, но их пышность позволяет без затруднений задираТЬ повыше. Особенно если очень, очень хочется. Придерживая мои запястья над головой, другой рукой расстегнул свою одежду и обрушился с неизвестной доселе яростью. Без прелюдий, ласк, нежностей. Даже без поцелуев. Холодный и какой-то дикий взгляд порой заставлял сомневаться в его психическом здоровье, а он вколачивал меня в обивку дивана все сильнее и сильнее. Больно это, если самой не хочется.

Мне наша прошлая близость как-то иначе запомнилась. Не было в нем этого, и я упивалась нежностью и ласками, а сейчас что? В какой-то момент скрестила ноги на его спине, прямо поверх сюртука и чудом высвобожденной рукой провела по шее. На эту нечаянную ласку он отреагировал совсем непредсказуемо, перевернув меня на живот, срывая с себя верхнюю одежду, и задирая многострадальные юбки выше головы, продолжил это звериное дело в пугающем молчании. От пальцев на спине точно останутся синяки, да что там синяки — оставалась бы вообще эта спина живой. Кто ты, человек, и что сделал с моим Фохтом?

Очень некстати вспомнились слова врачей о возможных осложнениях после операции. Еще огорчила мысль о том, что придут мои барышни домой, тут мой отодранный и придушенный труп, этот тоже небось не выдержит позора, застрелится, а они у меня совсем непристроенные, и деньги Фролу и Наташеньке завещаны все еще...

Потом стало просто больно и страшно, потому что я не знала уже своего партнера, и потянулись неприятные минуты, покуда все не закончилось, и он не рухнул рядом.

Кожу саднило так, что кажется сомкнуть ноги невозможно. Чулки порваны на коленях в лоскуты, платье тоже... не очень хорошо перенесло произошедшее. Это игры в маньяка что ли, а меня не предупредили?

Я попыталась присесть и встряхнуться.

— Вот это что сейчас было? — спросила у спины своего любовника. А голос-то предательски подрагивает. Вместо ответа он свернулся калачиком. Одно слово — псих.

— Простите меня. — внезапно глухо раздалось из-под Фохта. — Я потерял над собой контроль...

Хорошее определение. Да это же почти изнасилование было, и если бы я в какой-то момент захотела прекратить, не факт, что была бы услышана.

— После того как мы... Вы... Я не могу иначе.

Это что, он наш разрыв винит в том, что из фантастического любовника превратился в хищника? И кому же повезло проверять его изменившиеся пристрастия? Странно, но ревности я не испытывала, скорее соболезновала несчастным.

— Федор Андреевич, давайте-ка выпьем.

Я прохромала к глобусу, достала бутылку коньяка, рюмки, налила почти не дрожащими

руками и подала ему, избегающему даже случайного взгляда.

Выпили, помолчали. От алкоголя стало теплее и храбрее. От того, что предстояло сделать, подкашивались колени, но, если я намерена впредь использовать Фохта в собственных интересах — надо рискнуть.

— Проводите меня? — я по пути к лестнице собирала разные фрагменты гардероба. Даже воротник у платья исхитрился оторвать.

— Я постараюсь помочь вам всем, но не стоит ждать чудес. — произнес он, так и не сдвинувшись с места.

— Но нам нужны именно чудеса, Федя.

Судя по звукам, он чуть помедлил перед побегом. Что ж, подождем — целее будем.

На столе я обнаружила записку. «Простите. Ф.» И это была не первая версия, если посмотреть на мусорную корзину. В тех еще и про любовь что-то встречалось. Что же у тебя в голове-то, Федя?

Поскольку Федор как-то не очень активно вращался в среде изготовителей фальшивок, пришлось снова обратиться к заветной книжечке, доставшейся мне в наследство от погибшего жениха. И начался наш с Демьяном чес по городскому дну, увенчавшийся двумя сомнительными паспортинками, зато на настоящие имена моих красавиц. Вот почему они не успели появиться при Тюхтяеве? Там, конечно, сложно было бы объяснить все, но зато легко решить проблему. А тут вроде как все знакомы, а толку-то.

* * *

Через пару дней господин Фохт пригласил меня на обед строгой лаконичной запиской, словно не было ничего. И ладно бы только амнезия — он согласился выбраться со мной во внешний мир, пусть и на деловую встречу.

Я выбрала густого ежевичного цвета платье времен моего полутраура, шляпку с плотной вуалью, сумочку подороже и ждала к означенному часу.

По дороге мой герой помялся, а потом уточнил.

— Сколько денег Вы готовы потратить на это?

— А сколько надо? — оно понятно, что бесплатно такие вещи не решаются, но хотелось бы хоть что-то сохранить от имущества.

— Я нашел подходящего человека, но нужно около двадцати тысяч. Он их проиграл...

Да, у нас в семье так любят игроков...

— Но он хотя бы дворянин? — треть дома за титул не так уж дорого.

— Потомственный. — язвительно бросил господин Фохт, чьи собственные дворянские корни отличались особой зыбкостью.

* * *

В полутемном углу кондитерской «Вольф и Беранже» нас ожидал сухонький нервно оглядывающийся господин с седенькой бородкой клинышком и сияющей лысинкой.

— Госпожа Ксения, имею честь представить Вам Михаила Михайловича Шестакова.

— Ах, сударыня, я так счастлив встретиться с Вами...

— Взаимно, сударь. — я грациозно опустилась в кресло, заказала кофе и миндальное пирожное.

— Господин Шестаков пребывает в затруднительном положении... — начал было Федор.

— Я погиб. Я совершеннейшим образом погиб и раздавлен. — бормотал наш собеседник.

— Не стоит гневить Господа. Вы живы, пребываете в здравии, вокруг много хороших людей, способных стать надежными друзьями... — мне некогда долго готовить почву.

— О, сударыня, друзья появляются тогда, когда все благополучно. — горько проговорил мой будущий отчим.

Вот интересно чувствовать себя почти что богом, решая за взрослых людей их судьбу и зная, что именно по твоей воле все в конце концов и сложится. Завораживает.

— Возможно, брак с достойной женщиной с хорошим приданым стал бы лучшим исходом в Вашей ситуации. — осторожно произнесла я.

— О, я не смею и надеяться, что Господь смилуется надо мной. Кредиторы... Это ужасная напасть... Пришлось заложить имение, а кто согласится на такую партию?

Брачный контракт он подписал, не глядя ни на что, кроме цифры в тридцать тысяч. Я трижды повторила о необходимости удочерения Люськи, но он только бормотал, что счастлив получить и жену, и милую крошку в придачу.

* * *

А я возвращалась домой, готовая к любому приему, потому что нареченная господина Шестакова еще не была в курсе своей участи. Мы уже пообедали, дамы мои пытались чем-то себя занять, а слов у меня подобрать не получалось. Да и как сказать «Мама, я тут подумала и решила выдать тебя замуж»?

* * *

— Замуж? — грохотала мама, потрясая полотенцем, которое до того прикладывала к Люськиному лбу.

— Зачем? — повторяла милая крошка.

— Все будет хорошо. — тоном проповедника Свидетелей Иеговы вещала я. — Ты выйдешь за него замуж, и он удочерит Люську. Таким образом у вас обеих появятся совершенно законные местные документы. Потом всем семейством отправитесь в путешествие. Ты, мама, отдашь ему приданное, и потеряешь его в Монте-Карло. Сами попутешествуете немного, полгода, и вернетесь сюда. Даже если паче моих ожиданий, наш новый родственник доберется до России, по условиям брачного контракта он не будет требовать от вас вообще ничего. Но и вам от его наследства ничего не обломится, скорее всего. Тем временем мы с господином Фохтом продумаем Вашу легенду понадежнее, которая объяснит, где я вдруг нашла родню. Но вы обе станете дворянками независимо от наших изысканий.

— Ксюша. — поморщилась мама. — какой-то слишком заверченный план. Может попроще?

— Проще никак.

* * *

Плотно повязанный черный платок, черное платье мешком висит на исхудавшей после того раза фигуре. Кровотечение за два месяца унялось, но до сих пор детоубийство отзывается слабостью и головокружением. Да и в амбар зайти жутко. По ночам матица скрипит, словно тело мужа до сих пор кулем свисает прямо посреди балки.

Похоронили его на отшибе, но на могилу она больше не ходит — хватает и того, что дух его ежечасно напоминает о себе упавшей утварью, лопнувшим стеклом, скрипом половиц.

* * *

Вариант с настоящей госпожой Нечаевой предполагал аккуратное извлечение тела из могилы, показательную эксгумацию пустого захоронения и много разных других малоприятных и вопиюще противозаконных процедур. Первую отправился собственноручно делать Фохт.

Он вернулся быстрее, чем я ожидала, и взирал на меня с суеверным ужасом.

— Откуда Вы знали?

Я лишь непонимающе смотрела на него поверх чашки с дымящимся шоколадом. Он всячески избегал моего дома, так что столичные кофейни пришлось изучить досконально.

— Могила Анны Ильиничны Нечаевой пуста. — тихий голос раскрыл купол мироздания и куски шумно летели мимо моего лица.

Когда официант убрал осколки чашки, а я привела себя в порядок в дамской комнате, вернулась к своему спутнику.

— Точно?

— Сам копал. — буркнул он. Так и вижу франтоватого Федю с саперной лопаткой наперевес.

Вот и замечательно. Где же ты теперь ходишь-бродишь, матушка?

— Тогда сможете это все подтвердить под присягой. — нашла я хотя бы одну светлую сторону в данном повороте — А где же она тогда?

— Ваша проницательность отдает мистикой. Я пообщался со священником, и он дал мне понять, что барыня добровольно покинула семью, а Ваш батюшка просто пытался замаскировать свой позор.

— С каждой минутой все лучше и лучше. — я нервно смяла салфетку и начала искать, куда бы ее пристроить, а то комок на столе, это так вульгарно. — А куда наша матушка делась потом?

— Не могу знать. Но у своих родственников точно не появлялась, так что или под другим именем проживает в любой точке мира, или опять же под любым именем может быть похоронена. — он с сочувствием наблюдал за моими маневрами, сжалился и осторожно отобрал скомканную тряпку.

Я вдохнула и выдохнула, несколько раз повторила эти действия. Не помогло. Да и что тут поможет, когда страх разоблачения, задавленный еще в Саратове, три года назад, вернулся во всей красе. Вряд ли женщина захочет предавать огласке такую историю, но понять, что я не ее дочь сможет. Щупальца страха поползли под корсетом, парализуя руки и ноги.

— Ладно, об этом мы подумаем позже. — поднялась и грустью рассмотрела испорченное шоколадом платье. — Федор Андреевич, поехали домой.

Он слегка испуганно посмотрел на меня, думая возразить, но со словами не собрался, так и сели в пролетку, чтобы за несколько минут добраться до Климова переулка.

После отъезда моих родственниц в доме стало тихо. На половине прислуги царил мир и покой — Марфуша росла удивительно тихой, но смышенной девочкой, Мефодия с Евдокией я пару раз замечала в весьма недвусмысленных ситуациях, так что уже настраивалась на свадьбу — хоть одна-то в этом доме может пройти нормально?

Фохт соблюдая приличия завел меня в холл и почти успел убежать, но я поймала его за руку.

— Не уходите, Федор Андреевич! — он что-то попытался сказать, но кто бы его слушал. — У нас сегодня очень вкусный ужин.

Еду нам подали в тишине и полусумраке зашторенной столовой. На столе свечи, романтично даже — я старалась ради этой мизансцены, очень старалась еще когда не знала, что не смогу остаться одной сегодня.

Доели все, выпили чай, помолчали.

Выжидающе посмотрела на гостя. Его взгляд отрывался от меня каждый раз, когда я оживала, так что странная игра в обиды еще продолжалась. Взрослый же мужик, а поведение — хуже подростка. Данилка уже таких глупостей не делает.

— Хотите остаться, Федор Андреевич? — вкрадчиво спросила я.

— Не думаю, что это хорошая мысль. — исследуя вилку ответил он.

— Я о другом спрашивала.

Молчание.

Ну скажи что не хочешь и я отпущу. Больно будет, но в последний раз стерплю как-нибудь. Но ты не скажешь.

Я позвонила в колокольчик и попросила прибежавшую Устю.

— Голубушка, подай нам кофе и сыр в кабинет, а сама можешь быть свободна.

Горничная кивнула и быстро убрала со стола.

Молчание становилось все тягостнее.

— Федор Андреевич, в обозримом будущем научились работать с различными тараканами в головах. Условие решения душевных проблем — разговор о них. Поговорим?

Не отвечает, так хоть и не убегает. Уже прогресс.

Пока мы собирались, в библиотеке материализовался кофейник, сладости и сыр для меня — после Греции я пристрастилась к молочным продуктам. Эх, как там мой современник — не звонит и не пишет же. Да и газеты словно позабыли всю эту средиземноморскую историю. Последнее, что я слышала — это что Греции удалось отжать себе всю северо-западную акваторию Крита. Пусть земля и вернулась туркам, но попасть туда теперь очень неудобно. Не уверена, что это означает «все продули», но судьба моего героя покуда покрыта мраком. Граф мог бы разузнать по своим каналам, но эти расспросы мне дорого аукнутся.

Я покосилась на нервно озирающегося надворного советника. Он избегал смотреть в сторону диванчика, да и я уже склонялась к мысли сжечь его или подарить кому. О, Устенке в их комнате точно не помешает новая мебель. Решено, хоть одну проблему можно уладить с легкостью и ко взаимному удовольствию. Мне бы вот эту сероглазую неурядицу разрешить столь же непринужденно. О болезненном не хочет, но хоть как-то его разговорить нужно?

— Федор Андреевич, давайте подумаем. — я улыбаюсь приветливо и пытаюсь настроиться на волну того далекого февральского путешествия в самый дальний в жизни господина Фохта городок. — Куда могла скрыться госпожа Нечаева, бросив малютку-дочь?

Он сразу встрепенулся, собрался и снова стал прежним — ироничным, уверенным в себе профессионалом.

— Если с любовником убежала — то под чужим именем живет.

— И где же? — уточнила я.

— Скорее всего не в России. — рассудительно произнес мой собеседник. — В начале восьмидесятых такие истории прятали в Европе.

— Само собой, именно в Симбирской губернии, не выезжая в большой мир, она исхитрилась найти столь обеспеченного человека, который мало того, что влюбился в провинциальную клушу, так и увез ее в поисках приключений в Париж, Ниццу или Лондон. — не удержалась от колкости я. Плохо так говорить о названной семье, но пока родители Ксении у меня особой симпатии не вызвали. Ладно, отец-суицидник, но мать за эти годы могла хоть как-то весточку подать, да хоть тайком кровинушку свою навестить? Если не навещала, оно мне, конечно, попроще будет, а если была? То тогда кому-то пора отправляться в долгосрочную поездку по разным отдаленным маршрутам. Заодно и к северам привыкну — не помешает.

— Не обязательно так. — смутился он. — Да и дело не в провинциальности. Вас же Петр Николаевич увез, несмотря на офицерский суд и всеобщее осуждение.

— Так-так-так. А с этого места поподробнее. — меня как ледяной водой окатили.

Фохт покраснел, но слово уже вырвалось.

— Я все время забываю, что в Ваших местах все иначе. Офицер полка, хотя артиллеристы — не гвардия, но, тем не менее, не может жениться без одобрения других офицеров, не может вступать в брак с женщиной сомнительного происхождения, а о Вас и господине Калачеве по городу болтали разное...

— И? — я с трудом проглотила комок в горле.

— Сначала ему не рекомендовали эту поспешную женитьбу. — Федя покраснел еще сильнее, не оставляя надежд на иную причину добрых советов.

— Дуэль... — у меня резко наступила слабость во всем теле. Вот так живешь и не знаешь о себе главного.

— Если быть точным, то четыре. — сухо отметил Фохт.

— Даже так. — горло пересохло так, что каждая буква продирает почти до крови. Машинально начала крутить на пальце обручальное кольцо — после Греции вновь начала его носить и теперь на каждой руке у меня было по напоминанию о своих недолго проживших мужьях.

— Он не скрывал, что готов к любому количеству претензий, а в этом вопросе оказался удивительно удачлив. — словно сюжет мыльной оперы пересказывает. — Пошел слух, что он может быть и прав, так что офицерскому клубу пришлось смириться. Он сам выхлопотал тот перевод в Самару — понимал, что Вам после всего этого будет непросто в Саратове.

Ой, Петя-Петя... Мальчик мой, я тебя не стоила. Зарылась лицом в ладони. Это ж скольким хорошим людям я тут жизни перепортила?

— Я его понимаю, и сам поступил бы так же. — примирительно произнес он.

Ну так поступи уже, что тянем кота за хвост? Встала, подошла к камину, зарылась в его волосы, почувствовала, как напряглись плечи. Все так же стоя за спинкой кресла и памятуя о

недавнем инциденте, я осторожно расстегнула жилет, добралась до исподнего, погладила грудь, ощутив одеревеневший пресс. Коснулась губами шеи, и под языком окаменели мускулы на горле, дыхание сбилось, а побелевшие пальцы впились в дерево подлокотников. Только не отталкивай меня сегодня, Феденька, умоляю.

И пусть мы оба уже лихорадочно дышим, и цвет лица сменили неоднократно, при попытке перенести эту увлекательную игру наверх натолкнулась на сопротивление — мой любовник отчаянно отказывался покидать кресло.

— Что случилось? — я села к нему на колени и наши лбы почти соприкасались.

Он долго буравил меня совсем прозрачными сегодня глазами, проигнорировал поцелуй, и даже попробовала отодвинуться. Хотя при нашей расстановке сил это уж совсем безнадежный маневр.

— Мне не хочется думать, что на этой же постели Вы с ним... — наконец выпалил он. Ну надо же!

— На этой постели я только с Вами. — сухо проинформировала я. — Более того, глупо ревновать к покойнику, еще глупее — к тому, к кому Вы сами меня бросили.

— Я не бросал! — вскинулся Фохт.

— А это «Я не могу, служба не позволяет» к чему было?

Вдруг вспомнилось то совершенно отвратительное утро, когда я ему едва в любви не призналась, а он как раз заявил, что не сможет больше со мной видаться.

Мой собеседник проглотил комок в горле и продолжил, уже спокойнее.

— Вы же сами понимаете, что наши отношения — мезальянс. Графиня и жандарм. Название для дешевого водевиля.

По правде говоря, эту историю в деталях обсасывало все управление применительно к Тюхтяеву. Состоятельная вдова, сноха экс-губернатора, а ныне — второго лица в министерстве, пусть и ведущая замкнутую жизнь, зато крутившая романы с видными дипломатами — она единогласно считалась слишком хорошей партией для небогатого, незнатного, не галантного и некрасивого, хотя и высоко пробившегося чиновника. Одни сплошные «не» и все же это происходило. На глазах у всех желающих происходило. Поскольку от статского советника любовных страстей не видели ни в одной из столиц ни разу, заинтересовавшиеся ходили смотреть на влюбленных экскурсиями, тем более, что те не скрывали своего увлечения, гуляли по городу, не стесняясь чужих взглядов, бывали в театре, в Кунсткамеру таскались как к себе домой, ужинали у Кюба, смеялись чему-то своему. Подобное поведение опровергало теорию о шантаже или ином принуждении. Полушепотом строились версии о возможной беременности графини (причем в отцы чаще записывали Его Сиятельство) и попытке друга семьи скрыть этот позор — но все говорюны на эту тему быстро и безвестно исчезли с места работы и жительства.

Фохт поначалу отмахивался от этого слуха, как тогда, зимой, но по мере роста числа свидетелей, пришлось признать невозможное. Историю о пешей прогулке через половину столицы — а очевидцы помогли восстановить маршрут этой парочки — несколько дней обсуждали по углам, а затихли лишь когда Тюхтяев додумался привести ее на службу, и Федор малодушно прятался за бумагами, едва не столкнувшись с ними. Графиня нежно улыбалась, позволяла водить себя по всем закуткам, шутила и окончательно вскружила голову одуревшему от такого шквала эмоций чиновнику, да и на прочих канцелярских крыс произвела сильное впечатление. Федор хорошо помнил, как она смеется, с каким выражением заглядывает в глаза, когда хочет, чтобы ее шутку поддержали. Вспылил, конечно, и разбитые о покрашенную казенной краской стену костяшки пальцев не успокоили.

Припоминали в коридорах и то, как после нескольких дней рассеянности и редких появлений на службе Тюхтяев внезапно начал сиять.

Встреча на улице, когда она даже напевала что-то себе под нос, вообще выбила из колеи. Было дело, он ревновал ее к дипломатам, но тогда это больше напоминало игру, сейчас же она ускользала навсегда — это было понятно. Мысль о том, что это он сам вытолкнул ее в чужие руки, надворный советник придушил в зародыше. Просто их отношения — очень сложная история, как и все, что связано с графиней Татищевой.

Гордый взмах кольцом, которое она демонстративно носила поверх перчатки, был адресован именно Фохту, и не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять намек. От мысли, что этот бородатый коротышка, возможно, уже делает с ней все то, что делал сам Федор, а после свадьбы наверняка сделает еще больше, жандарма охватывало тоскливое бешенство.

Раз статский советник даже опоздал на полдня — то есть вообще немыслимое что-то с ним творилось. Один Фохт догадывался где и как провел то утро рыжий змей.

В борделе можно найти любую шлюху и мадам всегда рада угодить влиятельному человеку, так что сыскалась рыжеватая шатенка, фигурой напоминавшая графиню Татищеву, если со спины — то можно было попытаться себя в этом убедить. Купил платье, похожее на

то, в котором она заходила в Управление, заставил сделать нужную прическу. В сумерках аж пот прошибал. Первой проститутки хватило на один раз, когда Федор выпустил все раздражение и злость. Ни разу не бил женщин, но то, что сделал с той, даже избиением не назовешь — намотав волосы на кулак, практически разорвал ее, а остановившись, посмотрел в лицо и... Был бы трезвым — ноги бы вообще в том борделе не оказалось, но история не любит сослагательное наклонение, так что приходилось помнить, как вместо поцелуя отшвырнул ее в стену, поняв, что это лишь замена. Плохая замена, как бы ни притворялась. Дал денег потом, чтобы замять дело, и лишь пару месяцев спустя снова столкнулся с ней на лестнице публичного дома. Девушка вжалась в стенку и только бормотала «Нет». Вторая была старше и обладала звериным чутьем на неприятности, так что успевала спрятаться. Почти всегда. После каждого визита становилось мерзко на душе и вообще, грязно, но и прекратить это он не мог. Зеленоглазая графиня воспаленной занозой терзала разум. Даже снилась ему, смеющаяся, в той странной одежде, на кухне или во время прогулок по безумному городу будущего.

И об официальной помолвке в Управлении тоже прознали заранее. Эту ночь Федор отмечал в уже привычном публичном доме. Был невыразимо, неопишимо пьян. Настолько, что даже обнял шлюху и сумбурно, многословно признавался ей в любви. Звал, правда, Ксюшей, но кто там знает ее настоящее имя. Стоял на коленях и обещал что-то несусветное... Придя на службу с гудящей головой и почти сформировавшимся желанием тоже жениться — по возможности на пухленькой блондинке — очень удивился царившей суете. Малодушно почувствовал облегчение, когда услышал о гибели Тюхтяева и дико перепугался, поняв, с какой спутницей он мог ехать в одном экипаже.

В управлении обсуждали, что она тронулась рассудком после случившегося, не слышит, не говорит, не встает. Тут он не выдержал и навестил усадьбу Татищевых, не узнав юную графиню даже в упор. В тот визит она молча стояла у окна и смотрела на курдонер — у графа хватило ума поселить ее в комнате с окнами во двор, а тут женщина добрела до стены фасада и рассматривала место трагедии. С таким лицом рассматривала... Исхудала до крайности, кожа туго обтянула скулы, запавшие глаза зияли провалами на потемневшем лице, разве что волосы оставались прежними. Смерть мужа ее тоже печалила, но этот случай словно что-то сломал внутри. Фохт не стал подходить с соболезнованиями и ушел, чтобы больше не возвращаться к этому делу.

День за днем он проходил мимо ее дома, пока однажды не увидел свет. Сорок дней почти прошло, правильно. И не решился войти. Что-то особенное было между этими двоими, не свойственное той Ксении, которую он знал, пугающее.

Побег Гершелевой обсуждали все, но связать труп найденьша и беглую бомбистку смог только Фохт. Внимательно осмотрел лодку, обнаружил застрявшую пулю, и вспомнил, с чем она встречала его той самой первой ночью, поэтому сжег все записи и похоронил все догадки.

Пробовал встречаться с другими женщинами, но в каждой чего-то не хватало. Явные противоположности вызвали раздражение жеманством, манерностью, чопорностью, вялостью. Внешне похожие оказывались лишь обманкой.

Когда услышал о ее поездке на войну — поверил сразу. Именно такая сумасшедшая может пойти на любую авантюру, пребывая в печали. Но остановить не успел и только газеты читать начал чаще. Новости оттуда приходили с большим опозданием, но до сих пор цела еще где-то папочка с вырезками. На смазанных мутных фотографиях он силился, но не

мог найти знакомое лицо, но потом все вернулось и вскоре появилась та записка. Мелькнула дикая, наивная надежда, пусть не вернуть прошлое, так хоть его тень, подобие тех беззаботных ночей, но все пошло прахом из-за его несдержанности. Как бы стереть из памяти ту сцену? И из ее памяти — в первую очередь.

— То есть Вас беспокоит, что скажут другие? Осуждения посторонних людей, которые не знают Вас, Ваших талантов, трудолюбия, порядочности? И Вы ради этих мифических сплетников разрушаете себе жизнь? — ошеломленно спрашивала женщина.

С такого ракурса он проблему не рассматривал. А ведь покойный Тюхтяев был кем угодно, но не дураком, не мог не догадываться о пересудах, но, как Ксения изволит выражаться, «забил» на них. И умер счастливым человеком.

Теперь это близкое и невозможное счастье смотрит на него с легкой тревогой и сожалением, а ведь совсем недавно была восторженной и полной радости.

* * *

— Милый мой, в Вашем возрасте уже можно пренебрегать такими условностями. — хмыкнула я.

В этот раз я уже опасалась закрывать двери кабинета, да и оставаться в нем не очень хотелось, а потому нужно было переместиться наверх. И побыстрее, а то решимость моя не резиновая. Улыбнулась, услышав тихие шаги за спиной.

Перед дверью спальни он замер и пришлось взять его за руку. Вот и преодолели страшный барьер, где отчего-то не обнаружилось злобных призраков прошлого...

— Раздень меня. — тихо попросила я.

Вздрыгнул, медленно подошел ко мне и неловкими от волнения пальцами расстегнул лиф, застёжки верхней юбки, распустил завязки всех трех нижних.

— Полностью. — прошептала я.

Аккуратно, словно провода на бомбе (нет, не надо об этом, Ксюха, только не сейчас), расстегнул крючки корсета, чуть помедлив, спустил бретельки комбинации, и они ускользнули на пол.

— Хочешь поцеловать меня?

Я погладила его подбородок, и, как он тогда на Лиговке, повернула к себе.

Мужчина отрицательно замотал головой.

— Жаль, а я была бы рада. — встала на цыпочки и легонько коснулась его губ. Помедлила и повторила, почувствовав ответную реакцию. Расстегнула его одежду, обнажив торс.

— Видишь, я слаба и беспомощна. — прошептала ему на ухо. — Позаботься обо мне...

Он посадил меня прямо на подоконник и двинулся губами в долгое путешествие по впадинкам и возвышенностям. Когда спустился ниже груди я уже забыла из-за чего мы это начали, а после талии — даже собственное имя. И лишь позже, переплетая наши пальцы в бесконечном танце нежности, поняла, что он вернулся. Сидя лицом к лицу, кожа к коже, губы к губам, я повторяла:

— Смотри на меня, милый мой, смотри.

И на этот раз он видел не свои кошмары, а мои эмоции, спутанные волосы, опухшие обкусанные губы, расширенные зрачки. Его стальные глаза теплеют в кульминационный

момент, а рот шепчет лихорадочное.

— Я скучал без Вас, Ксения.

В ответ только коснулась губами пульсирующей сонной артерии. Получилось. Я влезла ему в голову, и пусть все стало немного сложнее, чем раньше, но и надежнее.

Рассматривала его, поняв, что практически забыла эти глаза, скулы, губы, плечи, мышцы на груди и чуть ниже.

— Щекотно. — улыбнулся он и поймал мою ладонь. Так есть вторая, а при изрядной доле ловкости, ноги тоже можно задействовать.

Такой большой, серьезный дядька — а щекотки боится! Да еще как боится, в дугу выворачивается...

— Вы станете моей женой? — произнес он, когда смог сравнительно ровно дышать.

Скользкий момент. Пусть и хочется сказать «да», чтобы этим простым решением зачеркнуть прошедший год, но...

— Нет. — быстро ответила я.

— ...Я слишком Вас обидел? — глухо произнесли на другом краю кровати. Он замер и вроде бы начал уходить.

И вот все почти усилия пошли коту под хвост. Он словно ушел под панцирь своих рассуждений. Обняла его, скользнула губами по позвоночнику, дождавшись ответной дрожи.

— Это пройденный этап. — отмахнулась я от всех недоразумений. — Просто мужья у меня долго не живут.

* * *

И так оно потянулось. Федор появлялся пару-тройку раз в неделю, мы проводили прекрасные часы за плотно запертыми дверями. Вот только уголовные дела за обедом не обсуждали. Не могу. Больно.

Фотография Тюхтяева переехала в первый ящик стола, и более мы с Федей об этом этапе моей жизни не упоминали. Перешли, наконец, на «ты».

Разговоры наши вращались вокруг глобального переустройства мира и проектов спасения родной державы от новых угроз. Нелепо это — городская барышня и жандарм, но что же делать? По всему выходило, что книжную историю стоит потихоньку убирать на полку и читать газеты в поисках маячков таких же путешественников, которые чудят у себя. Можно или угробить их и предоставить истории самой заровнять шероховатости, или убедить обойтись без мировых катаклизмов. Я, само собой, ратовала за первый вариант. Проект истребления революционных лидеров по списку Фохта пришлось отклонить, ибо никому не ведомо, кто придет на их место, которое пусто не бывает. Крушение Империи было продуктом организационной усталости системы госуправления, по моему глубочайшему убеждению, и этот процесс можно только чуть замедлить, убирая внешние факторы.

Ну пока большая часть голосований у нас завершалась результатом 1:1, зато мириться после этого было веселее. Можно попробовать подружиться со Столыпинам и позаботиться о его выживании в Киеве, а потом посмотреть, что будет. Он сейчас в Ковно, активно строит карьеру, а скоро двинется губернаторствовать на мою малую родину. Еще можно понаблюдать за будущим начальником Его Сиятельства, господином Сипягиным. Или

Плеве. Им, помнится, работа тоже боком выйдет. Хотя лично мне Плеве нравился: была у него разумная идея строить вертикаль губернаторской власти. Если бы под эту систему, да хороших губернаторов подбирать, а не почетные должности для приятных человечков, — цены бы не было парню.

Так что вся наша информированность уходила в пустую болтологию, честно говоря, и это напрягало.

Скоро наши войска пойдут в Китай и снова Император узнает о взятии Пекина из иностранных газет, что поразит его до глубины души: ведь в телеграммах он настаивал на оставлении позиций. И так во всем. Как предотвратить увязание в Русско-Японской войне, пока еще идей не было кроме подбора союзников. Я простодушно предложила подобрать материал для шантажа сотрудников Генштаба, и вот тут натолкнулась на сословные комплексы.

— Ксения, как ты можешь такое предлагать? Это недостойное дворянина занятие. За такое я сам бы вызвал тебя на дуэль, будь ты мужчиной.

Михаил Борисович, ты бы понял, если бы поверил. Если бы выжил. А тут вроде бы не мальчик, но идеализм какой-то пугающий. Для жандармской профессии вообще необъяснимый. Но все-таки голова травмированная, кто знает, что там у него за триггеры.

Так что я предлагаю такую дуэль, в которой не будет проигравших. Он пока еще не утерял способность краснеть и мне нравится его провоцировать... Правда, вот осадок от этих споров порой остается.

* * *

Телеграмма из Баден-Бадена застигла меня врасплох.

«Г-н Шестаков трагически погиб. Выезжаем».

То есть, положа руку на сердце, это Феде я кивала, что Шестаков даст маме полную свободу в соответствии с брачным контрактом, и мы расстанемся хорошими друзьями, но по глазам папочки видела, что человек зашел уже за грань рассудка и следующий эпический проигрыш станет роковым. Именно этим и объяснялась скоропалительная свадьба. Но предположить, что ему паче всех моих ожиданий повезет в картах, и отмечая это дело он стогрит в собственной постели — даже бы не рискнула. Поскольку основная часть выигрыша хранилась в сейфе, то сначала из него вычли стоимость ущерба, но тем не менее, гостиница выплатила маме небольшую компенсацию. Ну как небольшую — восемьдесят тысяч марок это крохи за жизнь любимого супруга и обожаемого папочки, зато расходы на этот брак полностью окупились. А Люська, увидев своими глазами пожар в соседнем номере испугалась настолько, что вышла из оцепенения.

* * *

Мои дамы возвращались на этот раз куда как презентабельнее, чем из Саратова. На Варшавском вокзале я встречала их черных, шуршащих муаром и крепом, усадила в экипаж и двинулась домой. Теперь Люська вполне могла бы номинально считаться моей компаньонкой, жить они все могли со мной на законных основаниях, а что маме некоторое

время придется соблюдать траур — небольшая цена за стабильность. Графу я сообщила, что мне их порекомендовала недавно скончавшаяся от чахотки госпожа Дубровцева, бывшая моей верной опорой в Греции. И раз все вопросы прикрыты двумя покойниками, это нам даст небольшую передышку.

* * *

— Мама, насчет госпожи Нечаевой так получается. — я изложила ей последние находки.

— Я и Шестаковой проживу. — она отставила чашку чая.

Действительно, наличие объективных доказательств жизни госпожи Нечаевой может подвести маму под каторгу, если та женщина вдруг появится на горизонте. А так — появилась провинциальная дворянка Шестакова, прожила себе тихо лет тридцать и Слава Богу. Люську выдадим замуж, по возможности за не особо увлеченного генеалогией сироту или бастарда хорошей семьи, и вообще все наладится.

Люська перебирала наряды и нас это несказанно радовало. Сестра разговаривала, хоть и не так эмоционально, как раньше. Осмотрела дом, и ей понравилось.

— Круто быть графиней, верно? — раньше бы еще ядовитое что-то добавила.

— Не то слово. — как голой попой на вулкане.

— Дом шикарный. Прислуги полно. Мне вот этот твой мальчик понравился.

Демьян не напрягал Люсю — и это был первый мужчина, на которого она смогла нейтрально реагировать, когда тот заглядывал в комнату. Думаю, ключевым фактором было не сногшибательное сочетание молчаливости и иконописной красоты, а то, что своей ущербностью лакей вызывал у сестры и профессиональный интерес.

— Я когда их нашла, сама чуть дара речи не лишилась. — согласилась я с сестрой.

— Но это же не немота? — она проявила интерес к жизни, и я готова была препарировать парня, лишь бы этот слабый огонек в зеленых глазах не потух.

— Устя говорит, что нет. Сама я его голоса не слышала ни разу. — а вот правда, второй год они у меня живут, теперь уже стабильно получая жалование, и обладая всеми необходимыми бумагами, рекомендательными письмами на всякий случай и небольшим вкладом в банке на Устино имя, но я о них знаю ровно столько же, сколько и в начале. Ну Устя, конечно, попонятнее будет, да и ничто человеческое ей оказалось не чуждо, пусть и закончилось в моем стиле. А Демьян не проявлял физиологического интереса ни к горничным, ни к Фролу, если уж на то пошло. Это удивляло. Все же духовность духовностью, но двадцатилетний здоровый мужчина обычно фонтанирует тестостероном.

— Я вот думаю, что это либо аутизм, либо ПТСР. - вынесла вердикт сестра за ужином, наблюдая сквозь приоткрытую дверь как объект нашего интереса натирает полы в коридоре гостевого крыла.

— Только не угробь его, хорошо? — пошутила я.

— Этого нельзя гробить. Российский генофонд нам такое не простит. — и Люся впервые улыбнулась.

* * *

Муж зачастил. Если раньше он только снился, да напоминал о себе звуками, то теперь выглядывает из зеркала, отражается в начищенной посуде, отбрасывает тень в полутемных комнатах, выглядывает из-за ветвей деревьев.

— Скоро, скоро, родненький. — успокаивающе бормочут бесцветные губы. — Я все сделаю, ты потерпи.

Сомневается, тоскливо вздыхает. А ей бы хоть раз его руки ощутить...

* * *

В конце недели я планировала первый ужин с присутствием посторонних. Начать решила с Фрола.

— Фрол Матвеевич! — Я навестила его в конторе.

Чуть посуровевший после расставания с Рябинкиным, купец был погружен в расчеты. Мы оба выросли, но если себя не было жаль, ибо многие вещи, откровенно говоря, заслужила, то за него было больно. Оторванный от привычной среды, пока еще не встроившийся в столичный ритм, он замыкался в себе. А я увлеклась семьей и благополучно забыла друга.

— Ксения Александровна! — он широко улыбнулся и утопил мою тушку в своих объятьях. — Какими судьбами?

— Соскучилась. — я устроилась на чуть запыленном стуле. — Как наши финансовые успехи?

Они не особенно радовали. Если почтовая торговля стабильно давала рост продаж и потихоньку охватывала все новые и новые территории, доставка гигиенических средств по столице курьерами тоже шла неплохо, то привычный Фролу ассортимент не радовал. Одну партию чая, огромную, но не очень качественную, мы распродали, пустив слух, что при фасовке в тюк попало старинное жемчужное ожерелье, принадлежавшее китайской принцессе. В два мешочка подбросили по жемчужинке и что тут началось! Но подобные махинации не получится использовать каждодневно.

— С переменным успехом, как Вы изволите говорить. — Он потер лоб.

- Тут такое дело, Фрол Матвеевич. — я вдохнула-выдохнула и постаралась врать как можно меньше. — Господин Фохт помог мне выяснить, что на самом деле моя матушка не скончалась при родах, как все раньше полагали. Оказалось, что она рассталась с моим отцом и сбежала с любимым человеком. Нам удалось ее найти и теперь с моей младшей сестрой они поселились в моем доме. Только у них другая фамилия и вряд ли стоит рассказывать все перипетии их истории, но Вам я доверяю.

— Как в романе! — он даже рот приоткрыл. — Они где-то далеко жили?

— Да, Фрол Матвеевич, очень далеко. — сломала карандаш, который до того крутила в пальцах. — Но теперь все изменится, и жить будут со мной. И я очень хочу, чтобы вы все подружились.

Не думаю, что Фрол совсем уж все, мною сказанное, принимал на веру, но в его системе мира я была своей, причем уже последней частицей прошлой жизни, и менять это неудобными вопросами мы оба не хотели.

Он пришел взволнованный, с тремя букетами цветов. Мои дамы взирали на разрекламированного купца с тревогой. Пусть они уже отработали навыки общения с местными во время медово-пожарного месяца, но одно дело эпизодические контакты с иностранцами, а другое — дома, с тем, кто давно знает меня.

Стол накрыли на четверых, Фохта я сегодня не ждала. Поначалу общение было натужным, но маме удалось разговорить Фрола и вот он впервые на моей памяти выдает длинные монологи на темы торговли, отдыха в большом городе, детских воспоминаний о Пасхе, Рождестве, школьных неудачах. А вот он уже пересел к ней поближе и чем-то тихо беседует.

— Вот как? — спросила я у Люськи.

— Думаю, после нас она очень хотела сына. — глубокомысленно ответила сестра.

С тех пор Фрол ужинал с нами почти каждый вечер. Даже если и меня не было, то мама развлекала гостя искренней заботой.

— Жалко мне его, такой мальчик хороший и такой одинокий.

Федор поначалу избегал наших посиделок, да и когда начал к ним присоединяться, уже не оставался на ночь. Но даже при таком раскладе в моем пустынном доме сталолюдно и уютно. Прислуга, поначалу настороженно, хоть и покорно принявшая незнакомок, расслабилась. Причем расслабилась настолько, что вскоре мне пришлось иметь беседу с Мефодием.

— Здравствуй, дорогой! — я принимала его при полном параде в кабинете.

С тех пор, как бдение возле двери они с Демьяном поделили пополам, работа его не очень напрягала.

— Здравствуйте, Ваше Сиятельство.

— Хочу поинтересоваться твоими планами на будущее, любезный.

Глаза у любезного расширились.

— Нешто выгоните?

— Хотелось бы обойтись. У Евдокии живот скоро в дверь проходить перестанет. Думаешь что? — я строго сдвинула брови. Надо же хоть изредка вспоминать о том, кто в доме строгая хозяйка, несущая погибель?

Горбун покраснел.

— Да как-то ей совестно...

— А тебе не совестно? Жениться сначала, а потом уже остальное — вообще не получается?

Не мне бы разбрасываться камнями в хрустальном доме, но...

— Да я с самого начала готов. И девчонку ее люблю как свою.

Марфушу он носил в клюве, это верно. Даже на Лазорке иногда катал по двору, намотав на седло кокон из одеялец.

— Сегодня к отцу Никифору сходи договорись, денег дам. А пока позови нашу красавицу.

Евдокия зашла с пунцовыми щеками. Если бы не фасон платья, то черта с два бы я догадалась о беременности, но помимо обрисовывавшегося на вторую беременность животика, она начала чудить с солью в еде. И то, что поначалу можно списать на разовую ошибку, потом на совпадение, вызвало подозрения в саботаже моего образа жизни. Хотя прислуга здесь четко видит границы между дозволенным и нет, все возможно. А мой резкий переход от полумонашества к плохо закамуфлированному блюду не мог пройти незамеченным. Как начать разговор, я все еще не придумала, но раз возвращаясь с утренней прогулки на Лазорке застала ее судорожно обнимающей косяк с восхитительной зеленью в лице. Волшебное!

— Доброго дня, милая моя. — все же беременных обижать не стоит, мыши в доме заведутся.

— Спасибо на добром слове, Ваше Сиятельство!

— Как на этот раз будем поступать? — я красноречиво опустила взгляд на уже расставленное в талии платье.

— Только его не выгоняйте. — бросилась мне в ноги и тем смазала монолог строгой хозяйки.

Я гладила ее по голове и утешала.

— Мефодий хороший человек, Марфушу принял как свою, и другого ребенка тоже будет любить. Тебя не обижает. Не обижает же? — повернула ее лицо за подбородок к себе.

Та замотала головой и снова разразилась слезами.

— Ну вот, что еще для счастья надо? — а может быть и мне тоже попробовать?

— А вдруг я опять уroda рожууууууу?!!! — завывла Евдокия.

Ну здравствуй, елка, Новый Год.

— Дуся! Если тебя быть во время беременности никто не будет, то история с Марфушей не повторится. Обещаю. — по правде говоря, я не знаю, чем обусловлено такое уродство, но в семье Евдокии проблемных детей не было. Хотя у Мефодия я не узнавала насчет причин его горба. — Да и коли что пойдет не так, тоже вырастим.

В общем, детей в цоколе будет прибавляться и первое время опять же попробуем жить по-прежнему. А там посмотрим.

* * *

Приближалась годовщина смерти Петеньки, и я решила снова навестить Вичугу.

— Люсь, я тебя умоляю, прочитай книгу. — мы уселись в поезд вдвоем, оставив дом на попечение мамы.

— Я читала уже. — буркнула сестра, безучастно наблюдая, как грязные окраины Питера сменялись пока еще зеленой листвой перелесков.

— Ольга Александровна не дура, она очень придирчива к мелочам. Попробуй хотя бы попытаться следовать рекомендациям по поведению.

— Да. — на чело Люси возвращалось уныние.

— Как обращаться к графине? — ну вот как сейчас предугадать любые сложные ситуации?

— Ваше Сиятельство, Ольга Александровна. — отчиталась сестрица.

— Отлично. А к графу?

— Ваше Превосходительство Николай Владимирович. — она помахала передо мной листком со шаргалками.

— А с французским у тебя как, двигается дело?

В отличие от меня, с трудом освоившей английский, Люська обладает патологической способностью усваивать новые языки. Это ей очень помогло с латынью, и теперь я усадила ее за учебники и наняла репетитора — престарелую француженку мадам Дюбуа.

- Très bon^[4].

Отлично. Хотя кто-то в семье сможет соответствовать местным ожиданиям, где аристократы владели тремя-пятью языками и не считали это чем-то невероятно сложным.

Еще предстояло уговорить ее не пренебрегать париком — а то отрастающие волосы вызывают лишние вопросы.

К моему малодушному облегчению, графиня накануне что-то съела и теперь маялась животом, так что наш двухдневный визит прошел в полупустой усадьбе. Дети занимались с гувернанткой, на этот раз немецкого происхождения, Николай Владимирович настороженно смотрел на Люську, опустившую глаза под черной вуалью.

— Рад Вас приветствовать, сударыня, в моем доме.

И потом, уже наедине.

— Ты в ней уверена? Шестаковы — не очень знатного происхождения. Раз уж заскучала одна, то Ольга бы...

Нет, он что, серьезно? Второй раз на те же грабли?

— Она уже в прошлый раз мне нашла потрясающую подружку во всех смыслах, Николай Владимирович. А Людмила Михайловна — не революционерка, родителя только потеряла, Богу угодно таким помогать. Тем более, госпожа Дубровцева, упокой ее Господь, очень за нее просила.

Он пожевал губами.

— Ладно, дело твое. А как настроение у тебя? — вот кто бы тогда Петеньке рассказал о нашей трепетной дружбе.

— Спасибо. Я стараюсь о настроении не думать, а то спугну.

Он улыбнулся.

— Да, прав он был, необычная ты девочка.

И вот теперь интересно, кто из моих несостоявшихся мужей был прав?

Весь остаток времени я молилась — истово, отчаянно, чтобы Люська не накосячила. Похудела за поездку на пару килограммов.

Возвращались домой мы не очень дружно — Люську достало мое постоянное одергивание, и она начала огрызаться. Требовался праздник.

Я пересчитала, кого можно позвать с тем, чтобы и повеселить сестру и не проколоться, и выходило только, что надежных в любой авантуре горняков. Поводом можно было объявить все, что угодно, но у меня же были фотографии. Пусть сам фотоаппарат не пережил возвращение из Греции в Россию, но экспозиция видов Ретимно — прекрасный повод выпить.

Кто первым предложил позвать для антуражности еще и живого грека, я не поняла, но полагаю, что Дмитрий Михайлович Еремеев, так активно поддерживавший мою патриотическую инициативу весной. Мы втроем с его невестой отправились в греческое посольство, где представились и сумбурно изложили свою просьбу мелкому чиновнику — поискать, нет ли вдруг в окрестностях Петербурга патриота Греции, охочего до халявной выпивки.

— Госпожа Татищева, вся наша страна признательна Российской империи и Вам лично, за сотни спасенных жизней. Все семьи солдат вспоминают русских госпитальеров в своих молитвах. — торжественно произнес маленький человечек за столом и громко крикнул что-то по-гречески. Вскоре из недр мраморных коридоров неслышно выткалась широкоплечая фигура с кошачьей грацией.

— Господин Хакасидис назначен к нам внештатным консультантом по культуре. — представили нам пришедшего. — У него как раз есть русские корни и он с удовольствием поддержит Ваше торжество.

А я тупо улыбалась от уха до уха, словно в один день случились Рождество, Новый Год, Пасха и именины.

— Мы знакомы с графиней. — Хакас в строгом костюме поклонился и поцеловал мне руку. Научился это делать очень красиво.

— Господин Хакасидис, я имею честь пригласить Вас на вечеринку в память о событиях этой весны. В пятницу, в 7 пополудни.

Он улыбался одновременно и мне, и невесте Еремеева, внося аромат какой-то нерафинированности и дикой мужской силы. Как бы до дуэли не дошло.

— Конечно, почту за честь.

* * *

Горные инженеры помнили размах гулянок в доме с трилистниками по прошлому году и лицом в грязь не ударили. Спиртное лилось рекой, фотографии все вскоре позабыли и пьянка понеслась. Мама по причине траура не присутствовала на мероприятии, пережидая его в своем крыле, Фохт прогуливал горняков из-за должности и сомнительного социального статуса, зато мы с сестрой отрывались за долгие месяцы огорчений.

- Ксюха! — жарко зашептала мне на ухо сестра. — Это что за мужик?

Я отследила ее взгляд, споткнулась о смеющиеся чуть раскосые глаза и стало вдруг жарко-жарко. словно две намагниченные иглы в доме, полном народа, эти двое шли навстречу друг другу. А ведь еще недавно, по ту сторону наших путешествий, Люська вовсю глумилась над моей симпатией.

— Это, моя дорогая, подданный Греческого Королевства господин Димитрос Хакасидис.

— Гонишь! — восхищенно проскулила Люська. — Это он?

— Он. — обреченно согласилась я.

— Вот я верила, что он тогда не погиб.

Бежать было некуда.

— Господин Хакасидис, имею честь представить Вам Людмилу Михайловну Шестакову, мою младшую сестру. Родную. — подчеркнула я и брови изумленно взметнулись над невозможными глазами.

- Графиня, Вы преподносите мне один дар за другим.

Их поведение было совершенно неприличным, парочка негромко обсуждала что-то свое весь прием и к исходу вечера он обязан был бы сделать ей предложение, но определенно, женщинам нашего рода с местными мужиками не везло. А Люся подтвердила, что и с неместными тоже. И ведь стоило проваливаться в позапрошлый век, чтобы так увлечься современником.

Неделю спустя на литературные чтения свежего романа англичанина мистера Стокера мы с Люськой пошли в компании грека. Поржали, конечно, комментируя сюжет о сложной романтической страсти и кровососах, чем заслужили репутацию людей циничных и придирчивых.

Потом Хакас провожал нас домой, и естественно не смог отказаться от ужина.

Из запахнутых окон библиотеки хриплый баритон вытягивал родное, о том как где-то далеко зима замедляет дома, а тихий (это точно моя сестра?) голос Люськи добавлял, что над возлюбленным идет снег, льдом отмеряя каждый новый год.

Спелись.

— Мама, и вот стоило затевать это путешествие с твоим замужеством и вдовством, если вместо ожидаемой светской жизни она закрутит роман с таким же подснежником, да еще со столь насыщенным жизненным багажом? — шипела я родительнице.

— Зато она ожила. — удовлетворенно шептала мама. — А с таким ей даже проще будет: ни врать, ни ломать себя не понадобится.

* * *

Мы завтракали вчетвером и это было вопиющим нарушением всех возможных приличий, но кроме меня о них уже никто не беспокоился. Дима, казалось, не ощущал никакого дискомфорта, влившись в интерьеры моего дома. В мирной жизни он продолжал оставаться огромным, сильным хищником, но моя сестра непонятным каким-то образом исхитрилась его приручить. Вот как? Я же отлично помню парад уродов, который протискивался в родительскую квартиру за ее спиной. Ботаники, хромые и убогие умом всех мастей, непризнанные гении и подраненные трудным детством — все они вгоняли папу Сережу в отчаяние. Сама-то я поступала умнее и до необходимости знакомства с родственниками мои кавалеры просто не дотягивали.

Мама неожиданно тепло общалась с современником, обсуждая экскурсию в Грецию, Люська не выпускала его ладони из своей, а я злобным упырем взирала на эту идиллию, но дотерпела до ухода дорогого гостя.

* * *

— Ты хоть понимаешь, что он ходит по грани? — распалаясь я.

Сестра только угрюмо смотрела поверх подушки.

— Он же сегодня жив, а к вечеру — уже не факт?

— Так ты сама говорила, что есть люди войны, для которых это призвание. Твердила, что героини-пассионарии достойны восхищения и истинной любви. — сорвалась Люся. — Сама же в него влюблена была, вот и ревнуешь.

— Люся, ты своего мужчину не теряла вот так, внезапно. Когда он держит тебя в руках, а в следующую минуту его собирают по кускам. — глухо произнесла я, разом успокаиваясь.

— Так твой даже не воевал. Нет ни в чем гарантий. А этот вообще в посольстве служит. Куда уж безопаснее-то? — аргументировано отбивалась сестра.

— Поступай как знаешь. — закрыла за собой дверь и сползла по косяку. Я стала старой в 31. Меня здесь очень щадила жизнь, позволяя многое, щедро отсыпая удачи в любых аферах и давая быть глупышкой, но плату брала живыми людьми.

— Люби кого хочешь, но мать не позорь. — прошипела я в замочную скважину. — Хотя бы о помолвке объявите. А свадьбу запланируйте, когда год пройдет со смерти Шестакова. Я не заставляю тебя выходить замуж, но другие пусть верят.

— Кто бы говорил! Ты, когда Федю в следующий раз будешь тайком выпроваживать, себе это повторяй.

Зараза!

* * *

— Мама, пусть встречается с кем хочет, но соблюдает местные приличия. Это же как пароль и отзыв. Как только ошибешься — провалишься. Я — вдова, пользуюсь покровительством влиятельного человека, поэтому на меня посмотрят сквозь пальцы. А она — девица, ей даже поцелуя на людях не спустят.

— Ксюш! — мама устало посмотрела на меня. — Я понимаю, что за эти годы тебе пришлось не только гладко и сладко, поэтому ты и сердисься. Но Люсе трудно принять то, что ты теперь ведешь себя как глава семьи. Думаю, нам с ней стоит пожить отдельно.

— Мам, я не этого хотела. — опешила я. — Вообще о другом речь.

— Понимаю. Но на расстоянии вам с ней ладить будет проще.

* * *

И ведь съехали. В шикарную квартиру из пяти комнат с высоченными потолками в доме Риц-а-Порто на Большой Морской. Сложные чувства у меня возникают до сих пор при этом адресе.

Люська демонстративно перестала со мной разговаривать, маме нравилась роскошь просторного дома, Хакас смущенно пожимал плечами, но хотя бы не обижался.

— Дим, при всем уважении, надо как-то обозначить ваши отношения. — шипела я для надежности ухватив его за жилетную пуговицу.

— Брось, я уже почти уговорил ее на помолвку. Она же упирается только потому, что ты первая предложила. — Он широко улыбнулся.

И это взрослая уже женщина. Хотя и я не всегда умнее себя веду.

— А сам ты?

— Заведу дом — женюсь. Всегда хотел именно такую.

Подумать только!

— Сначала ты мне понравилась, думал тоже ненормальная, как я, но она — это просто бомба.

Ага, смерть всему живому.

И всем было понятно, что конфликт глупый и на пустом месте начался, но дело пошло в

Больше всех радовался этому Федор, которого мой балаган несколько напрягал. Будучи единственным ребенком в семье и крайне замкнутым по натуре человеком, он явно жаждал уединения.

— Ксения, но это же хорошо, что теперь вы не ссоритесь с Людмилой. — уговаривал он.

— Мы не миримся, если живем врозь. — бурчала я.

Зато с ним мы практически мирно зажили. Иногда мне снилось, что все тем же составом вы задержались в том, постперестроечном Саратове и теперь можем выбирать, куда поедем на выходные, кто маринует шашлыки, и что там идет в кино, что понравится всем четверым. Наивно, правда? И я позволяла себя еще понежиться с этой мыслью, пока не открою глаза или пока мужчина рядом не попробует разбудить.

Он хорошо сошелся с Хакасом, на этот раз проигнорировав момент с недворянским происхождением. Возможно, у мужчин он это считал меньшим недостатком, да и Димка вряд ли в подробностях расписывал свое пролетарское прошлое. Военные успехи привели нашего современника к званию капитана, а это уже котировалось и в русской армии. Порой они часами обсуждали битвы, сравнивая стратегии и тактические приемы со столетним перерывом. Общим местом у них стала вторая мировая, которую не застал ни один, но читали оба. Со стороны это так смешно, что хотелось подарить им уже коллекцию солдатиков и пусть развлекаются на полу у камина. Как дети малые.

Фохт много работал и старался сделать карьеру, как я догадываюсь. Все же честолюбив сверх меры. Когда его повысили в должности, пусть и не в чине, пришел поздно, с цветами, пьяный и счастливый.

— Ты еще будешь мной гордиться! — горячо шептал он мне на ухо. Такой взрослый, а столько комплексов.

— Я уже восхищаюсь. — смеялась я.

— Хочу семью с тобой. Детей. И чтобы гуляли в парке вместе. — бормотал он сквозь сон. Наверняка наша скрытность была приятно интригующей в самом начале, а теперь уже изрядно напрягала.

Я смахивала слезы. Какая семья, какие дети: один прожил два месяца в браке, второй не дотянул до свадьбы, значит, третий помрет, как только дам согласие. Терять Федю было жалко.

Повод для встречи с семьей выдался, когда ко мне прибыл поверенный господина Шестакова и поинтересовался местоположением вдовы. Я с удовольствием составила компаниюстряпчому и выяснила, что маменьке Бог послал именье Громово в Белозерском уезде Новгородской губернии.

— И чем это именье примечательно? — мне сразу стало интересно, насколько оно перезаложено, но оказывается, отчим успел расплатиться за него маминым приданным.

— Там, конечно, лет пятнадцать не жили, но дом крепкий. Земли пахотной немного, 180 десятин, зато лес, несколько озер. — вещал поверенный, словно продавал его за процент от сделки.

Ну теперь у нас Люська невеста с приданным.

* * *

Первая же добыча принесла столько удовольствия! Не зря мужчины так любят охоту. Азарт загонщика пьянит не хуже южного вина. Зверь не подозревал о своей участи до момента падения в ловушку. И шел вальяжный, самодовольный. Когда под ним провалился пол крысоловки, глаза изумленно раскрылись, но и только то. Вроде бы лапы себе переломал — скулил несколько суток подряд.

Бросила ему селедки — чтоб с голоду не сдох, а жажда посильнее была. Сначала брезговал, а к утру сожрал. Еще пару фунтов надо скормить, а там уж дело до воды с горькой солью дойдет.

Она улыбнулась отражению в зеркале — словно ожила прежняя, распустила волосы, осмотрела фигуру — зря так себя изморила — у охотника должно хватить сил на большого зверя.

Зажарила куренка и одна слопала, облизывая все косточки. Засыпала с улыбкой под скулеж зверя.

* * *

В тот злополучный день я отправилась к графу выведать ситуацию с танками и их перспективами. Все же Хакас до сих пор тоскует о боевом друге, да и помнит еще как его сделать, так что стоит ускорить данное дело. Приятно приходить в усадьбу как к себе домой, теперь уже не обязательно отсиживать часы у Ольги — можно сразу заворачивать в библиотеку. Граф засел в курительной комнате, и судя по дыму коромыслом, выходить еще долго не планировал, так что я успела заскучать и урнуться в стопку свежих газет. Не чета многим информационным агентствам моего времени — десятки названий, несколько основных ходовых языков — и ведь сам все читает, без словарей. Не перестаю восхищаться этим человеком — умный, эрудированный, великодушный... Может и зря позапрошлой весной пресекла все возможные поползновения?

Подобно хорошему бизнесмену конца двадцатого века он успевал ознакомиться с множеством газет, как российских, так и иностранных. Где бы я еще французские новости обнаружила, не будь такого хозяйственного родственника, да и большая часть портретов Хакаса встречалась именно в иностранной прессе. Сегодня моему вниманию предстали пара прусских газет, одна австрийская (что при моем нулевом немецком одинаково), Time, три московских, четыре местных и еще ворох провинциальной прессы.

В Хуммельсхайне скончалась Фридерика Амалия Агнесса Ангальт-Дессауская в замужестве герцогиня Саксен-Альтенбургская. Тоже прославилась активным уходом за ранеными. Французы не первый день обсасывают историю, о том, как моноплан «Авион

III» Клемента Адера пролетел аж 300 метров. С учетом того, что эта вольная версия последствий неосторожной интимной связи огромной летучей мыши и небольшой подводной лодки без акцента на аэродинамику тащила две паровые машины и пару хлипких винтов — уже огромное достижение. Но картинка впечатляет — фильм ужасов просто. Немцы захватили китайскую бухту Цзяо-Чжоу. Вот ведь, неумные какие... Мало им было греческих приключений, так теперь еще и на Дальний Восток потащились.

В Санкт-Петербурге с нетерпением ждут открытия Центральной электростанции. Теперь, глядишь, и у меня дома керосинки и свечи окончательно уйдут в прошлое, а то игрушечные электростанции работают уж очень с перебоями.

Приемы, светская хроника влиятельных европейских семей — это я привычно пролистываю — не моего полета птицы.

Прислушиваюсь к раскатистому татищевскому смеху, и понимаю, что придется еще немного поскучать.

Провинциальные газеты — такие милые и наивные... Все неуволимо схожи друг с другом и напоминают Саратовский Листок, который связывал меня с внешним миром в девяносто третьем.

Вологодские губернские ведомости от 23 октября затесались. Тут отмечено назначение на пост городского головы коллежского асессора Андрея Носкова по протекции Министра внутренних дел. И интересно так отмечено — столбиком из крестиков и галочек. «Восхитительный идиот».

Успеваю ухмыльнуться, прежде чем понимаю, что именно вижу, и когда это читаю.

Воздух вдруг стал густым-густым киселем, а мир вокруг совершенно хрустальным — стоит пошевелиться и рассыплется. Все рассыплется. Я даже закашлялась от нехватки воздуха, в глазах потемнело и пришлось хвататься за стол и жадно дышать ртом. А перед глазами широкая сильная ладонь, в которой перо словно утонуло, аккуратно выводит этот орнамент. Сверху вниз, слева направо. И еще язвительно хмыкает при этом, раз такие комплименты выдает.

Нужно ущипнуть себя — и я чуть надрываю кожу ногтями — значит, не сон. Может быть просто бред: такое давно уже и не снилось, Тюхтяев редко заглядывал в мои грезы после того, как в постели с камышами обосновался Федя. А сейчас вот накатило калейдоскопом воспоминаний — язвительные комментарии чуть хриплым голосом, сухие горячие губы на шее, эти теплые глаза, способные прожигать до пяток, жесткая, словно сухая губка, борода, ловкие и умелые руки на разных частях моего тела, замерзшие щеки тем вечером. Погост на Большеохтинском кладбище. И самая большая идиотка в Империи — я, поверившая в его смерть.

23 октября 1897 года. Триста пятьдесят четыре дня ада. Триста пятьдесят четыре чертовых дня лжи.

Пытаюсь вдохнуть — а на лице словно мокрая тряпка, кислорода совершенно не хватает, и я глотаю воздух ртом, словно рыба, выброшенная на берег. Не может это все происходить на самом деле. Сон, наивный и страшный в своей беспощадной жестокости. Тюхтяев мертв, я по недоразумению Господнему жива, и это просто чья-то шутка.

Я же подсунула раз Феде свой опыт шифрования, и он не только не разгадал, но с недоумением уставился на тайнопись. А ведь не самый последний в ведомстве чин, значит владел этим секретом только один человек, который слишком активную переписку завел с того света.

И если еще можно допустить существование другого эксперта в этом шифре, то вряд ли у него будет то же язвительное остроумие. Или я просто схожу с ума. Несколько раз провела ладонью по газете, надеясь смахнуть наваждение, но буквы были весьма себе четкими. Потерла мокрым пальцем — чернила. Темно-синие.

Перерыла все остальные газеты — больше никаких особых тайных пометок нет. Но теми же чернилами отмечены некоторые статьи, подчеркнуты фамилии — так я уверена была, что это граф работает. На автомате взяла его перо, обмакнула в чернила — темно-фиолетовые. Не синие, как тут. И в моей подарочной ручке — тоже другие. И на прочих заметках — сплошь засилье всех оттенков чернослива.

В курительной комнате послышался шум, так что пришлось быстро прятать газету под подвязки чулка, натягивать на лицо маску приветливости, прятать трясущиеся руки, менять тему разговора и импровизировать.

— О, Ксения Александровна! — ворвался коньячно-сигарный вихрь. — Позвольте представить Вашей Светлости вдову моего сына, графиню Татищеву, Алексей Александрович.

Раскрасневшийся огромный человек с бородой-лопатой, в котором безошибочно угадывалось сходство с покойным Императором, подавлял и роскошную обстановку, и хозяина. Я на автопилоте сделала глубокий реверанс и выдавила улыбку. Если сконцентрироваться на каждом отдельном действии, то можно и от катастрофы отвлечься. Улыбайся так, чтобы он знал: ты родилась для этой встречи и всю жизнь просыпалась только чтобы он еще раз оценил размер груди под платьем.

— Хороша! — уронил самый сухопутный адмирал, бросил долгий раздевающий взгляд и ушел. Граф отправился провожать, я засемила следом.

В любой другой день это был бы выдающийся повод, Небом посланный шанс. Пусть с госпожой Скобелевой я не потягаюсь, но нашла бы чем его заинтересовать. Да мехом наизнанку бы вывернулась, но заинтересовала бы. Опять же, она не так чтобы очень долго проживет — я историю этой семьи давно знаю, спасибо господину Акунину — заинтересовал в свое время. А князь же будет командовать провальной японской операцией, и ежели вывести такого из игры — все переиграется, да и вполне возможно, что к лучшему.

Ну что им стоило войти на несколько минут раньше, до знакомства с прессой? А теперь я только об одном и могу думать.

— Ты хотела о чем-то поговорить? — спросил граф после отъезда высокородного посетителя.

Поначалу наблюдала за ним из-под полуопущенных ресниц, а теперь вот дыхание выровняла, можно и голос подать. Я же полюбила тебя, папуля, доверяла как никому здесь, а ты так со мной. Если эта заметка от того самого автора, то ты мне врешь с самого взрыва, год почти. Видишь мою боль и продолжаешь лгать.

— Я посоветоваться с Вами хочу. — начала новую наскоро спланированную игру. Пусть ты, родственничек, и профессионал в интригах, в этот раз я тебя за ушко да на солнышко выведу. Дипломатические игры тогда простила, но сейчас не отступлю. — Скоро годовщина... Думаю, стоит заказать хороший памятник Михаилу Борисовичу. Как полагаете, это уместно?

Огорчился.

— Ксения, ты же понимаешь, что это неприлично. У него семья есть, как сестра решит, так и сделают. Если так хочешь, сможем съездить завтра на Охту.

И так каждый раз, стоит лишь завести речь о покойнике. Юлит, изворачивается и отгораживается могилой.

— Конечно. Спасибо. — Я кротко посмотрела снизу вверх сквозь две крупных крокодильих слезы.

Вечером я ушла в себя, пытаюсь собрать в одну кучу всю имеющуюся информацию. Где же я ошиблась? Когда поверила, что он мертв?

Те дни всегда воспринимались как месиво обрывочных кусков времени, без звуковой дорожки. Белым шумом укрытый калейдоскоп лиц, назойливый уход, переезды — сначала с курдонера в госпиталь, потом обратно в усадьбу, уже со скандалом — граф не захотел сдавать меня в приют для скорбных умом.

Так что же было? Если отвлечься от горя и боли, какие у меня остаются факты?

Вот мы с Тюхтяевым с упоением целуемся на диванчике кареты. Все прекрасно, да хоть третья мировая война начнется — я не обращаю внимание. Экипаж замирает, раздается деликатный стук в крышу — это кучер напоминает, что остановка конечная, поезд дальше не идет. Но нам подобное не особенно интересно. Открывается дверь, госпожа Гершелева осуществляет свое кособокое возмездие. Это я видела своими глазами — небольшой сверток, с мой кулак размером, влетает в экипаж, Тюхтяев отбрасывает его обратно и падает грудью на пол. Живой абсолютно, только лицом помрачневший — уж он-то получше моего разобрался во взрывчатке. Я же сидела на его коленях — и тут же оказалась с ногами заброшенной на диванчик. Это спасло мои конечности, но лучше бы мы взорвались вместе, откровенно говоря.

Вероятнее всего потом случился взрыв, который начисто стерся из моих воспоминаний. Тело моего любимого мужчины, отброшенное взрывной волной влетает обратно в карету и падает на меня, спиной накрывая лицо. То есть я не вижу его состояния, но не кусками же он летел. Тяжелый был, это точно. Плечи несколько раз содрогаются и вдруг расслабляются. Это агония или просто потеря сознания? У кого спросить? Ладно, возвращаемся к хронологии событий. Когда все померкло, набежали люди, которым я не отдавала его тело, и, по словам прислуги, по-волчьи выла, вцепившись в его пальто. Но нас все же удалось разделить, после чего Тюхтяева унесли и следом же погрузили на носилки меня и отвезли в больницу.

Тут воспоминания напоминают решето, но кое-что я постепенно вспомнила: с меня срезают одежду, отмывают от своей и его крови, грязи и налипшего мусора, перевязывают, пытаются заговорить, но я не слышу, погруженная в случившуюся катастрофу. Колют морфин, после которого дико хочется пить и спать, переодевают в больничное и на какое-то время я заперта в белоснежной палате с ширмами справа и слева. В небе высоко-высоко потолок с редкими лампочками, и я представляю, как взмываю к ним. Отключаюсь. Просыпаюсь от нашатыря и это состояние скоро станет привычкой. Начинаются вопросы — и от мужчины в белом халате, и от человека в мундире. Но я не слышу их, потому отворачиваюсь, зарываясь в одеяло.

Первый, с кем вступаю в контакт — граф. Этот появился, еще пока я не слышала ни черта, но его хотя бы за руку беру, а он прячет глаза. Становится понятно, что выживших больше нет. Потом повезло с одним из молодых докторов, догадавшимся насчет грифельной доски. Совершая глупейшие орфографические ошибки, привычным мне пореформенным алфавитом пишу первое, о чем думаю.

«Я была не одна».

— Одна, милая, одна. — успокаивающе гладит по голове специально приставленная

сиделка.

То есть в больницу его уже не привозили.

Дальше пошли допросы. Тюхтяева звали погибшим, поэтому надежд не оставалось. Насчет похорон я догадалась сама и уточнила у графа только место. Подробностей о погребении он не рассказывал, но постарались другие. Во время допросов все настолько уверились в моем душевном расстройстве, что не стеснялись в выражениях, и я услышала и про разорванное на куски тело, и про улетевшую за забор голову, что явно грешило против истины, раз я сама держала его целым. Очевидцев погребения, кстати говоря, мне и не встретилось. Ольга точно не была, граф сообщил, что все прошло чинно и скромно.

Можно, конечно, попросить Федьку потряхнуть стариной и выкопать еще одну могилку, но сдастся мне это при любом исходе неудачный план.

Я марала лист за листом, собирая доводы за и против смерти моего Тюхтяева, но не могла прийти к окончательному выводу.

Что у нас за: собственно взрыв, моя одиночная госпитализация, могила на Большой Охте, крест, слова графа и реплики жандармов, раздербаненная квартира, новый чиновник в его кресле, ни единого признака жизни покойника за целый год, а ведь любил же. Неужели мог бросить просто так?

Против: газета. И упавшая свеча в вичужском храме, но уж это совсем за уши притянуто.

Любой судья адвоката с таким набором доказательств отправил бы перечиваться, но я сегодня без мантии, а верить так хочется. Страшно, но очень хочется.

И вот я хлещу виски как воду, отвлекшись лишь на Фрола. После нашей с Люсей ссоры и отъезда родственниц на квартиру, он чередовал визиты к нам по дням недели, и я зафрахтовала вторники, но этот он пропустил, поэтому заглянул в субботу.

— Фрол Матвеевич, как же я Вам рада! — бросилась на шею человеку, который никогда меня не предавал.

— Да что с Вами, Ксения Александровна? — он неловко гладил меня по спине.

— Я, наверное, с ума схожу, Фрол Матвеевич.

И рассказала ему обо всех своих подозрениях.

— Как-то слишком мудрено все. — проговорил он после долгой паузы.

— А давайте попробуем вдвоем порассуждать! — я ухватила Фрола, с тоской провожавшего накрытый стол взглядом и уволокла в кабинет.

— Но он же схоронен? — начал увещевать меня бывший начальник.

— Могила с его именем точно есть. Но я тот вечер по секундам расписала и не все сходится. То есть сходится, но я все равно не верю. И ведь каждый раз бывала у могилы и не чувствовала его, как раньше не догадалась?

Фрол погладил меня по голове, как утешают слабоумных.

— Так вот, Фрол Матвеевич, мне нужен Ваш взгляд, как человека незаинтересованного. В пять часов пополудни я вышла из дома. На углу встретились с экипажем Михаила Борисовича. Пересела бы к нему — не было бы беды. Всю дорогу мы... В общем я поклясться могу чем угодно, что это точно был он. У Усадьбы графа карета остановилась, и эта бомбистка бросила пакет. Тюхтяев накрыл его собой. После взрыва его тело не разорвалось на куски как рассказывают теперь — я помню, как обнимала его и голова точно оставалась на месте. Лицо, скорее всего, пострадало — крови было более чем... А еще я не встречала пока ни одного очевидца, видевшего тело в гробу. Граф теперь не в счет.

— Ксения Александровна, я все понимаю, с таким тяжело примириться. — начал было

Фрол.

Переживает за меня. Я и зимой-то не очень хорошо выглядела, а сейчас немного покачалась на границе безумия, да и соскользнула на темную сторону. Там печеньки, месть и Тюхтяев.

Я громко стукнула о стол газетой.

— Да, это конечно, запросто не объяснишь. — Фрол и на свет газету рассматривал, и сравнивал тайнопись с блокнотом, который я вытащила по такому случаю.

— И как же они ухитрились это проверить? Чтобы ни в одной больнице ни один служащий не проболтался? — недоумевала я. — Тюхтяев же знатный параноик, он свои болячки от начальства еще когда скрывал.

— Да и все видели, что тело увезли, а при такой беде счет на минуты идет. — внес свою лепту Фрол. Разговоры о трагедии гуляли по столице и после приезда купца, так что слухов он набрался куда поболее моего.

— На минуты. На секунды. — Я взвизгнула и бросилась целовать самого доверенного человека. — Родной мой, золотой Вы мой, точно! Они не возили его далеко. Они его вообще не увозили. Медицинская карета только меня забрала, а Тюхтяев оставался там. Все время он был в Усадьбе.

Во флигеле за Татищевской усадьбой на Моховой улице расположилась небольшая фармацевтическая лаборатория, поставившая на поток разработку новых медикаментов. Конкуренты кусают локти и не могут понять, отчего доктор Сутягин и его помощники безошибочно находят средства излечения самых разнообразных заболеваний. И как же так выходит, что львиную долю доходов от этих открытий получает граф Татищев, до прошлого лета вообще не замеченный в интересе к химии, а также, почему вдовствующая графиня Татищева стабильно получает треть от каждого контракта. Все это мы замыслили больше года назад, когда Тюхтяев упал на пороге моего дома с порезанным животом, а я попыталась его спасти подручными средствами. Так и пришлось легализовать зеленку, антибиотики и некоторые другие находки из справочника по фармации. После смерти Михаила Борисовича я несколько остыла к научной работе, да и Сутягин находил кучу отговорок, урезав наши встречи до минимума. Общались мы теперь записками, что, впрочем, не мешало научному прогрессу и моему финансовому процветанию.

Но это что же выходит — нас один врач лечил?! Пока я выбирала место для прыжка, чтоб наверняка, за белыми занавесками флигеля лежал мой любимый мужчина. Это на палату Тюхтяева я из окон смотрела. Каждый день я могла видеть его, а не обживать бездну. Ненавижу.

Сутягин, к тебе только что пришла жирная полярная лиса.

* * *

Договорившись с Фролом о планах на ближайшие часы, я отправилась по разным адресам. Все-таки кровожадность не главная черта моего характера, поэтому до неприятной процедуры я провела еще пару догадок. Но квартирка в доходном доме на Васильевском уже нашла новых хозяев, а вот на Каменном острове царило запустение.

Неубранная листва и заросший травой участок намекали на отсутствие ухода, но мне этого было мало. Рискуя нарядом, я пробралась на задний двор дачи и вскоре нашла

подходящую заднюю дверь, которая изнутри закрывалась простой щеколдой. А что нам щеколда, коли в руках нож? И через несколько минут уже пыталась рассмотреть что-то во мраке дровяника. Тогда еще это был какой-то невозможный лабиринт, а сейчас, когда я одна, без моего верного рыцаря — и вовсе затея так себе. Но повсюду лежала пыль — и говоря это слово я не имею в виду легкое изменение цвета на белоснежном носовом платке, опущенном на перила — тут в полпальца слой. Неужели с того раза сюда так и не заглядывали? Я по памяти с четвертого раза нашла спальню. Покрывало посерело от пыли, но на столике нашлась шпилька с золотистым цветком — все же кое-что тогда потерялось...

Год прошел, я думала не будет такого — уже сколько всего с Федей пережито, но спазм чуть ниже пояса заставляет содрогнуться все тело, по спине пробегает дрожь. Я помню ту ночь, слишком хорошо помню, в мельчайших подробностях, каждое прикосновение, каждый поцелуй, совершенно необузданные ласки. Все. Черт-черт-черт, зачем мне такая память, если все получилось настолько чудовищно? Почему это все до сих пор со мной?

Я задушила в памяти ностальгию по тем часам, которые мы провели с Тюхтяевым в этих зданиях. Не время сейчас раскисать, впереди маленькая победоносная война.

Я вышла из дома тем же путем потратив куда больше времени, чтобы с помощью лески и тихого нецензурного слова вернуть щеколду на прежнее место. Но справилась же. Может в домушники пойти? Сразу вспомнилось, сколько отпечатков каблучков и пальцев я оставила в этом доме — и передумалось.

Кучер меланхолично поджидал меня на том же месте, за углом этой улочки. А что, небось, каждую неделю катает титульную знать на дело, а за отдельную плату и на шухере стоит.

* * *

Остается визит на Моховую. Нашла свое самое красивое черное платье, бархатную мантилью, укрылась плотной вуалеткой, в маленьких бархатных лапках тереблю букетик траурно белых роз. Со стороны — само воплощение трагедии. А так засунуть бы тебе, дорогой родственник этот букетик в любое физиологическое отверстие и после уже поспрашивать.

Граф только горестно вздохнул, когда я картинно склонилась над бутафорской могилой, гладила крест и долго держала платок у лица. Найду — добыю.

Я же помню, как зимой укладывалась на этот холмик и по часу могла что-то рассказывать его обитателю, покуда кучер или Устя не уговаривали уйти. Да я тут всю душу вывернула и высушила — и это над пустой могилой что ли?

К экипажу мы шли по продуваемой сырм ветром аллее, и граф трогательно поддерживал мой локоть.

— Может хотя бы молебен за помин души заказать? В Валаамском монастыре, лет на пять? — чуть срывающимся голосом (дома час репетировала) спросила я.

В общем-то зря время потратила, теперь с голосом такое творилось, что не сыграешь — я словно рассыпалась на куски прямо на тропинке.

— Да уж отпустить пора, Ксения. Он бы точно для тебя другой участи хотел. — начал было увещевать граф.

Угу, после дождичка в четверг я это сделаю.

— Так и тут можно. Вон и церквушка, Святого Георгия. — ведь ты ж настоящий христианин, не рискнешь молиться за упокой живого.

— Поздно уже, пора домой. — Он обнял меня и погладил по спине. Змей подколотный. Ну расскажи мне правду, я постараюсь все понять.

Но граф молчал и новый, приобретенный на смену тому, взорвавшемуся, экипаж уносил нас на острова. Прижавшись к боковой стенке экипажа, я следила за волнующимися водами Невы.

— Знаете, Николай Владимирович, я не чувствую, что он там. Все время кажется, что он на службе остался, с его-то энергией.

Благородные черты свело судорогой.

— Трудолобив он был, конечно, без меры. Но где ж ему теперь быть, как не в могиле.

Вот и я этим вопросом интересуюсь.

— Спасибо Вам, Николай Владимирович. — порывисто обернулась к графу. — За чуткость и добро. Отец родной для дочери столько не сделает, как Вы для меня.

И даже руку ему поцеловала, чего раньше никогда не делала.

Расчувствовался, долго протирал усы, поцеловал в темечко. Лжец, но способный на искреннюю привязанность. Все равно не прощу.

* * *

Когда уже хорошенько смерклось, Фрол и Демьян, наряженные в черные зипуны, сопровождали меня в не менее интересной поездке. Лучше бы Хакаса на это дело взять, но он с Фохтом как раз собирался провести мамино имение, а заодно размяться на природе, так что работать надо с тем, что есть. Да и вообще, это мое самое личное дело. Одинокий силуэт доктора Сутягина мелькнул в окне спальни, когда мы входили в его доходный дом. Несмотря на приличный заработок, медик продолжал жить в дешевой квартире с ушлым консьержем, готовым за денежку двухзначную продать мать родную, не говоря уже о дубликаты ключа.

Квартирка тесная, но чистая. В передней на вешалке дорогие пальто, модные ботинки у порога. Я даже не стесняюсь производимого шума — КАМАЗы тоже не дергаются, если задевают ветки. По свету в тонкой щели под дверью нахожу спальню. А вот тут уютненько, не по-спартански, как у Тюхтяева — бордовые обои на стенах, широкое ложе. Массивный подсвечник, тяжелые бархатные шторы. Вот их-то мы и задернем от греха.

* * *

— Вы? Здесь? — в глазах доктора мелькнуло что-то такое горячее, маскулинное, но тут же споткнулось о две мрачных тени за моей спиной.

Он подскочил на кровати — в только входящей в моду пижаме, близоруко шурящийся, испуганный. Правильно боишься, эту встречу ты запомнишь на всю оставшуюся жизнь.

— Поговорить зашла, Павел Георгиевич. — я включила улыбку психопата. — у нас такая ночь интересная будет, Вы даже не представляете!

Я нарядилась ради этой встречи в черно-бордовый туалет, вызывающий тревожные

ассоциации, хотя других это сочетание возбуждает, и наш клиент, видимо из таких. Это заметно по взгляду, которым он обшаривает мою фигуру, останавливаясь на груди, по движениям пальцев рук — он возбужден куда сильнее, чем испуган. Но, пожалуй, с сегодняшнего вечера у него сменятся сексуальные фантазии.

— Дружим мы давно, а вот так, по-свойски, пока и не общались как-то. — огляделась и устроилась в ногах постели. Очень неприлично, как и весь этот визит, но я еще не решила окончательно, кто и что запомнит об этой встрече, и сможет ли потом поведать о своих открытиях.

Сутягин продолжал пожирать меня взглядом, при этом пытаюсь как-то сохранить чувство собственного достоинства, поэтому выпрямил спину и теперь сидел на подушке. А я рядом — идиллия просто. Улыбнулась еще шире, сама понимая, что могу и убить, и посмеяться с равным успехом. Все же сошла с ума. Фролушка только покачал головой из своего угла, а Демьян продолжал сохранять безмятежность.

— Видение мне было, мой дорогой доктор, что год назад Вы мне начали лгать — жестоко и страшно. — я наконец-то перешла к цели визита. — Когда пообещали Его Сиятельству хранить один секрет, относительно господина Тюхтяева.

Зрачки расширились, ноздри шевелятся, захватывая воздух, но лицо еще держит. Я понимающе потрепала колено под одеялом. Ну не то чтобы совсем колено, но это его последняя ласка на сегодня.

— Как полагаю, слово дали, правильно?

Неуверенный кивок. В его мироустройстве он прав. Пока.

— Нехорошо порядочному человеку слово нарушать, поэтому поступим так: я стану рассказывать, а Вы слушать. А там, глядишь, и договоримся до чего. — Он поплотнее прижался спиной к стене, нащупал наконец-то очки на полочке и стал еще более походить на того летнего сноба, с которым мы сразу не поладили, а я начала болтать ногами в воздухе. — После взрыва счет шел на секунды, а у нас там по сути первоклассная лечебница с самыми современными технологиями.

Сам этим гордится, поэтому гордо расправил плечи.

— И вот Николай Владимирович решил испытать судьбу. — Чутьочку задумчивости. Небось перетрухнул, когда тебе приказали реанимировать это месиво. — Михаил Борисович пострадал сильно, но рассудок сохранил.

Вот сейчас бы самой не сорваться, тем более, что все к тому и идет: в голосе появились стальные и истерические нотки, а мне еще столько нужно сделать.

— Покалечился изрядно, поэтому решил сбежать от жалости и отвращения окружающих. — Чуть-чуть сопереживания на этом холеном высокомерном челе. Что же ты там такое видел весь этот год? — Лицо, правильно?

Вот сейчас он точно поверил, что я ведьма.

— И, скорее всего, не только оно. Ноги? Руки? — непонятный жест, но раз уж умеет писать, все не так уж плохо.

— Я вот чего не понимаю, Павел Георгиевич. — заглянула ему в глаза. — Вы же клятву врача давали, про «не навреди» говорили. И каждый день смотрели на меня, зная, что одной фразой сможете вернуть к жизни.

Опустил взгляд, но губы плотно сжаты. Я могу понять, что обещал не говорить, но мог же намекнуть, дать хоть тень надежды. Вижу по глазам, что мог, но не стал этого делать, и не могу этого простить. Ни одному из них не могу.

— Ну это дело прошлое. — я сделала спутникам знак рукой. — Помните, когда меня только заступничеством Его Сиятельства в дурдом не определили? Вижу, что помните. Основания же были, верно? Так вот, сейчас между мной и Михаилом Борисовичем есть только один человек, знающий его адрес. Вы. Как думаете, на что я готова ради этого?

Если Сутягин и имел романтические догадки, озвучивать не рискнул.

— Но в честь дружбы, которую не я предала, сначала прошу добром. Не скажете страдающей женщине, где найти ее жениха? Нет? — он помотал головой. Вольному воля. — Ну, что же, сейчас буду убеждать Вас передумать.

Мальчики зафиксировали тело медика в кровати, заткнули рот, а я добрым словом вспомнила папу Сережу, который будучи крепко навеселе поведал о простом приеме выбивания показаний из задержанного маньяка. Мой отчим не был оборотнем в погонах, но педофилов не переносил. Карандашей же в доме доктора было достаточно, и затачивал он их на совесть.

Несколько минут спустя полностью мокрый и задыхающийся от крика Сутягин не только продиктовал адрес Тюхтяева, отдал дубликат ключа, но и рассказал о том, что приходящая прислуга не появляется раньше восьми утра. А сейчас только три — вся ночь у нас впереди.

— Есть что-то еще, что мне следует знать? — я поигрывала карандашами прямо перед его лицом. Тот только помотал головой, уже ни в чем не напоминая высокомерного франта и полыхая жалкой ненавистью. Вот от его медицинских услуг теперь точно придется отказаться.

— Вы еще сами пожалеете! — неслось мне вслед.

Тебя вот не спросила.

Ехать пришлось на другой конец города, но теперь это все равно ближе, чем три дня назад. Да и восторг, который я испытывала от предвкушения чуда, действовал не хуже любого нейростимулятора.

Домик на Большой Охте располагался не строго рядом с кладбищем, но соседство, конечно... Демьяна мы высадили возле нашего переуллка и дальше отправились пробивать дорожку на каторгу вдвоем.

Домик старенький и страшенький, одноэтажный деревянный, простая изба с покосившимся крыльцом и высоким забором. Справа склады, слева — пустырь.

Оказавшись так близко к цели я вдруг оробела. Там меня может ждать что угодно, а я тут строю воздушные замки. Это не история про аленький цветочек, и от поцелуя он не станет принцем. Но уж честного разговора я заслуживаю, верно?

С керосиновой лампой в одной руке и ключом, щедро одолженном доктором, в другой, я пошла к двери. Фрол рвался было сопровождать, но нам точно не нужны свидетели.

Дверь неожиданно крепкая, зато петли смазаны хорошо — даже не скрипнула. Тесный коридор, загроможденный всяким хламом. А вдруг доктор соврал? Некрасиво-то как может получиться...

Памятуя о старых привычках Тюхтяева, я все-таки подала голос.

— Михаил Борисович, это я, Ксения.

Комната по мере современных технологий приспособлена для нужд человека с ограниченными возможностями — невысокие шкафы, много пространства между стенами и столом. А вот эту мебель я узнаю. Сестре отослали, конечно. Касаюсь ладонью полки, и ее чуть шершавая кромка царапает палец. Хоть какое-то ощущение реальности возвращается, а то вся история — как затянувшийся горячечный сон.

Бумагами завалены все горизонтальные поверхности, на стене — пара досок, как в моем доме, но если шифр я с болью узнала, то почерк был незнакомым. Похож, но не тот. И тут бы перепугаться, но со стола из простой рамки улыбается чешуйчатая женщина. Помнит, значит. И хватило совести смотреть на лицо и врать оригиналу. Беру портрет в руки и рассматриваю — какая же была тогда беззаботная! И двух лет не прошло.

— Выходите. — позвала я.

Свистящие звуки в глубинах жилища намекали на то, что я услышана, но не тащить же его за шкуру.

— Прошу Вас, выйдите ко мне. Неужели я не заслуживаю хотя бы этого?

Свист усилился, словно носитель звука пробежал стометровку и побил олимпийский рекорд. Кашель, причем совершенно жуткий. Резко пахнет потом — волнуется, или я от переизбытка чувств начинаю острее воспринимать запахи. В его углу царит мрак, а я жмурюсь от света керосинки.

— Если не хотите смотреть мне в глаза, то просто подойдите. Я без этого все равно не уйду.

Шлеп. Шлеп. Шлеп. Свист становится оглушительным, но я терплю, отвернувшись к плотно зашторенному окну. Ставлю рядом лампу и жду.

— Ближе, пожалуйста.

Шлеп. Шлеп. К свисту добавляются хрипы. Фильм ужасов «Хищник» в интерьерах артуво. Разве что некоторые оттенки запахов мне знакомы.

— Как? Как можно было быть настолько жестокими?

Дома казалось, что я буду много говорить, обличать обман и призывать проклятья на их головы, но эмоций слишком много, чтобы вместить их в слова. И вот я впервые за год начинаю плакать. Не могу остановиться, просто льется и льется вода из глаз.

Слева мелькает и исчезает рука. Я ловлю ее своей и подношу к лицу. Да, испещрена рубцами, не все пальцы хорошо гнутся, но теплая, живая его ладонь. Прижимаю к щеке эту бесценную находку, целую. Свист становится все оглушительнее.

Пытаюсь повернуться, но меня ловит вторая рука и плотно прижимает к телу. Его телу. Не вспоминай только сейчас ту ночь, Ксюша, а то совсем расклеишься.

Правая рука даже на ощупь короче левой. Ровно на ладонь короче — обжигает меня догадка. Но ему-то еще больше, так что сокрушаться буду потом. В конце концов, Стивен Хокинг в своем околорастительном состоянии не только открытия совершает, но и ведет бурную личную жизнь, а Тюхтяев — не пианист.

Чуть расслабляю спину, а то от напряжения скоро кости полопаются и тесно-тесно приживаюсь к нему, закинутыми за голову руками зарываюсь в жесткие волосы, трогаю шею, кладу затылок на плечо. Теперь мы дышим в унисон. Лицо наспех замотано шарфом, так что осторожно отодвигаю ткань в сторону. Борода-то какая окладистая стала — не узнать. Да и узнавать нечего больше — правая щека вся — нагромождение рубцов и валунов тканей. Самое месиво на виске и там, где раньше был глаз. Изворачиваюсь и упираюсь своим лбом в его. Единственный глаз возмущенно буравит меня. Ну да, лицо посечено очень

сильно, если не сказать больше: нос практически сплюснен и теперь располагается преимущественно на левой щеке, но ему же не в фотомодели идти. Завороженно поднимаю ладони и касаюсь скул, лба, подбородка. Первым его порывом было отпрянуть, но куда же от меня деться, если что-то задумала? Настоящий. Живой. Мой.

Через кончики пальцев проходит ощущение волшебства: тот, кого нет, кто не может существовать, вдруг оказывается рядом. И я медлю, растягивая каждый момент чуда. Правда насчет свиста пока неясно, но ходить может, обниматься тоже не разучился.

— И что? — спросила я. — Это все не причина мне лгать.

Он смотрит на меня долго, тяжело. Прочитать эмоции на этом новом лице я еще не могу, зато отмечаю как сильно он похудел, выясняю наконец источник свиста — это первобытная трахеостома.

Оборачивается и шаркающей походкой, чуть подволакивая правую ногу идет к столу, где чуть дрожащей рукой выводит на бывшей моей грифельной доске: «Такъ было лучше. Для Васъ. Для всѣхъ.»

Да замечательно просто все придумали. Два великовозрастных махинатора.

— Я ненавижу вас обоих. Боже, как я вас ненавижу. Что вы наделали! — повторяла я, съехав на пол по стене.

Вышла я из домика на пустыре где-то через час после того, как зашла внутрь с совершенно иным настроением. Фрол уже расхаживавший возле лошадей, рассмотрел мое лицо, молча усадил в возок и только перед тем как тронуться открыл рот.

— Домой?

Я кивнула.

— Ваш суженый в окно смотрел, когда уходили. — обронил он уже на полпути.

Только вздохнула. Суженый. Слово-то какое...

— Зато теперь, Ксения Александровна, я знаю — права была матушка, Вы мужу и на том свете покоя не дадите. — пошутил Фрол и мы рассмеялись. Ржали, как кони всю дорогу.

* * *

Я пару часов пролежала в постели, не способная сомкнуть глаз. Он живой. Два слога заезженной пластинкой крутятся в голове. Живой. Он все это время был жив. Я убивала человека ради него, а он пытался не умереть. Я ходила на кладбище, а он дышал рядом. Экое самопожертвование. Я спала с Фохтом, а он обрастал пылью на Большой Охте. И ведь помнил обо мне.

Легла на спину, пытаюсь вспомнить его прикосновения. Вдавливаюсь в матрас, но это совсем не то. Есть ведь форма извращения — желать калеку? Наверняка, для этого и специальное слово придумали, просто я его не помню. Или все же совсем другое чувство, которое вообще игнорирует соответствие конечностей и других органов базовой комплектации? Завернула правую ладошку наволочкой и попробовала обойтись без нее. Плохо. Неудобно и вообще странно. А он так год. И на люди выйти с таким лицом нельзя. Бедный мой. И дышать через эту адскую дыру приходится.

Да он и поселился в абсолютной дыре, если честно.

Забралась под душ и врубил ледяную воду, чтобы до боли, до остановки дыхания почувствовать что-то настоящее, не иллюзорное.

Жажда деятельности — огромная, но вот куда ее приложить? Отомстить графу — успеется, тем более, что придумать что-то достойное такой лжи вряд ли получится сходу. Первым порывом, конечно, было утащить Тюхтяева к себе и чахнуть над ним, аки Кощей над златом. Мысль, что он прозябает в этом сыром холодном доме, похороненный по сути еще надежнее, чем в могиле — самоизоляция, выкладываясь лишь в работе на графа, ранила. Но что я могу ему предложить? Более комфортную клетку, только чтобы я сама упивалась его воскрешением — эгоизм. Хотя, не скрою, и это меня бы устроило, лишь бы жил.

Я не медик, сколько бы времени не общалась с ними, дома и здесь — медицина не передается воздушно-капельным путем, так что не могу судить о тяжести его состояния, но раз он почти год протянул, то может и еще пожить. И все это время я хочу провести с ним. Сейчас готова отдать все, чем обладаю — за то, чтобы быть рядом. Вот если бы нам в будущее, где нормальная диагностика и лечат совершенно невозможные вещи, главное найти деньги и клинику! Взять все драгоценности и рвануть во временную дыру. Но нет ее...

Конечно, можно попробовать кое-что еще, но там надо поспешить. Только бы до

Ранние утренние визиты — вопиющее нарушение приличий. Тем более, что в эту квартиру я со дня переселения родни не заходила. А ведь неплохо устроились — высоченные потолки, просторные комнаты, модные обои на стенах, дубовые полы. Техническая начинка в моем доме получше вышла, но куда есть прислуга, тут этим не заморачиваются.

— Ксюшенька, здравствуй! — мама в утреннем платье с безукоризненной прической листала читалку. Она стремительно вписалась почти во все тонкости жизни здесь, но куда же без детективов!

— Привет, мам. — Штирлиц, держим лицо. — Вы когда поедете?

— В пятницу поезд. — Успеваю. Она внимательно всматривается в мои красные с недосыпу глаза. — Что случилось?

— Все хорошо, мам. — лучше, чем когда-либо в этом году. — Люська дома?

Реакция сестры на мою просьбу может быть очень разной, тем более, что прошлый ее опыт в пластической хирургии оказался непосильно трудным.

После уточнения, что Хакас уже ушел на службу (странно, что его за пунктуальность пока еще не прогнали из дипмиссии, хотя в греческом королевстве живут совершенно особые люди, могут и войти в положение), я вошла в ее спальню.

В общем-то, даже без подсказки, Люсину обитель можно опознать по непереводающемуся бардаку. В этом вопросе она меня превзошла и достигла высшего уровня мастерства.

— Доброе утро, Люсь.

Она еще ни разу на моей памяти не была приветливой раньше обеда, так что мычание из-под одеяла легко переводилось в нецензурную лексику.

— Люся, поговори со мной, пожалуйста. — стягиваю одеяло с ноги. Поперек щиколотки при ярком утреннем свете можно рассмотреть розовую полоску шрама. Его тут раньше не было, а на Моховой ее мыла мама собственноручно, не допуская моего участия. На второй ноге то же самое, и это после лечения... Бедная моя девочка, как же тебе досталось...

— Отстань!

В другой раз мне хватило бы и твоих шрамов, чтобы устыдиться и сбежать в личную нору, но с субботы я на тропе войны.

— Люся, я уже пришла и не уйду.

Сноп огненных волос, уже заметно отросших за четыре месяца, чуть раздвинулся, открыв пронзительно зеленый, очень злой глаз.

— Теперь ты не в своем доме, так что нечего распоряжаться.

Не время напоминать, из чьих денег оплачиваются все ее расходы.

— Люся, мне твоя профессиональная помощь требуется. — честолюбие у нее всегда перевешивало даже любовь к сладкому, лень и желание поспать.

Теперь уже оба глаза плотоядно осмотрели гостью и сузились перед очередной колкостью.

— Ты на подтяжку лица уже опоздала. — и отвернулась, язва. — А мозги лечить я не

умею.

— Люсь, я серьезно. — да я на колени перед тобой встану и землю целовать буду, если только выслушаешь. Гордыня моя осталась за порогом домика на Большой Охте.

Молчание, долгое, вязкое.

— Проси. — Это как в детстве, когда она увлекалась аниме.

— О, светлейшая Повелительница Небес и Земли, — торжественно начала я и не сдержалась. — Поднимай свою задницу и пойдём.

В меня полетела подушка, и я пропустила только первую, а остальные уже отбила. Да, платье придется чинить, но сестра дороже.

— Люсь, мне нужна твоя консультация по одному конфиденциальному вопросу. — повторила я, покуда мы обессилено валялись на кровати, наблюдая за медленно оседающими перьями из порвавшихся подушек.

— Классно же! — умиляется сестра.

— Ага. У вас горничная есть? — с появлением собственного дома веселье рассматривается обычно уже с ракурса уборки и это мне дьявольски повезло с Демьяном.

— Да приходит какая-то тетка. — небрежно отмахнулась Люська, из чего можно сделать вывод, что вход тетке в Люсины апартаменты был закрыт со скандалом и навсегда.

— Лучше бы ее сегодня позвать, а то срач впитается во все щели, это я тебе авторитетно заявляю. — был у меня подобный эксперимент, правда не от восторга, а от лютого отчаяния прошлой зимой.

— А конфиденциальное — это что? — обожаю Люську, за способность одновременно обдумывать сразу несколько событий.

Я не знаю, как про это рассказать, чтобы она сразу не принялась за лечение меня от тяжелого психического поражения.

— Есть человечек один... В общем, посмотри, что там можно сделать. Но не говори никому о том, что увидишь.

— Никому-никому? — на меня изумленно воззрились два изумруда глаз.

Нет, блин, скажи Диме, чтобы он Федю порадовал. От имени любовника началась мигрень, тонкой спицей пронзая виски. Думать о нем сейчас нельзя, иначе я просто разорвусь на кусочки. Обнаружив пропащего покойника я словно перечеркнула год жизни, но ведь и он уже не тот, кого я потеряла третьего ноября, и я не та, как бы не хотела иного... И где-то на Гороховой сейчас надворный советник спасает судьбу Империи не зная, что его собственная жизнь вскоре превратится в эпицентр катастрофы. Поэтому двигаемся потихоньку, только одно дело за раз, только одна мысль в моей бедовой головушке.

— Никому.

Мы позавтракали, причем мне все время чудился травянистый привкус каждого блюда, и под удивленным взглядом мамы собрались. Перья из волос достали почти все.

— Мам, мы на Большую Охту съездим. — сообщила я и вытащила сестрицу в дальний путь.

Люся начала приглядываться ко мне уже с профессиональным интересом, поскольку отвечала я чаще невпопад и смотрела по большей части в точку перед собой. Она не очень хорошо еще ориентировалась в городе, кстати надо почаще гулять пешком, а то не выучим ничего, так что узнала только ворота кладбища и озадачилась, когда мы ходко проследовали мимо.

— Ты жениха своего навестить хотела? — уточнила она. — Сейчас или на обратном

пути?

В начале еще их пребывания тут я показывала крест на своем втором браке.

— Скоро. — коротко, зато правдиво.

Все же при свете дня этот пустырь производит более гнетущее впечатление — ночью хоть есть надежда, что днем будет иначе. Иллюзии прошли — беспросветная дыра, куда второй раз по своей воле не вернешься. Наверняка из этих соображений место и подбирали, но окочуришься же от безысходности. Извозчик получил задаток за ожидание и устроился поудобнее, а Люська все еще не хотела выходить.

— Ты куда нас притащила?

— Кто бы мог подумать, что тебе не все нравится в Петербурге. — съязвила я.

* * *

На этот раз сначала нам пришлось пообщаться с неприветливой прислугой. Бесцветная женщина лет сорока смерила взглядом наши дорогие платья, остановилась на островке белого пуха, что предательски выпал из какой-то нижней юбки и наотрез отказалась меня пропускать. Куда до нее охранникам ночных клубов.

— Голубушка, мы к хозяину. — я начала весьма себе дружелюбно. Даже улыбнулась. Вот моя прислуга ценит доброе отношение.

— Нету тут никого. — буркнули из-под платка. Поджала губы и намерена была отстаивать рубежи. Интересно, вдвоем мы сможем ее повалить? А если с разбега?

— А ты поищи. — дала ей какую-то мелочь.

Вот все проклятая воспитанность — нет бы вбежать в дом, покуда она ныряла в его глубины и получала наставления от жильца.

— Не велено пускать. — сообщили нам через несколько минут.

Неожиданно. Досадно. Но я его и в прошлом могла переупрямить, здорового, уж с калекой-то справлюсь. Огляделась, не нашла ничего подходящего и уселась прямо на крыльце. Платье все равно пострадало, а после этой поездки отдам девушкам своим на сувениры.

— Сообщи ему, что я тут останусь.

Громко сказала, чтобы во всех комнатах слышали. Женщина осуждающе покачала головой и скрылась в недрах дома не забыв запереть дверь.

Люська прошлась по округе, но вскоре вернулась — да, тут нам не Невский проспект, и даже не Английская набережная.

— Ксюха, а мы сюда зачем приехали? — с сомнением наблюдала она за моими маневрами.

— В гости. — желчно сообщила я.

— Но нас не ждут. В твоей книге про это особенно подробно прописано. — нашла, когда попрекать полезной литературой.

— Ждут, просто еще не созрели в этом признаться. — хотя бы верить в это я обязана.

Со стороны пустыря появился пьяный мужик, который исподлобья оглядел нас и прошел в сторону складов. Пару раз оглянулся, неприветливо разглядывая столь чужеродные объекты: Люська щеголяла в шикарном черном шелке, я в темно-красном сукне и бархате. На фоне грязи и покосившихся сараев это выглядит как авангардная фотосессия, но до них

еще лет шестьдесят не додумаются. Неуютно тут.

Еще минут пятнадцать ожидания и попа начала ощутимо мерзнуть. Обидно будет застудить себе все ценное в попытке вернуть невозвратное. Эй, на корабле, что мы думаем?

— Ксюш, мы и в другой раз заедем, если надо. — заканючила Люся. — Мне еще вещи собирать. Я хотела с мамой съездить в это наше поместье.

Да кто бы сомневался-то?

— С каких это пор маму Димой зовут? — не успокаиваюсь я.

— Да хоть бы и с ним. — окрысилась сестра. — Ты тоже можешь поехать. Федя рад будет.

Да уж Федя больше остальных порадуется, полагаю. У него ожидается сюрприз года.

От складов давешнего мужика сопровождал еще один, и они споро направились в нашу сторону. Первые их сорок шагов я даже не отдавала в этом отчет, а потом стало слишком поздно. А ведь могла бы пистолет взять. Расслабилась вчера, а сейчас даже до извозчика не добежим. Их двое против нас двух — шансов нет.

- Глянь, какие барышни! Может знакомство сведем? — глумливо произнес новенький.

— Любезнейший, шли бы Вы по своим делам. — я попыталась оттеснить Люську к двери и чуть прикрыть собой. Вот опять подвергаю других людей опасности из-за своих порывов. Это карма плохая или дурь невыбиваемая?

— Так мы и пришли по своему делу. — усмехнулся лидер этой пары и протянул руку к моей сумочке.

Камень ему в лоб угодил небольшой, с кулак, зато с хорошей силой. Все же Хакас чему-то сестру уже научил. Мужик охнул, схватился за лицо и сквозь ладонь хлынула кровь.

— Дура, что ж ты делаешь! — заорал второй, оглядываясь по сторонам.

— Бежим! — шепнула я Люське, но тут дверь открылась и нас за шкирку буквально втащили внутрь. Следующим мы услышали выстрел в воздух и несостоявшиеся грабители сочли за лучшее скрыться.

— Спасибо. — я обернулась к мужчине, который в очередной раз спасает мою шкуру. Очень хотелось повиснуть на его шее и больше никогда не отпускать, но он аккуратно обошел меня вместе со всеми порывами, покачал головой и прихрамывая двинулся вглубь дома. Мы засемили следом.

Люська быстро перестала сереть и теперь строила страшные рожицы, указывая на раскачивающуюся впереди спину. Я только приложила палец к губам.

— Михаил Борисович, позвольте представить Вам Людмилу Михайловну Шестакову, подающего надежды врача.

— Михаил Борисович? — На Люсином лбу отражалась титаническая работа ума.

Я кивнула и горько улыбнулась.

— Слухи о смерти моего жениха. — и тут я сделала паузу, покосившись на спину в жилете из овчины — оказались несколько преувеличенными.

— Надо же! — Сестра словно забыла, что только что едва избежала насилия и полностью включилась в происходящее. — Какой удивительно насыщенной жизнью Вы живете, Ксения Александровна.

Люся осторожно подошла к отвернувшемуся в угол хозяину.

— Вас не затруднит подойти к свету?

Свист, хрип, отрицательный жест.

«Уходите».

— Нет, мой дорогой, я год провела без Вас, и теперь видаться мы будем чаще.

Я нашла табуретку, поставила ее возле двери, чтобы остановить его в случае побега.

Люся с мягкой улыбкой, которую я в свой адрес от нее ни разу не видела, подвела

Тюхтяева к окну, раскрыла занавески и углубилась в осмотр.

— Это давно?

— Триста пятьдесят восемь дней. — чеканю я.

Спина вздрагивает, а сестра хмыкает:

— Но кто считает!

Рассматривает его шею, горло, просит произнести хоть что-то, настороженно вслушивается в хрипы. Тонкие пальцы умело растягивают кожу, определяя глубину повреждений, нежно касаются наиболее травмированных мест. И пусть она моя сестра, пусть врач, но я почувствовала укол ревности. Слабенький, и я его стыжусь, но был.

— Разденьтесь, пожалуйста.

«Нѣтъ». И возмущенный взгляд в мою сторону.

— Она же врач, Михаил Борисович. — и я сейчас жалею, что не пошла медицинский.

Хрип становится булькающим и переходит в приступ кашля. Вот это меня смущает куда больше шрамов.

Пытаюсь помочь ему расстегнуть жилет, но мою руку отталкивают. Не знаю, что там на груди, но спина в общем-то прежняя. Люська ворчит, что без фонендоскопа она как без рук, осекается, извиняется.

— А с ногой что? — Он только машет культей. Люська пожимает плечами и поискав глазами полотенце вытирает руки платком.

— Михаил Борисович, когда Вам оказывали первую помощь, вряд ли заботились об эстетической стороне результата. Поэтому получилось то, что получилось. Но это не приговор, и кое-что, пусть и не все, исправить можно. Предупреждаю сразу — возможен риск воспалений, и это будет больно и долго. Очень долго и очень больно.

Нет, в рекламе ей не работать.

Мы вежливо прощаемся и уходим. Я замираю в дверном проеме, чтобы еще хоть немного посмотреть на поникшую спину в углу. И знаю, что он чувствует мой взгляд. Вопреки ожиданиям, кучер так и не сбежал даже после стрельбы.

* * *

Люська молчала минут пять.

— И что же я, по-твоему, могу сделать? — язвительно зашептала сестра, словно продолжая воображаемый диалог. — Ты бы еще попросила в пещере каменным топором операцию на мозге провести. Резать я его чем, пальцем буду? Мама набросала кое-какие инструменты с собой, но это капля в море. Шлифовку шрамов сделать нереально, ибо лазеров нет и не будет.

— Что конкретно тебе нужно? Напиши, зарисуй и я попробую найти тех, кто это сделает.

— Проще сказать, что мне не нужно.

— Люся...

— Год запущенной травмы. И я даже не догадываюсь, что у него с легкими. Фтизиатрия

— это вообще не мое. Насчет ноги тоже интересно.

Молчу.

— Ты когда узнала? — она отвлекается от своих претензий и всматривается мне в лицо.

— Вчера. Позавчера догадалась, а ночью его нашла.

— Бедная моя. — Люська обнимает меня за плечи. — Он что, скрывал это от тебя, да? Ксюш, — она заглянула мне в глаза. — я постараюсь, но вернуть тебе то, что ты потеряла, не получится. Я не отращу ему руку, не сделаю новый глаз и не вставлю нормальные мозги вместо той херни, которой он думал.

Люся посопела и уже совсем другим тоном добавила.

— Ксюха, реанимации нет, антибиотиков кот наплакал, диагностику только на ощупь можно проводить. Шансы на то, что он просто переживет операцию — не очень. Там я бы за такое не бралась.

Подождала ответа, продолжила.

— Ксюх, он может умереть прямо на столе.

— Умрет — так могилка уже есть.

Некоторое время мы едем в молчании.

— Ты уже думала, что будешь делать дальше с ними? — уточнила Люся. — Нам ведь может и повезти, и он не только переживет операцию, но и оклемается. А потом твой немец узнает.

— Я стану решать все проблемы только в порядке возникновения.

* * *

— Михаил Борисович, Ваше нынешнее состояние — не приговор. — а он ходит по комнате уже не обращая на меня внимания. Навестила я Большую Охту во вторник уже увереннее, да и он привык к моему ворчанию. Сидит вон, газеты просматривает, пишет что-то.

— Не собираетесь же Вы вечно меня игнорировать!

«Хотя бы попытку-то мнѣ оставьте».

Смеюсь.

Дел полно, нужно столько еще находить, решать, договариваться, а я выйти не могу.

— Ну хотя бы рентген пройдите?

Берет чистый лист.

— Прошу, ради меня.

Молчит.

— Помните, Вы говорили, что стали моим вечным должником? А долги платежом красны.

«Для чего этот Ваш рентген?»

— Рентген — это картинка того, что у Вас под кожей. Можно сказать, весь Ваш внутренний костяной мир.

«Одинъ разъ».

— Для начала да. — чмокнула его в бугристую щеку и побежала дальше.

Нам всем повезло, что рентгеноаппарат действовал в России уже год. Радиация, конечно, адская (Люська еще вовремя вспомнила про защиту, и мы с прислугой в ночи судорожно шили из брезента и свинцовых плашек неподъемные защитные фартуки), но ненадолго можно потерпеть, зато нас ждали разные открытия — хорошие и не очень. Череп нашего героя практически не пострадал, насчет носа у Люськи появился сдержанный оптимизм.

— Ничего, новый будет лучше прежнего. — Смеется сестра. — Видела я вашу фотку. Нет, немец твой, конечно, красавчик, но и в этом дядьке что-то есть.

А вот с ребрами получилось не очень — они срослись безумной паутиной.

— Легче новые вставить, чем эти собрать. — ворчала она, выбирая на рынке молоточки, кусачки и другие инструменты. Мужики, торгующие скобяными изделиями, очень удивлялись нездоровому интересу модных барышень, но старались подыскать все, что сестра требовала.

С помощью старых госпитальных связей удалось раздобыть много нужного и не очень оборудования, каждый новый экземпляр которого вызывал у Люси археологический интерес. Сложнее всего оказалось добыть титановые стержни — пришлось просить горных инженеров, плакать перед Оленищевым, всячески обходя причину нездорового увлечения. Наконец выяснилось, что мужчины охотнее всего верят во всякую ересь, и история про титановые булавки для шляпок ушла в народ.

— Димка говорит, ты в госпитале работала? — спросила раз Люся, не отрываясь от планшета. Наша мама запаслась не только семейными фотографиями и собранием сочинений неродившихся еще мастеров детективной прозы, но и догадалась закачать Люськину библиотеку. Бумажных книг было немного. Теперь мы молились на этот кусок металла и пластика, а Люська бодро конспектировала некоторые книжки.

— Так я только притворялась. Пока его искала. — да я боюсь до ужаса.

— Но все же получилось? И парня мне нашла, и научилась хоть чему-то толковому. Будешь ассистировать.

И тут же, на обертке от шоколадки начала набрасывать план операции. Как будто из-под маски безучастности вылезла моя прежняя сестра — увлеченная, страстная, безумно целеустремленная.

Провожали родственников мы вдвоем, держась за руки. Мужчины были в огорченном недоумении, а мама рада, потому что желание провести время наедине с сестрой посещало Люсю впервые.

Поезд уносил наших близких, давая нам где-то три-пять недель форы. По словам Федора, именно столько времени понадобится чтобы вступить в права наследования и определиться с основными планами. У него случилась длительная командировка в провинцию, и он согласился помочь.

Среди недели я трусливо подлила Феде снотворного в вино за ужином, довела до

диванчика в кабинете и плакала, глядя на спящего любовника. На интим моральных сил не было, да и на разговоры тоже. А последнюю перед отъездом ночь мы впервые провели в его квартирке на углу Итальянской и Караванной. Аккуратно тут и в меру rispetтабельно. Обои зеленые, тяжелые занавеси, добротная кровать. Не как на Васильевском острове. Мы занимались каким-то диким остервенелым сексом, замешанным на предстоящей разлуке, чувстве вины и ярости. Что бы ни случилось с Тюхтяевым, это наш последний раз перед тем, как обнаружение лжепокойника перестанет быть секретом. Тогда ад развернется в лице вот этого мужчины, выкладывающегося сейчас над моим телом. Даже утром проснулась от того, что Федя уже внутри. И вот он, мокрый, рухнул на мою спину.

— Я люблю тебя, графиня.

Вот как ему в глаза смотреть, ведь всю эту неделю я партизанила, и в первую очередь скрывала все эти действия от него? И что отвечать, если мир уже рухнул, просто еще не все это заметили?

— И я тебя, надворный советник. — главное, спрятать слезы. Я вправду люблю его. Беда, что не его одного.

* * *

Сомнения в согласии пациента только крепили день ото дня. Тюхтяева я навещала стабильно по утрам, верхом на Лазорке, игнорируя осуждающие взгляды прислуги, если мы с ней успевали пересечься, прямые указания хозяина и обещая найти его и в других местах, но уже с иным настроением. Ближе к выходным в поведении пациента появилась скованность и отстраненность.

— Во вторник сможем начать.

«Зачѐм?»

— Сможете дышать свободнее. Людмила Михайловна убеждена, что получится.

В общем, могла бы и крылья пообещать — веры у него не было.

«Я могу убѐдить Вася отступить?»

— Нет.

«А если попрошу уйти и не возвращаться?»

— У Вас есть варианты: либо попросите уйти, и тогда я вернусь на следующий день, либо не возвращаться, и тогда я останусь тут насовсем. Расширим Ваш домик — у меня как раз есть хороший архитектор на примете.

Плечи понижают. А я не знаю, каким особенным образом разговаривать с такими больными. Да что там, я не знаю, как на него смотреть — это не столько отвратительно, сколь больно. И жалость показывать нельзя — точно прогонит, и как прежде не стоит петушиться. Люська говорит, что все психологические блоки начнем выговаривать после операции, но как дождаться и как не запороть все раньше?

* * *

Я предчувствовала, что он замыслил побег, поэтому и забирала на пару дней раньше оговоренного срока вместе с Фролом.

Дом пуст. Если бы не чашка, теплая, с еще дымящимся кофе внутри, решила бы, что опоздали. Я обыскивала помещение с методичностью норной охотничьей собаки. Даже под кушетку заглянула. Нашла вход в подвал, чуланы, идеальный порядок в шкафах. Без толку, хотя явно готовился уезжать — вон и папки аккуратно стопками связаны. Потом вспомнила светлые саратовские деньки и поискала черный выход на кухне. Дверь явно не на замок закрыта, но открыть не получается.

— Михаил Борисович, нехорошо это, гостей игнорировать.

Тишина.

— Я могу тут и до весны просидеть.

Конечно, смогу, а вот ему с его болячками лучше избегать холодного ветра. Посовещалась с внутренним голосом, пришла к единственно верному решению. Прости, хозяин, мы уж тут теперь как-то сами попробуем.

Оставила Фрола у двери, а сама начала штурмовать окно. Крошечное, а я, пусть и похудела, все равно обладаю еще некоторыми формами. Хлипкое. Черт, ну что, адрес стекольщика хранился не зря, так что заменим ему окошко-то. Давно уже пора.

Двор пустынен, как и все здесь. Это в конце двадцать первого века на задах у любого домовладения годами копятся тьмы и тьмы пластиковых труб, мешков, старых стиральных машин, скелетов газовых плит и микроволновок. Здесь дерево сгнивает, а остальное слишком ценно, чтобы держать под открытым небом. Хотя отдельные кучки вроде бы видны. Но забор высокий и крепкий, так что мой ненаглядный в его нынешнем состоянии не сбежит.

Он качает головой и помогает выбраться из останков рамы.

— Поедемте, это хороший шанс. — я вытряхиваю стекло из складок всех юбок. Хорошо хоть платок был — руки не порезала. А из него хорошая статуя получится.

— Риск, конечно, есть, но с тем же успехом Вы тут чахотку подхватите.

Да что там может быть такого интересного в этом заборе!

— Я Вас прошу. — раньше бы не пришлось столько времени впустую тратить.

Молчит.

— Умоляю. — а голос уже предательски подрагивает.

То же.

Медленно, не отводя взгляда, опускаюсь на колени. Земля уже подмерзла, так что кочки весьма чувствительно впиваются в колени. Ни разу так не унижалась.

Горестно вздыхает, из единственного глаза пробились несколько слезинок, но он все еще неподвижен. И у меня остался последний козырь.

На втором крючке корсета он плюнул и втащил меня в дом. Нервно проковылял к столу, подобрал грифельную доску, неловко пристроил ее на культю и нацарапал.

«Пороли Васъ въ дѣтствѣ мало».

Я оглянулась на Фрола и склонилась к тюхтяевскому уху.

— Как только оправитесь после операции, сможете сделать это самостоятельно.

Долгий взгляд с непередаваемой смесью тоски, недоверия, усталости. Он же привык к своей жизни за год, а тут я. Обняла, прижалась лбом ко лбу.

— Все будет хорошо. Мы обязательно всех победим.

Покосился на мою группу поддержки.

«Я могу собрать вещи?»

— Конечно, Вам помочь? — радуюсь, как пудель приходу хозяина.

* * *

Достал потертый саквояж коричневой кожи, встряхнул пару раз чтобы открыть и начал складывать туда одежду, бумаги какие-то, еще разное. Даже Фролу не позволил помочь, лишь написал:

«И Вы, господинъ Калачевъ, попали въ ея цѣпкіе ручки?»

— Да, Ваше благородие, — улыбнулся Фрол. — Вы ж еще в девяносто пятом так говорили.

Я ошалело смотрела на них.

— Господин Тюхтяев навещал меня, когда Вы пропадали.

Раньше мне не рассказывали об этом эпизоде. Здесь вообще все друг с другом знакомы, что ли?

* * *

Как давно мы не входили в эти двери вместе? Год? Точно, после вечеринки с инженерами вместе возвращались домой.

Поскольку гостевое крыло занято моей семьей, пусть и не постоянно, размещать статского советника пришлось в детской. Накануне я велела достать из подвала кровать и собрать ее. В период моего активного покупокательства мебели натаскала больше, чем нужно.

— Уж извините, Михаил Борисович, Вашу любимую картину перевесить не успели. Утром исправим.

Улыбается. Лукаво, искренне, как раньше. Помнит.

* * *

Это была совершенно безумная ночь, которую следовало провести в собственной постели, отдыхая перед трудным днем, но как же уснешь, когда здесь, в моем доме, такое чудо — воскресший покойник? Прислуга малость ошалела от новостей, но осиновый кол ни один не принес, что уже внушает надежды. Объяснения, что Тюхтяев пострадал, спасая мою жизнь и скрывался именно из-за этого, хватило, чтобы Евдокия расчувствовалась, а Устя задумчиво усталилась в угол. Жаль, насчет Андреаса такое объяснение не сработает.

В общем, я часа два проворочалась, поминутно вскакивая и приликая к окну ванной, откуда можно рассмотреть свечу за стеклом той самой комнаты, а потом плюнула, взяла в охапку пару одеял, подушку и постелила себе прямо на полу у двери детской. Увидят — и ладно. И его хриплое свистящее дыхание оказалось лучшим снотворным. А то, что утром бока отваливались — мизерная цена за чудо.

— Михаил Борисович! — я тронула его за плечо еще на рассвете. Растрепка, в одной ночнушке, с опухшими со сна глазами, я так боялась, что все это — лишь мираж.

Он пристально смотрит на меня. Мне очень хочется думать, что хоть немного рад

встрече.

— Вы простите меня. За все, что не так.

Впервые после воскрешения сам дотрагивается до моей мокрой щеки. Малодушно, конечно, паниковать на глазах у пациента, но я не смогу жить дальше, если он меня не простит. И за тот взрыв, и за то, что произойдет сегодня.

— Я так боюсь. — шепчу ему на ухо. Даже возвращаться из будущего легче было.

Пациента с утра не кормили, да и самой кусок в горло не лез, но Люська заставила выпить кофе с молоком и сожрать что-то калорийное. Сладкое, по-моему, но даже если бы дала коровью лепешку — я бы не заметила. Меня не трясло только потому, что я была приморожена ужасом.

* * *

Оперировали его прямо с утра, дабы не сбежал. Закрыли дом, обложились всеми запасами медикаментов, помолились и включили лампы. В лаборатории дух вышибало хлоркой, которой Люська собственноручно накануне оттирала все, включая потолок, но меня даже запах не отвлекал от животного ужаса. На столе под белой простыней лежал человек, которого я неделю назад оживила для себя, а сейчас имею шансы окончательно угробить. Люська с утра побрила его, обнаружила много нового и неприятного под щетиной, долго ругалась. А я смотрела на его гладкое лицо и это было так необычно — он выглядит намного моложе, но непривычнее.

- «Ну что, понеслись? — сказали куры и поднатужились» — захихикала моя сестра.

* * *

Семь часов спустя дрожащими руками я разливала вторую бутылку вина, но не брало вообще. Да и первую, признаться честно, я больше проливала, чем пила. Все-таки к хирургии я не приспособлена. Зато Люся блаженно вытянулась на кушетке кабинета и воспользовавшись моим состоянием закурила сигару. Из графских запасов, между прочим.

— Не дрейфь, подруга, прорвемся. Пульс у него хороший. А когда кто-то так сильно кому мешает — завсегда выкарабкивается.

* * *

Я провела рядом с ним первые тридцать часов. Приходя в сознание, он морщился от боли, но покуда мог терпеть, только касался ладони. Когда мучение становилось невыносимым, сжимал мою руку и я делала укол. Иногда губы уже серо-белые, а терпит.

Вообще операция дала сногшибательный эффект — свист и клокотание исчезли. В первый момент я испугалась, что он умер, но сияющие поверх хирургической маски глаза сестры успокаивали. И хотя поначалу пациент дышал только ртом, это было уже совсем другое дело. Рискованно было объединять ушивание стомы и перемещение носа в одну неделю, зато он сможет снова по-человечески есть, а не заливать бульоны и воду через зонд,

так что мы вновь будем трапезничать вместе. Потом.

Глаз заплыл багровым кровоподтеком, все выглядит намного хуже, чем накануне, так что я не была уже уверена в правильности этого шага, зато Люська — бодрее январского утра.

— Дыхание хорошее, динамика замечательная, и Вы, Михаил Борисович, еще нас всех погоняете. — Ой, до чего же ты права.

* * *

На третий день после операции появился граф, бледный, губы плотно сжаты, во взоре решительность и смущение.

— Ксения, нам нужно серьезно поговорить, — бросил он и ринулся вверх по лестнице прямо в Люськину спальню. Эту ночь она провела рядом с пациентом, обманом подсунув мне снотворное, и теперь отсыпалась, так что встретила гостя плохо. Походя извинившись, родственник провел полную инспекцию второго этажа, осмотрел кабинет и мою спальню. Ванную, и ту вниманием не обошел.

— Где? — тяжелым взглядом буравит меня на лестнице, потому что сейчас я наслаждаюсь каждой секундой ситуации. Беспокойно тебе, верно?

— Кто?

— Тюхтяев твой, кто еще?

— На Большеохтинском кладбище же, Тихвинская дорога, первый ряд. — я тоже умею держать лицо.

— Не юродствуй. — он тяжело опустился в кресло. — Я имел беседу с доктором Сутягиным.

Молчу.

— Ты должна понять. — ох уж этот высокомерно-снисходительный тон.

Ни хрена я тебе не должна. Интересно, если вслух сказать — услышит? Или и по взгляду прочитает — мозгами же его Господь не обделил.

— Ты же видела его. — и в глаза строго смотрит.

— Разве? — поднимаю бровь.

— А кто окно разбил, полдома переворошил и платок свой потерял? — он протягивает мне кусочек батиста со знакомой монограммой. Это я зря, конечно, улики за собой стоит прибирать. — Думаешь, у него там проходной двор для рассеянных барышень?

Беру платок и убираю в карман. Но выражение лица не меняю, потому что как-то резко вспоминаю все свои эмоции от первого визита в ту сторожку.

— Да я понимаю, что сердисься. — тихо произнёс он. — Думаешь, легко было тебе в глаза смотреть? Видеть, как ты убиваешься.

— Но Вы же смотрели и видели. — и это только первый упрек. — Год смотрели.

— Ксения, я слово дал. Ты, женщина, хоть понимаешь, что это — слово чести? — а ведь он так устал, морщинок новых полно, тени под глазами.

— Понимаю.

— Он руки на себя наложить пытался. Сутягин все равно больше года не дает. Куда тебе дважды его хоронить? И мы договорились, что я тебе не говорю, а он будет жить сколько Господь даст. — глухо произносит он, уставившись на носки своих роскошных туфель.

Гость у нас еще и с суицидальными наклонностями! Приглядывать придется внимательнее.

Разливаю по бокалам вискарь. Щедро так. Приветственно поднимаю свой и опрокидываю внутрь. После четвертого глотка уже и не обжигает.

— Что ты натворила? — тихо спрашивает граф.

Еще несколько минут молча смотрю на него, пытаюсь понять, что хочу сделать. Мстить? Это вдруг показалось настолько мелким, глупым, детским порывом. Чуть пошатываясь от не вовремя нахлынувшего опьянения, двигаюсь вглубь третьего этажа. Граф и забыл, что у меня есть еще одно, обычно закрытое крыло.

Он ошеломленно смотрит на мумию, опутанную бинтами с трубочками, торчащими из ноздрей, которые, наконец, вернулись на положенное место. Стому Люся закрыла, поэтому спал он очень тихо. Сама по сто раз перепроверяла, дышит ли.

— Ч-что с ним теперь? — граф не очень уверен, что это лечение от прежних травм.

— Как новенький, конечно, не будет, но, возможно, сможет нормально дышать и разговаривать. — шепотом отвечаю я. — Позже.

* * *

Бывали минуты, и Николай Владимирович проклинал тот день, когда сосредоточенный и вопреки обыкновению не улыбочивый старший сын появился на пороге Вичуги с просьбой о благословлении. Урезонить и отговорить от брака с бесприданницей из глухой провинции не получилось. Про сожителство с купцом он узнал уже позже, а вот самоубийство родителя сразу представлялось огромным пятном на биографии. Петр отказался от доходов с имущества на время брака, от наследства и был готов пожертвовать титулом. Так и твердил, что Отечеству служит, за что получает достаточное жалованье, а жены другой не надо.

Часть мебели в кабинете пришлось потом поменять, но граф впервые сдался перед этим сопляком. Да и сопляком ли? Вон какой стоит, спокойный, выдержанный. На деда похож.

После свадьбы эту гусыню длинношеюю привез в Вичугу и последние надежды рухнули — не умница-красавица, зато вцепилась в Петьку клещом. К этому моменту граф Татищев уже вызнал о ней всю подноготную, и купеческую подстилку в доме терпеть не стал. Саднило до сих пор, что с сыном расстался плохо. Кабы знать...

Последнее письмо от Пети граф едва не сжег. Чудом удержался, и потом глотал слезы. Ни словом не упрекая, сын просил позаботиться о его вдове. В Самаре граф ее даже не узнал — высохшая до костей, с огромными синяками под глазами, она выглядела хуже покойника. Позже, из переписки с армейскими чинами он узнал много нового о ее самоотверженности и мужестве в тяжелое время, но не поверил. И когда жгли ошибки сына — тоже не верил. Для аристократки слишком жесткая, для дряни — слишком наивная. Не вписывалась ни в один знакомый графу типаж.

Проблемы посыпались валом. Сначала этот Фохт. Ну тут, скорее Петька, Царство ему Небесное, удружил, но копает же. Дал окорот, оторвавшись за обоих. От нее откровенно избавились, заперев в петербургском доме, и вдруг такая неприятность. Да он и не обратил бы внимания на эту компаньонку — жена сама подобрала такую, которая сможет собрать всю компрометирующую информацию на невестку и вынудить ее уехать подальше. А скомпрометировали-то самих, да еще как.

Получив странное письмо с неприятными намеками, граф после раздумий таки выехал в столицу и застал пустой дом с полным почти набором ее вещей, странным завещанием и куда менее ободряющей запиской. Обратился к старому знакомцу, который, хоть и обретался сейчас в Первопрестольной, но карьеру начинал на каменных берегах, смог помочь. Все нашлось — и письма Чернышевой с революционными идеями и жалобами на уныние хозяйки, и в щепки разнесенный склад на Лиговке с неопределенным числом трупов, и Фохт, вновь увязший в этом деле. Даже жаль стало сироту, погибшую из-за своих представлений о благородстве и благодарности. На всякий случай решил покарать бездарно организовавшего операцию жандарма, тот явно что-то темнил. Кто там был, кто не был — непонятно. Неизвестная женщина так и осталась неопознанной, а черные гагатовые бусы — мало ли кому могли принадлежать.

Чуть опоздавшее, доставленное без марок прощальное письмо окончательно сбило с толку. И заполировала все телеграмма. За полтора месяца с исчезновения граф уже привык думать о том, что это было просто наваждением — так нашлась же. Путешествовала она по монастырям, как же. Отсидивалась небось после взрыва у купца своего, все-таки страшно любому будет. И снова вернулась, как ни в чем не бывало. Дом построила, не шиковала, опять же поселилась уединенно, посещала только церкви и магазины, знакомств ни с кем не завязала, вот только даже в таком аскетизме исхитрилась вызвать симпатию Ее Величества, от чего Ольга безумно завидовала несколько недель подряд.

Ведет себя непоследовательно, или наоборот, следуя неизвестному графу плану. Дружелюбна, приветлива, непосредственна, но границ почти не переходит. Терпеливо сносит холодность, радуется чему-то своему. Не так обычно девушек растят в Петербурге, но что взять с глухой деревни.

А потом приехала на Рождество и как на санях с высокой горы понеслась. Тихая, милая, первым делом раскроила голову незнакомому человеку прямо на глазах графа. Жизнь спасла, и не ему одному, ни словом потом не обмолвилась об этом поступке, подружилась с Ольгой, словно забыв все придирки и шпильки. Раскрыла секрет отношений с купцом своим, что вообще не вписывалось в прежний образ. Словно до и после этого праздника были разные люди. Только вот с непонятным упорством избегала брака.

С иноземцами помогла в том деле, хотя коза — это было, конечно... И с Ходынкой тоже — ведь сколько раз про предчувствия говорила, а он лишь отмахивался. Не побрезговала и с трупами возиться. Но слишком, слишком странная, после каждого выверта твердил граф. Придумывает вечно что-то, о чем нормальная женщина даже не задумается, один противогаз чего стоил. И реагирует на все как-то не по-женски.

И тем майским утром, в коронационной суеде он сам первым начал жаловаться на неумную сноху.

— Михаил Борисович, она же неуправляема. Все женщины с придурью, это я тебе как дважды муж скажу, но такого я еще не видел. Мне уже столько раз эту историю про козу рассказали, что я скоро сам бляеть начну. Генерал Хрущев второй раз с предложением выходит, так она грозит его подсвечником прибить. И ведь не ровен час слово сдержит. Может тебе ее сосватаем, а? — пошутил он.

Пошутить-то пошутил, да вот чем эта шутка обернулась. Тюхтяев вздрогнул, помялся, походил по кабинету и вдруг выдал:

— Вы полагаете, Ваше Сиятельство, Ксения Александровна может рассмотреть мое предложение? — Татищев сначала было рассмеялся, но осекся, глядя на напряженную спину

соратника.

И ведь надо было прямо в тот день их обручить, и пусть бы дальше сами разбирались. Помня о неудаче с Хрущевым, решил сначала лично поговорить, а то мало ли на что способна эта женщина без царя в голове. Иноземцам козу подсунула, с Тюхтяевым вообще может учудить что-то особенно оскорбительное, а для зрелого мужского самолюбия такие вещи куда болезненнее, чем для капризных хлыщей. Смотрел он на нее после прогулки, и понимал, что выест она старому мужу душу и не поперхнет. Вон, то раскапризничалась, то привязалась. А этот вроде как влюбился на старости лет, улыбался поминутно, краснел. Граф уже строил в фантазиях прекрасную дружбу домами, когда услышал этот хлопок у ворот. И как выла тонкая фигурка в центре этого месива, не по-человечески.

Остальное вышло так, как получилось, разумно, если уж на то пошло, поэтому он все ждал, что она остынет. Все же отпускают, забывают, верно? Но только все успокаивалось, так она заглядывает в глаза и везет на Охту. Неужели Тюхтяеву не икалось? Николай Владимирович его об этом никогда не спрашивал, но единственная фотография в доме тоже кое о чем говорит.

А тут с утра приехал курьер с сообщением, что корреспондент с Большой Охты исчез. Бумаги с прошлого раза без ответа, в комнате нет его вещей, одежда перевероршена, окно разбито. Граф лично поехал в этот медвежий угол, где обошел действительно имевшийся бардак, причем дорогой портрет так же исчез, а вот на разбитом стекле застрял платочек со знакомой монограммой. Николай Владимирович покрылся испариной, но это невероятно — она только на днях рыдала на могиле.

И в глаза заглядывала так... «Я не чувствую, что он там». Да переигрывала она в этот раз, значит догадалась как-то. Но как, почему вдруг сейчас? Или это совпадение, и Тюхтяев же мог сохранить что-то из ее вещей на память.

Татищев вспомнил ее тогда в кабинете с окровавленным пресс-папье, на Ходынке, в сундуке, на Большой Морской. И червячком в голове «Мельницы Господа мелют долго, но тонко». Эта на все способна. Что же стряслось в этом убогом домике?

Сутягин прятал взгляд, а потом выдал сумасшедшую историю про каких-то ночных грабителей во главе с графиней Ксенией, которые подвергли его нечеловеческим пыткам, и выведали секрет. Судя по внешности, даже не били, так что веры докторишке нет. Любит она Тюхтяева, конечно, значит вряд ли навредит. Служанку нашли, и та призналась, что приезжала барыня, молодая, дорого одетая, злая, ругалась с жильцом, спорила. Потом возвращалась и снова ругались. Злая? Ну не кроткая, это верно, но беззлобная. Правда в глазах было что-то темное, адское, когда говорила об исчезновении Гершелевой... И увидела его во всем цвете, но все равно возвращалась даже к такому. Хотя поверить невозможно, что не испугалась и не сбежала. Или Тюхтяев сам сбежал, но куда такой пойдет? Опять в петлю? Не убила же его сердитая невеста?

К исходу весьма насыщенного общением дня граф добрался до домика с трилистниками не зная, что хочет здесь обнаружить. Ну уж точно не такое.

* * *

Остаток виски граф выпивает с нарушением всех норм приличия, из горла, и даже не кашляет.

— Я тебе Сутягина пришлю завтра. Да нет, сейчас же пришлю.

— Не стоит. — быстро отказываюсь от рискованной встречи. — Мы с ним... не очень любезно пообщались, так что пусть пока остынет. А гипс с Михаила Борисовича снимем недельки через две-три — и тогда пусть заходит.

— Может лучше было во флигеле все делать? Там же и оборудование, и микстуры ваши все...

Вот еще, я в ваши руки его больше не отдам.

По Люсиному плану через пару недель можно будет убрать самые заметные рубцы, а потом она планировала еще раз перекроить лицо по мере возможности. Но к концу первой недели лечения я уже лезла на стенку.

«Не могу лежать просто так». С этого начинался каждый мой визит.

— Лежите не просто, а с умыслом.

«?»

— Ну пофантазируйте о чем-нибудь.

«Напримѣрь?»

Подумай, например, что мы дальше делать будем, а то мне некогда. Хотя раз уже надумал — достаточно.

— А что бы Вы хотели?

«Я привыкъ уже работать за это время».

— Вам нужно отдыхать.

Люська разрешила ему вставать и вот он бродит по коридору, заходит в кабинет. Оглядывается, озадаченно смотрит на наш общий письменный прибор, ищет что-то взглядом.

«У Васъ мало газетъ».

— Да, я экономлю, и пользуюсь запасами Николая Владимировича. К моему счастью и Вашему огорчению.

Испытующий взгляд.

- «Вологодские ведомости» от 23 октября.

Усмехается.

— Вот так, даже самые изощренные замыслы спотыкаются на мелочах.

Поднимает обе руки.

— Зато можете мной гордиться — я уложилась в тридцать восемь часов от той заметки до Вашего крыльца. И это еще почти сутки дала Его Сиятельству на откровенность.

Изображает полупоклон, а этого нельзя!!!

Усаживаю на диванчик, сажусь рядом.

— Ну что я еще могу сделать?

Качает головой.

Позже слышу грохот — в уборной уронил полку и теперь психует.

— Ничего страшного, сейчас все уберут.

Не оборачиваясь уходит по коридору.

Стоит у окна, дергает плечом, когда подхожу. А так-то третий этаж, метров 12 высоты, если что.

Прихожу в его комнату — выгоняет.

— Придумай ему занятие. — выносит вердикт Люся. — а то он нам все испортит.

Пришлось самой заехать на Моховую.

— Николай Владимирович, может быть, наш общий знакомый продолжит выполнять свою работу? Можете присылать бумаги ко мне. — очень трудно не умолять о небольшой передышке.

— Что, уже допек? — рассмеялся родственник. — Теперь меня понимаешь?

И вот курьеры из МВД стали заглядывать к нам по четыре раза в неделю. Даже телефон провели на всякий случай. Мы с Люськой упивались конструкцией и манерно позировали с этим доисторическим агрегатом. Звонить, правда, особенно-то и некому. Разве что Димка теперь сможет предупреждать о визитах, когда вернется. Да. Когда все вернется.

Я запретила себе думать о Феде и о том, что теперь делать со всем этим бардаком. Трусость и инфантилизм это, но у меня душевные силы весьма ограничены по объему, так что приходится выбирать. Конечно, время от времени просыпаюсь в холодном поту после очень натуралистичных снов, но это только когда недостаточно устаю.

Тюхтяев отвлекся на бумажные головоломки, а я смогла успокоиться. Время от времени подглядывала за ним сквозь занавески или в дверную щель. За год он натренировался писать левой рукой и теперь активно плодил схемы, графики, чертежи, записки. Работой отгораживался от меня, это было обидно, но лучше так, чем холмиком на Большой Охте.

* * *

Вторая операция уже не казалась настолько страшной и сногсшибательных эффектов не дала — Люся долго и нудно собирала ребра, а потом не менее нудно и долго штопала лицо.

Вообще, сам пациент мало внимания уделял медицинским планам, больше рассматривая приемы, которые использовала Люся при уходе и обследовании. Складывалось ощущение, что он доверил нам свое тело для игр, махнул рукой и теперь только поглядывал на получившийся результат.

В конце ноября разыгралась метель. Люся предупредила, что Тюхтяеву это дастся тяжело, но одно дело слышать, а вот переживать... Ночью я услышала шарканье по кабинету. Накинула пеньюар и как была босиком бросилась вниз.

Чуть сгорбленная фигура изучала пейзаж за окном. Издалека его можно принять за Квазимодо, причем сходство лица хотя и начало теряться, но чем дальше, тем больше наша история приобрела нехорошую общность с известной книгой. И пусть я не тяну на Эсмеральду (не надо только опять про козу), скоро приедет наш Феб, и кому-то предстоит несколько неприятных сложных разговоров. Но я вновь малодушно отложила переживания на потом, продолжая растягивать восторг от созерцания живого Тюхтяева прямо сейчас.

— Больно, Михаил Борисович?

Отрицательный жест.

Подхожу ближе — отстраняется. Но куда же отстранишься в одном-то доме. Я прижалась лицом к широкой спине.

— Кссс. — закашлялся.

Пока бегала за водой, капала туда опий, поняла, что согласна и на кошачью кличку отзываться. Лишь бы звал.

Вместе прогуливаемся до его спальни, наблюдаю как он укладывается на кровати — Люська требовала сна только на спине, осторожно массирую голову. Вряд ли боль уходит, но он постепенно успокаивается и засыпает. Я немного постояла, прежде чем уйти. В конце концов, это мой собственный дом. Вытянулась вдоль правого бока тонкой стрункой — благо за этот год мы оба похудели, да и в доме на Васильевском острове та кровать точно поуже была. Зато можно трогать его, когда приснится, что это все только иллюзия. В другие ночи приходилось бегать по этажам и проверять. И пропитываться запахом его тела. И ощущать рядом тепло родного человека. Да мало ли плюсов у совместного сна?!

Проснулась от ощущения, что меня рассматривают. Расплылась в улыбке от уха до уха.
— Доброе утро.

Без эмоций поправляет упавшую на лоб прядку. Ничего, я и за двоих поулыбаюсь.

Убедившись, что я полностью пробудилась, достает из-за подушки доску, на которой более аккуратно чем обычно, округлым почерком выведено: «Не стоит оставаться со мной из жалости». Когда меня Лазорка раз копытом в грудь приложила, воздух выбился так же. Скатываюсь с постели и с сожалением осматриваю его. Ни одного живого места.

— Вы, Михаил Борисович, даже не представляете, сколько труда и времени мы с Люсей вложили в Ваше тело. Именно поэтому бить Вас жалко. Но Вы должны запомнить, что придет день, Вы поправитесь и тогда я вернусь к этому разговору. А ребра что, и еще раз заштопаем.

Потянулись дни с подчеркнуто-официальным общением. Да, я меняла повязки вместе с Люсей, но чаще оставляла их наедине. Мы вместе ели в тишине. Сестра обычно клевала что-то одна, да и вообще упивалась самостоятельностью, порой ночуя в маминой квартире. Визиты Фрола делали ужины менее тягостными, но купцу самому было неуютно в такой напряженной обстановке, и вот уже на этой неделе он сообщил, что не сможет прийти. Когда Тюхтяев начал произносить первые слова — хриплые, словно поломанный патефон, то оба быстро погасили искренний восторг и продолжили в прежнем градусе.

— Что у вас тут случилось? — шипела Люська. — На нем все хуже заживать стало. Раньше как на собаке, а теперь некоторые швы перепаривать буду.

Я только голову опускаю.

* * *

— Михаил Борисович, может расскажете, что нового в мире творится? — роняю за завтраком.

Раньше у нас так каждый обед проходил — он рассказывал о новых делах в департаменте, а я комментировала.

— Ничего особенного, Ксения Александровна. — голос уже намного сильнее стал и почти похож на прежнего статского советника.

— Ну хоть о чем-то мы можем разговаривать?

— Конечно. — он даже улыбнулся. — Например, я давно интересуюсь, кто эта вторая барышня, госпожа Шестакова, и когда вы с ней так близко познакомились.

— Люся — моя младшая сестра.

Он привычно поднял брови домиком и теперь это удалось даже на правой половине лица. Против воли я улыбнулась.

— Но Вы же круглая сирота? Ваши родители были женаты единственным браком и даже умерших детей не имели. — то есть справочки-то наводил всерьез.

— Пока Вы... В общем, пока мы с Вами не виделись, я нашла маму и сестру. Они издалека приехали. — вот и узнаем, насколько хорошо я подготовила документы.

Он чуть постучал пальцами о стол, явно сделав в уме пометочку.

— И Ваша сестра тоже хорошо разбирается в медицине? Видимо, ее тоже обучал Ваш батюшка, человек недюжинных талантов, как я погляжу.

— Мама рассталась с моим отцом вскоре после моего рождения. — вот хоть на кресте в этом поклянусь. — Люсин отец служил в полиции, не очень давно скончался. А Люся сама серьезно занялась медициной и все, что я знаю и умею — это благодаря ей.

— Насколько я помню, господин Шестаков служил в гвардии года три после учебы, а впоследствии не проявил особых привязанностей ни к чему, кроме карточной игры.

Вот как надо домашнее задание делать, Ксюша. Учись у профессионала.

— За господина Шестакова мама вышла замуж только летом. Он успел дать свое имя Люсе, и вот такое несчастье...

— Да, ей очень не повезло в брачной жизни, осмелюсь заметить.

— Видимо, это у нас наследственное. — судя по его поведению в эти недели, ушивать свадебное платье пока не стоит.

Он продолжал смотреть на меня. Ну дернулась жилка на шее пару раз, так мы оба сделали вид, что это случайность.

— И как же семья Шестаковых нашла Вас?

— Михаил Борисович, как только Вы снова сможете пить спиртное, мы обязательно это обсудим. Это длинная запутанная история, и на трезвую голову не ложится, поверьте. — цензурная версия фразы «Я еще не придумала, что тебе соврать, чтобы не попадаться».

— Ксения Александровна, мне все же очень интересно, откуда у двух юных барышень такие уникальные познания, которых больше нет ни у одного ученого во всей Империи? Господин Сутягин, уж насколько образованный человек, эрудит, знаком со всеми современными открытиями, так и не смог понять, что вы тут со мной сделали.

Да, визит доктора надолго запомнился. Мы с Люськой поминутно одергивали его руки от слишком сильного давления на зарастающие операционные раны, а насчет пластики лица тот до сих пор поверить не может. Когда похвастались снимками грудной клетки из серии «до» и «после», вообще ушел в себя надолго. Похоже, готов простить мне тот ночной разговор за секретные технологии.

— Михаил Борисович, Вы еще любите меня? — этот вопрос мне важен по многим причинам, но и для дальнейшей беседы имеет определяющее значение: только что я пришла к знаменательному решению рассказать Тюттяеву всю правду, ведь все равно же докопается, раз вцепился.

— Да. — Быстро, но твердо ответил он. — Но как это связано?

— И верите, что я с Вами искренна?

— Я в Вас верю, Ксения Александровна. — уставился на меня янтарно-коричневый глаз. — Вы крайне редко обманывали меня, порой лукавили, но прямой лжи не допускали. Вот сейчас что-то недоговариваете, но не лжете.

В общем, сражаться с ним просто бессмысленно, до уровня мегамозга мы не дорастем.

Да и в самом крайнем случае, не сдаст же он нас. И как: покойник рассказывает министру внутренних дел о пришельцах из будущего.

— Вы очень близко подошли к ответу на свою загадку, так что я просто честно отвечу на все Ваши вопросы. — я вдруг расслабилась, словно погрузившись в бассейн с чуть теплой водой.

— Вы шпионка? — опасно спросил он.

Да что же тут за мания у всех?

— А Вам попадалось много шпионов с таким образованием, знанием всего одного иностранного языка и настолько бестолковых в прочих областях жизни? — уточнила я. — Нет же.

Ну давай, милый мой, осталось немного. Если догадаешься сам, то и спорить не придется.

* * *

— Девчонки, мы дома! — весь дом заполнил этот хриплый узнаваемый голос. — И мы голодные!

* * *

Сколько времени требуется двум молодым тренированным мужчинам на путь к еде в два пролета лестницы? Немного, но все это время я не дышала.

И вот двери распахиваются, открывая заросшего щетиной сияющего Хакаса и немного утомленного Фохта. Тому хватает десяти секунд чтобы опознать моего сотрапезника, протереть глаза, спастись с лица, резко развернуться и вихрем вылететь из дома.

— Твою ж дивизию! — из ладони сыпаются осколки чашки.

— Федь, ты что? — с недоумением оборачивается Хакас. А я бегу за Фохтом, но где мне догнать того, кого Дима Хакас три недели тренировал?

Демьян с осуждением закрывает едва не снесенную с петель дверь. Наверху выскочившая из своего крыла на шум Люська с деликатностью ядерной бомбы вспомнила об этикете.

— Познакомьтесь, это Дмитрий Хакасидис, наш гость. А это Михаил Борисович Тюхтяев, Ксюшин... Я не поняла, Вы ей сейчас кто?

— Устя! Завтрак для Дмитрия Сергеевича и Людмилы Михайловны. А мне чай в кабинет. — рявкнула я и вошла в столовую. Чмокнула Хакаса в щеку. — С приездом, Дим.

Схватила Тюхтяева за здоровую руку и поволокла было в свою пещеру, но сегодня на Люськиной улице явно перевернулся грузовик с пряниками: незамеченная мной во время пробежки в столовую вошла мама.

— Мама! Смотри, это Ксюшин покойный жених! Тот, которого она зимой похоронила! — и с удовлетворением оглядела руины моей личной жизни.

* * *

Правда же, хуже некуда? И вместо того, чтобы дубовый пол разверзся, навеки поглотив этот позор или еще какой подарок мироздания отвлек всех от моей персоны, Михаил Борисович мягко высвободился, подошел к маме, церемонно представился, поцеловал руку, посочувствовал ее утрате, обменялся рукопожатием с Хакасом, поинтересовался акклиматизацией после Греции и подойдя ко мне, предложил локоть.

— Прощу нас извинить. — с легкой улыбкой в голосе произнес он уже на лестнице. На подкашивающихся ногах я шла на самый трудный разговор.

* * *

Устя не поднимая глаз накрыла нам чай и скрылась. Только по багровым ушкам понятно, что прислуга в курсе всех подробностей интриги и сейчас с попкорном наблюдает за этим — водевилем из первого ряда. Но смешной эту историю можно называть ровно до той секунды, когда сама в ней не солируешь. Да и близкие, как оказалось, всегда рады докинуть полено-другое в костер моего ада.

* * *

Дрожащими руками я разливала чай, преимущественно мимо стола. Тюхтяев вздохнул, отобрал чайник и одной левой аккуратно наполнил чашки. Оценивающе посмотрел на меня, прохромал к глобусу, обнаружил неприятную пустоту, извлек из кармана фляжку (и когда только успеваешь все?), щедро плеснул в мою чашку и проследил, чтобы я выпила.

— Поговорим?

Я только кивнула.

— С чего начать? — все-таки спокойнее, когда он начинает руководить.

— Наверное, с самого начала будет лучше всего. — он поудобнее устроился в кресле и слегка снисходительно и тревожно уставился на меня.

«Вначале было слово, и это слово было «Бог». Вот могу и так начать, откровенно говоря, только мне отчего-то не смешно. Я так хочу рассказать тебе все, но чтобы ты понял. И принял меня такой. Но ты меня даже с придуманной биографией расхотел, что уж себя обманывать. Просто отгородился и от меня, и от нашего прошлого. Любишь по привычке, но идешь дальше один.

А что, может правда и встряхнет все?

— Пятнадцатого февраля две тысячи пятнадцатого года мне понадобилось встретиться с владельцем крупной компании со странными вкусами в одежде... — начала я долгий рассказ.

Да, брови уехали дальше, чем когда-либо, но раз сам просил, то слушай.

Тюхтяев не перебивал, делал пометки на очередном листе, и лишь изредка задавал наводящие вопросы.

— ...Вернувшись, я поняла, что прошло несколько больше времени. Ну и обратная калитка больше не действует. А остальное Вы знаете.

— Да. — поднял глаза от записей. — А вернулись-то зачем?

То есть все остальное тебе в порядке вещей, а повод для возвращения вдруг

заинтересовал. Никогда мне не понять этого человека.

— Затосковала там. — так ведь оно и было. Места себе не находила. — У меня здесь жизнь, я уже проросла в это время.

Странное движение губами. Наверное, теперь это усмешка такая будет.

— И родственницы Ваши...

— Папа Сережа, то есть отец Люси, погиб, с Люсей случилось несчастье, и мама приняла решение переехать сюда. — Нормально, что уж говорить, у нас вся семейка шастает через столетие туда и обратно на твою голову. И слава Богу, что это произошло именно сейчас.

— А господин Хакасидис... тоже? — он уже боится, что тут перевалочный пункт путешественников во времени. Но смысла скрывать что-то уже нет.

— Тоже. Только он вообще не виноват, с ним случился несчастный случай и он это время не выбирал. — бедняга, на нашем фоне он выглядит жертвой обстоятельств.

— Вы с ним давно знакомы? — пометочек становится все больше и больше.

Да что ты о Хакасе-то?

— Там я о нем слышала только — он известный командир в ополчении одной из сопредельных наших стран. Был. А здесь за ним пришлось в Грецию ехать.

— Да, насчет Греции. — он протянул руку и я судорожно вцепилась в нее. — Пообещайте больше не совершать таких самоубийственных поступков.

— Знаете, Вы — единственный, кто мог бы меня тогда остановить.

Долгий тяжелый взгляд.

— Я поздно узнал. И не успел что-то предпринять...

27 Апреля 1897

Граф встал посреди комнаты с отвращением оглядывая скудную остановку и мутный свет, проникающий через плотные шторы.

— Вот объясни, что тебе на Моховой-то не сиделось? Никто лишний тебя не видел. Да и с делами проще бы было.

Тюхтяев молча подал толстую папку. Теперь он сконцентрировался на анализе информации и получалось это у него получше завсегдатаев Фонтанки, 57.

— Спасибо, дорогой.

Граф прошелся по комнате.

— У тебя ум цепкий, скажи, что думаешь про Грецию?

Тюхтяев искреннее изумился — его интересы традиционно вращались внутри границ Империи.

«Война».

— Сам знаю. На кого надежды возлагаешь?

«Турки».

— И надолго это все?

«Вряд ли. Турки сильнее».

— Читал, что Его Величество туда госпиталь отправляет?

Тюхтяев кивнул, продолжая удивляться необычному направлению разговора.

— Родственница моя туда уехала. С госпиталем. — чуть исподлобья посмотрел визитер.

До Тюхтяева информация дошла не сразу, но оказалась помощнее удара лошадиным копытом. Грифель с хрустом распался на три части.

«Как?»

— Ну нас с тобой она спрашивать не стала. — огрызнулся граф. — Хотя что это я — к тебе она съездила попрощаться. На Тихвинскую дорожку. И еще в письме попросила подхоронить ее туда, если вдруг поездка неудачно пройдет.

«Верните ее» — и не поймешь, просит или требует.

— Как? Я все надеюсь, что она у Джунковского осталась, там поспокойнее.

И почти два долгих месяца беспокойных ночей и замиранья сердца перед каждым визитом посторонних. А когда госпитали вернулись и об этом много писали, графиня Татищева стала звездой прессы на пару дней. Эти газеты он начальнику не вернул.

Иногда снилась, конечно. То бывали очень хорошие ночи и очень правдоподобные сны, которые хотелось хранить в памяти, словно самые ценные дары. И ночное вторжение с робким «Это я, Ксения» — самое удивительное и ужасное событие с тех пор, как взрыв разделил жизнь на до и после — сначала показалось просто продолжением сновидения. Донельзя сердитого и цепкого.

Декабрь 1897

— В любом случае это был очень полезный опыт. Лечит от наивности и восторженности. — резюмировала я свои критские приключения.

Кивнул.

— И много здесь еще таких странников, как вы? — это уже с подглядыванием в листок. Значит, тоже немного волнуется.

Ну, тут я могу сдать все свои подозрения, которые доселе никого больше не обеспокоили.

— Всех моих знакомых Вы только что видели. Полагаю, что у французов кто-то точно есть — они подводную лодку сделали по образцам Второй Мировой войны. Возможно, и у немцев взрыв на заводе, после которого мы с графом продали противогазы, тоже произошел неспроста. А так мало ли людей по психиатрическим лечебницам всякое рассказывают.

— Резонно — и целая россыпь значков и схем на пару листов. — И Ваше родное время это наше будущее?

Вот насчет этого я голову ломала еще в пятнадцатом году, мучаясь от бессонницы, и даже собственную теорию вывела.

— Не совсем. Думаю, это один из вариантов. Но многое уже точно пошло не так: война в Греции закончилась на других условиях, Ходынка унесла вполовину меньше людей. Даже в мелочах — Их Сиятельство в нашем прошлом не занимал пост московского губернатора, Петенька погиб на дуэли холостым и на пару месяцев позже, Фрол Матвеевич вообще ужасным образом умер еще в девяносто третьем. Простите, о Вас я не узнавала, потому что мы не были знакомы. Хотя кое-какие события здесь происходят как по графику — например смерти известных лиц.

— Мы должны поработать в этом направлении. Возможно еще какие беды предупредим... — он покачал головой. — А какое оно, наше будущее?

Тебе в одном предложении? Так оно выйдет лаконичным и совершенно нецензурным.

Прямо-таки в одно шестибуквенное слово можно уложиться. Или месяцами рассказывать обо всем, что помню из курса истории.

— Да так себе, честно говоря, особенно для этого поколения. — и я начала самое сложное. — Насчет Федора Андреевича Фохта...

— Не стоит, я все понял. — отчеканил он, не поднимая головы от листка.

Ну надо же! Ревнуешь. Подумать только, бросил меня на целый год, позволил поверить в свою смерть, а теперь ревновать начал. Ну так я тебя удивлю еще больше.

— Вряд ли. — вдохнуть, выдохнуть и максимально нейтрально продолжить. — Когда мне удалось вернуться в свое время, он провалился вместе со мной. И может подтвердить все, о чем я рассказываю.

— А я-то ума не мог приложить, за что он на меня волком смотрит. — усмехнулся статский советник. — Любите его?

Да тебя я люблю, старый осёл.

— Не знаю. После Вас я не хотела ни к кому привязываться слишком сильно, раз это оказывается настолько больно. — сейчас я настолько опустошена, что не знаю уже, что и к кому чувствую.

Он чуть откинулся на спинку кресла, так мне стало понятно, что и ему этот разговор дался немалой кровью.

— Думаю, лучше начать с того, что я освобождаю Вас от данного обещания. — произнес нарочито нейтрально. Так о погоде говорят в далекой местности или о литературе минувших эпох. Я не сразу поняла, что же означают эти звуки.

— Михаил Борисович, я до сих пор не очень хорошо ориентируюсь в нюансах местного этикета. — это же как ледяной водой облить. Скажи, что я не так все поняла.

— Обязательно расскажите потом, как у вас там все устроено. Складывается ощущение, что кроме меня, все побывали в двадцать первом столетии. — улыбнулся он. — Я не сегодня пришел к этому выводу, не переживайте Вы об этой сцене. Вы разрываетесь между эмоциями и долгом, страдаете. Я такого не хочу. Поэтому должен поступить как любой порядочный человек и предоставить Вам свободу. Когда я... умер, Вы смогли жить дальше и это правильно. Но сейчас Вам приходится выбирать между прошлым и будущим. Не нужно себя хоронить...

То есть теперь ты еще и благородство поиграть решил? Сначала трусливо спрятался от меня, а теперь, когда раскрыла тою тайну, вывернулся по-другому?!

— И как Вы можете меня бросить после всего, что между нами было? Мы же... Я же в январе Вам кольцо отнесла. — да, у нас еще не отменена свадьба, так то.

— Это?

Долго возится с шатленом и наконец достает золотой ободок.

Есть ли вообще границы у этого безумия?

— Да, я порой гуляю там. Интересные, скажу, ощущения.

Маньяк. Поселился у кладбища и гуляет на собственной могиле. Нормальных мужиков не осталось вовсе. Ощущения у него, видите ли, интересные... Надо было свой крест рядом поставить, а не вытаскивать его — и посмотреть, что будет.

— А в том месте, где у Вас раньше совесть была, тоже теперь интересные ощущения? — выпалила я перед тем, как убежать к себе.

Позвала Демьяна и велела ни под каким предлогом не выпускать Тюхтяева из дома. Тот кивнул, скорбно следя за тем, как слезы заливают пышную юбку.

Минут через двадцать пришла мама и я рыдала на ее коленях. Была безутешна, и такой же и ушла в сон.

* * *

— Ну хочешь, я ему морду набью? — щедро предложил Хакас поздним вечером, когда я с распухшим от слез лицом выползла наружу. Влюбленные тихо сплетничали в музыкальной комнате — благо информационный повод на зависть любой желтой прессе моего времени.

— Не смей, — взвилась задремавшая было на его коленях Люська. — Я этот нос из ничего слепила в доисторических условиях, а после тебя точно не восстановлю.

— Да шучу я, за что его? — он потрепал ее по макушке. — Ксюх, ну ты сама рассуди, он тебе все правильно сказал. Я его в чем-то даже понимаю и уважаю. Он тебе жизнь портит не хочет. Федька, конечно, психанул зря, но нормальный мужик, остынет.

— Наверное. — поправила Люся. — Да, сестренка, вот сейчас ты не в чем не виновата, а перед всеми крайняя.

Из комнаты нашего гостя не раздавалось ни звука. Устя лаконично сообщила что жив, от ужина отказался. Собрал вещи и пытался уехать, но был задержан и отведен обратно.

* * *

Когда все убедились, что я успокоилась и расползлись по комнатам, я босиком, тихо-тихо отправилась туда, где до сих пор не погасла свеча. Поцарапалась в дверь, с грустью вспомнив того, кто однажды так же пробирался ко мне в костромской усадьбе.

— Ксения Александровна, у Вас же нет кошки. — усмехнулись за дверью.

— Могу я войти? — хрипло прошептала я.

— А Вы умеете спрашивать? — он открыл дверь и пропустил меня внутрь, отводя взгляд от лица.

Я осмотрелась и заняла кресло, в котором до этого столько часов следила за его самочувствием. А ведь он еще тогда задумал бросить меня.

— Вы почему не спите? — я рассматривала тени под глазами. Конечно, синяки от операций тоже имеют место, но вряд ли он упивается тупиком, в котором мы все сейчас оказались.

— Могу спросить Вас о том же. — мягко парировал мой пленник.

— Я-то отоспалась, а Вы к побегу готовились.

Угу, саквояж собран и особых признаков жизни нет. На столе письмо, и адресата, по моему, я регулярно в зеркале вижу.

— Полагаю, что мое дальнейшее пребывание здесь неуместно.

Вон оно как!

— И куда же Вы собрались? В этот кладбищенский предбанник? Вас еще резать и резать, нужен присмотр, лекарства, чистота, тепло. — я всхлипнула. — Почему Вы так со мной?

Он опустил взгляд.

— Вам больно.

— Да! — взвилась я и почувствовала палец на губах.

— Все спят, не нужно их беспокоить.

Он присел напротив.

— Не переживайте обо мне. Теперь у Вас есть семья, зачем Вам старый больной покойник?

— Не больной, просто еще не долеченный. — всхлипнула я. — И вовсе не старый.

— Ксения, в каком году Вы родились? — это он вообще зачем?

— В тысяча девятьсот восемьдесят восьмом. — а ведь едва не назвала восемьсот семьдесят второй по привычке.

— Сто тридцать девять лет разницы? — шепотом воскликнул он. — А я-то переживал насчет двадцати трех.

Рассмеялся, и вскоре к этому присоединилась я. Почти как раньше, только отдает безнадегой.

— Пообещайте, что не уйдете пока мы Вас лечим. — я многое могу выдержать, Господи, но не отнимай все сразу.

Молчит.

— Я могу снова попросить. — ведь сработало же шесть недель назад.

Опять молчит.

И даже когда я стою перед ним совершенного голая, все равно молчит.

— А может Вы бросите меня с завтрашнего дня?

* * *

Утренний завтрак проходил в волшебной обстановке: я была удивительно безмятежна и довольна жизнью — за ночь глаза вернулись к обычному состоянию и лицо более не напоминало подушку, Тюхтяев непроницаемо поглощал омлет, прочая родня переглядывалась, но берегла хрупкий мир.

— Как съездили? — поинтересовалась я у мамы и Хакаса.

— Там, конечно, работы полно, дом заброшен, но природа хорошая. — защебетала мама, радостная от перемены темы.

— А какая там охота! — с восторгом подхватил Дмитрий. — Я столько зайцев ни разу вместе не видел.

* * *

После завтрака Люся бочком-бочком протиснулась в кабинет.

— Ну что у вас? — ой, а глаза-то как горят.

— Все хорошо. Дружить будем. Долго и счастливо. — я досчитала баланс доходов и расходов и поняла, что тысяч двадцать-тридцать на ремонт усадьбы выделить смогу сразу, а остальное по весне. — Посмотри, что следующее резать станем.

— Нет, он что тебе сказал? — Люся не удовлетворилась коммюнике.

— Что дает мне абсолютную свободу самовыражения.

А уж как я ею воспользуюсь, оговорить не успел.

— Раз полную свободу дал во всем, к Феде поедешь? — не унималась сестрица.

— Нет, повременю. В прошлый раз его ревность чуть не вылилась в мою полную сексуальную инвалидность. Что-то пока повторять не хочется. — да и вообще неясно с каким лицом и с какими речами я могу к нему обращаться теперь.

Люська с сожалением отстала. А я действительно не знала, что теперь со всем этим делать. И что говорить Федору, да и зачем? Что я их обоих люблю, но каждого по-своему? Да и толку-то от разговоров: с одним поговорила — бросил, с другим не разговаривала — тот же результат, только без неприятного сотрясения воздуха.

* * *

Ночью я ушла в разнос, конечно. Обнаженной всю акробатику исполнять проще, поэтому подобралась ближе, оперлась ладонями на его колени.

— А вот теперь честно скажите, что хотите, чтобы я ушла.

Все-таки год без секса — плохой советчик в разумных начинаниях. Поэтому я беспрепятственно расстегнула его сюртук, стянула жилет — вот даже в таком состоянии человек следит за приличиями в одежде. Куда мне до него! По пуговке освобождала тело от рубашки. Такое непонятное выражение лица. С нервами получилось не все, так что мимика местами отсутствует, но сейчас этого не скажешь.

— Вы хотите этого... так? — напряженно спросил он.

— Нет, вот так. — впервые за все это время поцеловала его в губы, слегка непослушные, но как прежде страстные. И убедилась, что самообладание мужчины склонны переоценивать.

Я оседлала его колени и почувствовала, как правая рука обнимает мою талию, а левая зарывается в волосы. Обнаженные тела касались друг друга прямо по свежим шрамам, да и я сама дышала шумнее, чем он в нашу первую встречу, губы прижаты друг к другу так плотно, что даже Апокалипсис не разделит нас, с этой секунды мы единое целое... Мы рухнули на кровать, причем я даже не поняла, как оказалась зажатой между стеной и его телом. Не самая стратегически выгодная позиция. Он оторвался от моего рта и уткнулся в шею, замер.

— Я очень скучаю. — прошептала ему на ухо.

— Я тоже. — ответили мне после очень долгой паузы. — Но не стоит усложнять все еще больше.

Вот за силу воли я его уважаю, а за решение задушить готова. Но мне и не обещали, что будет легко.

— Вы останетесь? — хотя бы в чем-то я должна сегодня победить.

— Если это не будет Вас обременять.

Потерлась виском о его отрастающую щетину. Иногда мне кажется, что раньше никого не любила. То есть влюблялась, увлекалась, конечно, порой бушевали всякие страсти, но такого чувства, когда ты вся — часть другого человека, а он — тебя, при этом можно жить врозь, но только вместе ты чувствуешь эту жизнь полной — вот такого не было ни разу. Ни в одном измерении. Даже с Петей я была счастлива, но как-то односторонне, лишь потребляя все, что он мне давал.

— Не обременит. Я очень рада, что Вы здесь живете. Может быть и остальные вещи перевезем?

— Возможно. Все равно тот адрес провален теперь.

— Это верно. — захотела рассказать о цветке в окне, но слишком много объяснений для трех часов ночи. — Бумаги Ваши в подвале лежат. Когда понадобятся — спросите у Демьяна.

Он чуть замирает, потом выдыхает и, кажется, машет рукой. Я совершенно безнадежна.

— Вы успокоились?

Ну не этим бы словом я все назвала. Поэтому осторожно перекатилась через его тело и спиной прижалась к груди.

— Почему мы не можем жить как раньше?

— Потому что все изменилось. И я, и Вы. Я больше не могу дать Вам того, что moi раньше. — он проводит пальцем по плечу.

Да мне от тебя только ты сам нужен.

— Вы полагаете, что я собиралась за Вас замуж по расчету? — изумилась я.

— Очень в этом сомневаюсь. — рассудительно отозвался мужчина рядом. — Более того, Ваши мотивы мне до сих пор непонятны. Но сейчас это не имеет значения. Муж должен быть в состоянии заботиться о своей жене и защищать ее. Я себя к таковым более не отношу, поэтому не имею права подвергать Вас лишним расстройством.

Господи, куда ты дел мужчин с такими взглядами в двадцать первом веке?

— А как Вы тогда видите наши отношения дальше?

И попробуй только расстроить меня сейчас.

— Этот вопрос крайне сложно обсуждать в постели. Но буду рад, если Вы окажете честь называть Вас своим другом. Безотносительно того, что произойдет дальше, я всегда буду относиться к Вам совершенно особо.

Давай останемся просто друзьями. Значит и раньше оно было.

— Хорошо. — я села на краешек кровати. — Значит, Вы отправляете меня на все четыре стороны, и при этом обещаете дружбу и привязанность.

— Я бы выбрал иную формулировку, но смысл такой, верно. — он неловко уселся рядом. В сумерках шрамы почти не видны, так что разговор наш мало чем отличается от того, который мог бы произойти год назад.

— А взамен соглашаетесь продолжать лечение.

— Но... — об этом речи не было, да отказываться сейчас не решишься.

— И жить здесь. — добила я.

Он только вздохнул и махнул рукой.

— А я все никак не мог понять, каким образом господин Калачев оказался в Вашей власти.

— Ну нет! — возмутилась я. — Фрол Матвеевич и я никогда...

— Я знаю. — улыбнулся он. — Но уговорить настолько законопослушного человека нападать на спящего доктора и похищать государственного служащего — не самое простое дело.

Да, звучит все как-то не очень.

Я подобрала с пола неглиже, оделась, завязала бант на груди. Пол охладил босые ноги, горячка соблазнения схлынула.

— Извините за беспокойство. — как ему теперь в глаза-то смотреть?

— Не надо, прошу.

Правильно, вот теперь твоя очередь вытирать мне слезы и утешать. И пусть именно эти

слезы — крокодиловы, для тебя они всерьез. И поцелуи твои — тоже всерьез. Что же, свободу ты мне дал для отношений с любым мужчиной, а выбор я уже сделала.

* * *

Ближе к обеду нас навестил Их Сиятельство лично. Что-то там у них с Тюхтяевым образовалось срочно-бумажное. Первый раз за все время я видела их общение, и становилось понятным, что все мои игры во взрослого стратега на фоне этих двоих — ясельная группа детского сада. Теперь у них получалось разговаривать, иногда на повышенных тонах.

Графа я выслеживала в салоне, зная, что мимо не пройдет.

— Ксения, ты сотворила чудо. — обнял и закружил меня. — Он почти прежним стал.

Расцеловал и опустил на пол.

— Ожил, говорит, дышит хорошо. Как?

— Долго и мучительно, Николай Владимирович. — вот прямо сейчас пожаловаться или подождать?

— Я не буду пытаться, но это же революционное открытие. Сколько людей можно спасти!

— Да. Мне бы доктора пристроить в наш медуниверситет.

— Зачем? Там профессора такого не умеют.

— Зато у доктора диплома нет. А надо, чтобы был. Экзамены же многие можно экстерном сдавать?

— Ну такому-то кудеснику все можно. Приведи мне его, я еще насчет глаза хотел проконсультироваться.

— А что с глазом? — я пристально вгляделась в зрачки родича. Вроде бы все чисто.

— Так, когда вас взорвали, Сутягин не смог спасти зрение, но глаз удалять не стал.

— Вот черт! — Не в то место я тогда доктора колола. — Люся!!!!

Сестрица выкатилась из коридора на ходу застегивая корсаж. Правильно, Хакас дома, чего стесняться.

— Ваше Сиятельство, Людмила Михайловна любезно согласилась и дальше продолжать лечение нашего общего друга.

Наследник несчетных поколений российской аристократии приоткрыл рот.

— Она?

— Она. Тоже, знаете ли, имеет способности к самообразованию.

Люся наступила на горло собственной песне и продержалась молча с улыбкой до ухода господина Татищева.

— Милая, у меня есть две неоднозначные новости для тебя. — провозгласила я, когда дверь закрылась за все еще очумевшим графом.

— Что еще? Я, так-то обошлась бы и без этого сноба.

— Этот сноб — наше все. И имя, и благосостояние, и некоторые гарантии неприкосновенности. Так вот, я с ним поговорила насчет твоей учебы. Не факт, что сразу, но поступим тебя в университет учиться, получишь нормальный местный диплом и откроешь собственную клинику.

— Семь лет еще? — с нескрываемым омерзением переспросила сестра.

— Нет, давай везде размахивать дипломом две тысячи четырнадцатого. Тут фантастику

пока не любят. — я обняла ее за плечи, как когда-то Фрола.

— Ну тогда спасибо, что ли. — буркнула Люся.

Все-таки именно в последние недели она почувствовала себя снова врачом, волшебницей. Я вечно буду признательна Диме, за то, что он разбудил ее от апатии, но слишком рискованно привязывать все существование только к одному человеку. Авторитетно могу заявить. Дело же ее вытянет при любой ситуации.

— А второе что?

Я кратко изложила и дальше выслушивала многоэтажный мат в адрес всех задействованных лиц.

В библиотеку она заходила, хищно глядя на жертву. Бедняга Тюхтяев, он даже не сразу понял, чем это чревато.

— Михаил Борисович, дорогой, у Вас голова болит?

— Бывает.

— А вот здесь? — нажала на несколько точек, от чего мой бывший жених посерел.

— Странно, я не рассмотрела этого на снимке. — пробормотала она и резко выбежала к себе.

По-моему, у Хакаса откладывается романтика.

Я нашла сестру стоящей на подоконнике гостиной с приложенными к окну снимками.

— И ведь была уверена, что это дефект пленки или осколок кости... — мычала она, рассматривая очередное мутное пятно на карточке. — Ну и ладушки, скальпели все равно одинаковые. — она наклонила голову и громко крикнула. — МихалБорисыч, не ужинайте сегодня!

* * *

В этот раз дело не очень заладилось с самого начала. Под веком обнаружилась капсула с гноем. Я перепугалась, что это и был сам глаз, но Люська постепенно докопалась до чуть деформированного глазного яблока, обнажила тонкую щепку, уже практически сросшуюся с мягкими тканями.

— Что делать-то? — прошептала я. Сегодня я выполняла роль хорошего собеседника и начинающего анестезиолога.

— Рисковать и молиться.

Медленно-медленно извлекала эту самую щепку, формировала веко, и постоянно все поминала Сутягина.

Теперь режим дня Тюхтяева резко изменился — как и всем офтальмологическим больным ему ограничили нагрузки, запретили работу и заперли в четырех стенах. Продержался сутки.

— Ксения Александровна! Что Вы на этот раз сделали?

Поскольку ход операции мы обсуждали вдвоем, то повязка на глазу стала для него неожиданностью.

— Возвращаем Вам симметрию.

— Я очень благодарен, но читать-то почему нельзя?

В конце концов сошлись на часе в день, когда он читает и паре часов, когда читают ему, а он только конспектирует. Вот когда я возненавидела печатное слово. Мама хихикала,

вспоминая, как читала мне в детстве, а я требовала еще и еще. Но опять же, теперь мы контактировали дольше обычного.

* * *

— Михаил Борисович! — окликнула я, когда время, отведенное на чтение и работу, закончилось, а сил идти уже не было.

— Да? — он тоже отдыхал в своем кресле.

— Не обижайтесь, но Вы как-то слишком спокойно восприняли факт нашего происхождения. Мы с того дня ни разу об этом не говорили...

— Ксения Александровна, логика учит нас отсекать неправильные объяснения. А Ваша история идеально объясняет многие вопросы. — он улыбнулся. — Вы все очень стараетесь, ну не всегда, конечно, но стараетесь быть похожими на местных, но, если присмотреться, это заметно. Поверхностный взгляд чаще спишет все шероховатости на провинциальность или долгое пребывание за границей, но знания, волю, гибкость ума и кругозор этим не объяснишь.

— Вы сохраните наш секрет? — конечно, кровью клясться не надо, но мне важна предсказуемость.

— А кому я могу такое рассказать? Обсудить мы могли бы только с господином Фохтом, но вряд ли он станет моим приятелем. — усмехнулся наш пациент.

Да, нечего вам с ним обсуждать.

— Понимаю, мне в первые годы тут тоже непросто было. Хотя я знала историю, а вот Вы не очень интересуетесь будущим. — и это меня разъедало: я бы очень хотела узнать о перспективах своей страны, а этот как воды в рот набрал.

— Вы все говорите на русском, пусть и немного непривычно, называете себя россиянами, значит держава в порядке. Все мои современники умерли, а Ваших я не знаю. Вам сложно будет пересказать мне сразу сто лет. А если бы намечалось что-то серьезное, Вы бы уже все уши прожужжали, как тогда с Ходынккой.

У него же в сосудах кровь течет, теплая, я точно знаю, а рассуждает по-рыбьи.

— Так я могу кратенько двадцать ближайших описать, а после них остальное уже легче пойдет.

— Хорошо. — он откинулся на подушки и прикрыл глаза.

— 1904 — война с Японией, которую мы бездарно проиграем, потеряв весь флот и десятки тысяч солдат. В 1905 — революция. Погибнет несколько тысяч человек, и это еще власть не сменится, а так, год попетушаться все. 1914 — начало первой мировой войны. С одной стороны Германия, Австро-Венгрия, Османы. С нашей — англичане, французы, мы, итальянцы, американцы. Минус двадцать миллионов человек убитыми за четыре года и еще десятки миллионов раненых. Между прочим, именно в эту войну начнут применять отравляющие вещества, противогаз от которых мы так своевременно изобрели. Исчезнут с лица Земли почти все известные Империи: и Австро-Венгерская, и Османская, и Германская. Наша тоже. 1917 — еще две революции, гражданская война, по некоторым оценкам общие потери начинаются от десяти миллионов россиян, а с учетом отсоединившейся Польши, Финляндии и кое-чего еще — можно смело говорить о пятидесяти миллионах утраченных граждан. А потом будет еще вторая мировая, но там

потери куда страшнее и...

— Это невозможно.

— У Государя Императора родятся четыре дочери подряд, и лишь потом мальчик наследник. Ольга и Татьяна уже есть, остались Мария и Анастасия. Сейчас у нас девяносто седьмой, значит Мария Николаевна появится в девяносто девятом. Если это подтвердится, то тогда обсудим другие мои предположения.

— Договорились.

Не поверил.

* * *

Чуда не произошло.

То есть у Тюхтяева теперь на лице есть два глаза, но второй лишь слегка различает свет, тьму, цвета и силуэты. Все. Люська винила в этом бездарно упущенное время, переживала, а я застала пациента, крутящегося перед зеркалом. По-моему, доволен. Он еще не знал, что сестра решила реабилитировать свой провал исправлением ноги. Теперь Люся изучала каждую мелочь на мутных снимках и догадалась, что хромота стала следствием не неудачно сросшегося перелома, как полагал Сутягин, а мелких осколков неясного происхождения, застрявших в мягких тканях, так что новая операция обещала стать похожей на игру «Поиск предмета».

Приближалось Рождество.

Где-то в районе двадцатого числа нам доставили коробку из Лондона, которую я очень ждала еще с первой ночи Тюхтяева в нашем доме. Граф позаботился, чтобы доставили этот пакет дипломатической почтой, так что содержимое вряд ли пострадало. Как же вручить ее тактичнее? Я около часа хвостом ходила за Тюхтяевым, пока он наконец не перестал это игнорировать.

— Что-то не так?

— Все в порядке. — и зависла мрачной горгульей рядом.

— Меня немного пугает, когда у Вас такой взгляд. — насторожился он.

— А разве Вы умеете бояться? — действительно, в любых ситуациях он проявляет самую сильную выдержку.

— Пока с Вами знакомство не свел, думал, что нет.

— Михаил Борисович, Вам Люся на днях ногу перешивать будет. Несколько дней придется в покое провести. Я беспокоюсь, что заскучаете.

* * *

Он оцепенев рассматривал протез — кисть в черной кожаной перчатке со сложной системой креплений ремнями.

— Я все равно не стану прежним.

— Естественно. Я даже больше скажу — ни один из нас прежним не становится.

— Вы так стараетесь сделать меня тем, кого помните...

— Нет. — встала перед его лицом. — Я Вас стараюсь сделать живым. Два года назад в

Москве, год назад здесь, сегодня — я Вас видела одинаково. Шрамы или их отсутствие — это только фантик. А вот то, что Вы сами так ненавидите Ваши косметические дефекты — с этим нужно что-то делать.

— Это не рука.

— Не рука. Но Вы же не отказываетесь пользоваться столовыми приборами, хотя можно есть пальцами. Вот и это — не рука, а лишь прибор, находящийся между рукой и едой.

Он постоял у окна. Долго, почти не дыша. Разжал кулак левой руки, посмотрел на нее внимательно.

— Я смогу сам это одеть?

— Вроде бы да. Инструкция обещает невероятное удобство. Но в первый раз мне и самой интересно попробовать.

Основной ремень застегивается чуть выше запястья, второй на локте. Если потереть то место, где на живой руке самое скопление вен, пальцы перемещаются в одно из четырех положений — от кулака до прямой ладони. В промежуточных вариантах можно закрепить перо, ложку, даже трость. Гениальная штукавина для своего времени.

Он сравнивал ладони.

— Они же почти одинаковые.

Само собой. Я еще после первой операции сделала слепки обеих рук и отправила их вместе с заказом. Так получается дороже, зато в жизни потом куда проще.

— Нам бы на недельку в мое время. Там такие классные бионические протезы делать научились в последние годы! — прошептала я.

Эта мысль меня терзала с октября. Сохранись тот проход на Лиговке — Тюхтяев был бы уже как новенький. Да и лицевые травмы бы легче пролечились.

— Спасибо. — он все еще не мог оторваться от своих конечностей.

— Пожалуйста.

* * *

Час спустя он все еще сравнивал руки и выражение лица мне не очень понравилось.

— Михаил Борисович, хотите фокус?

— Не уверен, что в настроении для цирка.

— Зато я в настроении.

Краем сознания ужаснулась, само оно выходит или со мной что не так, но с любимыми мужчинами постоянно использую собственное тело как аргумент в спорах. Взяла Тюхтяева за правую руку, провела ею по лицу — кожаная перчатка не передает тепло или холод, так что просто твердая ладонь. Медленно скользила по волосам, коснулась губ, еще медленнее по шее и ниже, расстегивая мизинцем крючки на корсаже.

— А теперь опустите глаза, и скажите — это рука или нет.

Как он покраснел! Это ж надо, а ведь старше на сто тридцать девять лет.

* * *

— Николай Владимирович, я вряд ли смогу принять Ваше приглашение на Рождество.

— Это отчего вдруг?

— Сами понимаете. Мне его дома бросить, а самой веселиться?

— Да. — граф пристально посмотрел мне в глаза. — Он же тебе свободу предоставил?

Вот и пользуйся.

Обидно, что и граф уже в курсе моей разваливающейся личной жизни. Не знаю, когда и как они это выяснили друг для друга, но он теперь меня жалел. И было это, прямо скажем, унижительно.

— Но...

— Ксения, ты же взрослая уже женщина, неглупая, вон раз его найти сумела, а порой наивнее дитя малого. Думаешь, я не вижу, как ты переживаешь? И он это видит. Но раз уперся, то слово назад не возьмет. А так поревнует, понервничает. Глядишь, и сообразит, что женщин, способных мужа из могилы достать — одна на миллион. Загнать в могилу любая сможет. Да что там говорить...

— А...

— А если не сообразит — то тем более дома сидеть ни к чему.

Это мое третье рождество в этом доме, юбилейное, можно сказать, так что поставлю елку. Всем будет полезно вспомнить что-то хорошее.

После того, как Тюхтяев при нашей молчаливой поддержке начал осваивать протез, мы активно привлекали его к общим безобразиям. Накануне сочельника сели лепить из папье-маше сразу много узнаваемых советскими и постсоветскими детьми игрушек, покрасили их блестками и развесили. На верхушку елки Люська приладила красную звезду. Хакас с восторгом смотрел на получившийся результат, и это не было просто тоской о нашем времени — сегодня все ощущали себя детьми. Ну кроме одного взрослого, который регулировал развешиванием и посмеивался над нашими играми. Если отвлечься, то кто поверит, что за дверями не включится телевизор с новогодней речью Президента? Вместо телевизора у нас зажигает Люся, но тоже неплохо.

На праздничную службу двинулись все вместе. За Димкой религиозности я не замечала, но он шел с Люсей, Люся — с мамой и сестрой, мама — со мной, Фрол — с нами, Тюхтяев... тоже давненько в церкви не был. Символично, что его вытащили в большой мир именно в этот праздник. Мефодий и Евдокия планировали подойти ближе к концу службы, все же с таким животом ей стоило побережться толпы.

Перецеловали друг друга, поздравили с праздником, обменялись подарками. Маме я подготовила в подарок контракт с Гроссе на ремонт имения и медальон с нашими с Люськой портретами (была мысль, и Фрола туда дорисовать, но пока только место оставили), Люське — ретонду и шляпку, Фролу — пафосную трость, Димке — новое охотничье ружье. Тюхтяеву я долго не могла определиться, что именно вручать, разрываясь между дорогим пером из 2015 года, тростью, приспособленной под его новую руку, и собой с бантом на попе. Решила начать с неодушевленных подарочков. Естественно, получили свое и слуги, причем на этот раз Устинье я помимо платья вручила полный годовой выпуск журнала «Вокруг Света», чем поразила ее и обрекла дом на хаос и запустение. Марфушу вытащили к елке и она восхищенно рассматривала блестящие украшения. Каюсь, лежала еще в шкафу одна коробочка, давно, с осени еще, но за ней некому приходиться.

Приятным оказалось и то, что в ответ мне тоже надарили много разного и временами неоднозначного. Было любопытно угадывать от кого что. Ящик критского вина, цикудьо и ракомело — понятно откуда. Коробочка с шикарными кружевными трусами — это мама вспомнила мои жалобы на местную одежду. Дорогой хлыст с резной рукояткой — сначала подумала на Мефодия, а потом поймала смеющийся взгляд Фрола. Люська и его испортила. Вербку и мыло — это от сестры. Пусть веревка — это красивый бисерный шнурок для прически, сама плела, старалась, а мыло — шикарное, всегда приятно почувствовать истинную сестринскую любовь. Медальон с гравировкой мелкого парнокопытного — главное, не ржать так громко.

* * *

Отсыпались до полудня. Так хочется протянуть это ощущение семьи надолго. Но нужно еще разослать подарки знакомым — тем же горнякам, Гроссе, да и Феде, в конце концов,

* * *

Хакас с Люськой отправлялись в компании Фохта в какой-то ресторан, зато мама вынуждена отсиживаться дома в трауре, так что наш затворник не будет уж слишком одинок.

На бал надела темно-оранжевое платье с таким глубоким вырезом на спине, что пришлось заказывать специальный корсет. Турмалиновая парюра лишь ненадолго отвлекала внимание от остального.

Сначала тяжелым взглядом меня провожал Тюхтяев.

— Желаю хорошо повеселиться. — и ведь почти без эмоций получилось.

— Благодарю, Михаил Борисович! — лучезарно улыбаюсь в ответ.

Не удержалась, наклонилась поправить туфельку. Да, помнит он еще театр, еще как помнит. Настроение сразу приподнялось и держалось таковым еще три лестничных пролета.

Внизу возле зеркала крутилась Люська в фиолетовом пышном платье с богатой бисерной вышивкой — мы перешли его из двух моих, так что теперь она формально соблюдает траур по отчиму и сногшибательно выглядит. Хакас картинно смотрел на часы, а сопровождающее их лицо побледнело чуть-чуть и резким движением поклонилось.

— С праздником, Федор Андреевич!

— И Вас, Ксения Александровна!

Демьян протянул мне ротонду из норки, подаренную графом два года назад. И как получилось, что она упала, не знаю — уж я точно к этому отношения не имела.

— Свободен. — очень холодное и четкое.

Осторожно надел на меня мех, поправил плечи. Словно я голая и шубка касается кожи. И не думаю, что он хотел задерживаться, застегивая крючок на воротнике.

— Благодарю. — какая я тихая сегодня.

— Не стоит благодарности, Ваше Сиятельство. — рафинированный джентльмен.

* * *

Люська бы хоть рот прикрыла, что ли.

Ходят вон теперь как в кино, смотрят и тихо комментируют между собой. Упыри.

* * *

Зато у Татищевых был настоящий бал. Прошлой зимой, возможно, тоже неплохо все получилось, это я механической куклой в углу сидела, но сейчас праздник прямо грянул.

Ощущение стойкого счастья привлекает людей, поэтому меня приглашали танцевать как никогда, я получала множество приглашений на домашние вечеринки и небольшие балы, хоть и позже, чем того требовали приличия, но в эти дни к ним уже не так прислушивались, как в былые годы. И соглашалась, причем не только в пику мужчине с третьего этажа.

Когда не охотишься за новыми связями или браком, можно найти удивительно

интересных собеседников и свести знакомство с теми, кто тоже обходит устоявшиеся формы отношений. И если первое меня радовало, то второе определенно утомляло. А вот то, как порой даже юные барышни начинают вести провокационные беседы, вызывает смех. Наивные курицы, не понимающие, о чем речь. Ни одна из них не выживет, будучи отторгнутой своим кругом. Мало кому повезет так как мне, оказавшейся на улице в прямом и переносном смысле.

И мальчики эти золотые, вещающие о свободной любви с байроническими нотками в голосе. Здесь вы — инструменты для построения фамильных связей, а не самостоятельные игроки. Чтобы любить свободно, нужно сначала просто уметь любить, а не только играть в большую взрослую жизнь. И тебя, милый, это тоже касается — жгучий брюнет подносил мне уже четвертый фужер шампанского. Я тебя еще переpleю, если захочу. А то, как у твоей матушки кассовый радар на меня включился — тебе же хуже.

— Ваше Сиятельство желают оказать мне счастье составить пару в туре вальса?

— Да, Никита Алексеевич. — чей-то там племянник, по словам Ольги. Что за женщина случай с Андрюшей Деменковым ее ничему не научил.

Мы порхаем, порхаем, порхаем. В пяти километрах отсюда тихий дом с притушенными огнями, где уютно и не нужно всего этого, и как бы перенестись в любимое кресло?

— Вы производите потрясающее впечатление на меня. — Ах, какой жаркий взгляд, и эта чуть более положенного задержанная ладонь чуть ниже талии.

— Знаете, Никита Алексеевич, самки богомолы тоже потрясают своих партнеров. Настолько, что те не успевают в порыве любовной страсти понять, что их голову уже отъели и переходят к груди. — вот главное сейчас продолжать мило улыбаться.

— Бого...молы? — он даже теряет маску начинающего ловеласа.

— Да, такие милые насекомые, обязательно ознакомьтесь. В играх со взрослыми женщинами лишних знаний не бывает. — я открыла и закрыла тот самый веер с сиреной, что на местном птичьем языке означает неприязнь.

Скучно с ними.

В какой-то момент бала меня закружил в вальсе хозяин дома.

— Прекрасный праздник!

— Ты очень добра. Как там обстановка?

— Неплохо. Сидит сычом дома. Из операций осталось что-нибудь придумать с ногой.

— Я очень благодарен тебе за него. Не только за лечение. И что простила.

По зрелом размышлении за сам факт его жизни я готова была бы и ту историю с дипломатами простить.

— Но не питайте надежд, что забыла эту вашу секретность. — наполовину прикрыла веером мордочку. Кокетничаю.

* * *

И закружилась кутерьма праздничных вечеринок. 27 декабря давали премьеру «Садко» и это была просто феерия шелка, бархата и сплетен. Уж насколько я оперы не люблю, но тут даже представление удалось. Правда, без Тюттяева мне не так интересно ходить на эти ярмарки тщеславия, азарта нет.

А после спектакля еще продолжались балы, кутежи, вечеринки. Мое расписание было

столь плотным, что порой приходилось посещать по два-три мероприятия в день. Платья сменяли друг друга, я научилась уже комбинировать отдельные элементы, чтобы преобразовать наряды, а то шкафы ломились, но вопрос «Что надеть?» становился все более актуальным.

Домашних видеть почти перестала. Правильно, появляюсь под утро, днем отсыпаюсь, с сумерками еду по новым адресам. А еще нужно отвечать на ворох записок и любовных посланий, вежливо отклонять серьезные предложения и игриво — несерьезные. Теперь библиотеку мы с Тюхтяевым делили в рабочем режиме, почти не разговаривая на отвлеченные темы. Он лишь усмехался, когда я комментировала очередной опус или пояснял нюансы родственных и имущественных связей претендентов на мое приданное.

— Михаил Борисович, откуда взялись все эти люди? — воскликнула я, зачитав три неприкрытых предложения продажи себя подряд.

— Которые именно? — он привстал, рассмотрел фамилии. — Эти все местные. Если бы не Ваш траур и... прочие события, то раньше бы познакомились. А уж как Ваше состояние увеличилось в разы, то шансов избежать их не осталось.

— Неужели где-то издают справочники для разорившихся аристократов? — подкинула отработанные записки над головой и они оседали бумажным метеоритным дождем. — И я там на призовом купоне.

Смешно ему.

* * *

На часах стрелки слились в строгую вертикальную линию, лишь чуть-чуть не доходящую до перпендикуляра, когда я ворвалась в прихожую. Заспанный Демьян помог раздеться, был удостоен поцелуя в лоб и отпущен отсыпаться. Праздник удался. Сейчас самое главное — не сворачивать с прямой, и все закончится тоже благополучно. Сквозь лестничные витражи было видно, что все окна в боковом крыле темны. И то самое окно — тоже мертво. Вот и хорошо. Столько дней уже держу себя в руках, что впору получать жетон Анонимных Алкоголиков.

Еще раз полюбовалась елкой — мы вокруг нее планировали завтра, нет, уже сегодня, Новый Год отмечать, даже провальсировала пару кругов, упала на диванчик и задумалась, что спальню можно было бы расположить и пониже, а в мансарде селить гостей. Могла же послушать архитектора, а не упираться, как обычно.

— Вас проводить? — слышалось из-за елки.

Господи, ты там наверху видел, что я к нему столько времени не бегала? Решил пошутить?

— Пожалуй, пора. — сонно произношу я. И как достойный человек мог позариться на такую пьянчужку?

Он осторожным движением встает, практически не хромая доходит до меня, подает руку. Я даже не сразу понимаю, которую.

— А Вы меня ждали, да?

Смотрит молча. Нет бы сдохнуть, что просто мимо проходил в пять утра.

— Может просто посидим вместе? — да, я сейчас не встану.

Улыбается, устраивается рядом, так что я могу пристроиться ему на грудь и задремать.

* * *

Кофе. Святые угодники, кто-то меня пожалел и принес кофе в постель. Открыв глаза, я пыталась понять где я и что делаю. Жабы невозмутимо любовались кувшинками, значит ответ на первый вопрос очевиден. Платье свисает с диванчика. Значит я или разделась сама или... Очень аккуратно скашиваю глаза влево. Пусто. Медленно поднимаю одеяло. Ну это тоже ни о чем не говорит, Тюхтяев может подтвердить.

Но на будущее — установить верхнюю планку в пять бокалов шампанского. Это ровно по числу пальцев на руке, несложно запомнить и способствует хорошей репутации.

Устя после звонка приносит завтрак.

— Как там? — я кивнула на нижние этажи.

— Людмила Михайловна и Дмитрий Сергеевич еще не вернулись. Госпожа Шестакова прислала записку, что приедет к 9 часам. Господин Тюхтяев просил напомнить Вам о прогулке.

Три бокала. В сутки. Не больше.

— Прогулке?

Устя пожимает плечами и улыбается только уголками глаз.

— Платье убери, пожалуйста.

Моюсь со скоростью звука, потом внимательно рассматриваю тело в зеркале. Да уж. Найди след лодки в воде, змеи на камне и мужчины в женщине. Ну не могла же я вообще все забыть? Не так много и выпила. Ну пару бокалов там, пару тут. С Алексеем Александровичем когда танцевала — бутылку, наверное... И что-то он мне там говорил... Что?

Хотя черт с ним, с бестолковым адмиралом, его еще годик лучше не трогать, а вот потом, когда он отвлечется от руин «ménage royal à trois» с удивительной Зизи, и подкатим. Если буду особенно злой, то Зизи начнет давать советы с того света.

* * *

Я оделась, спустилась на третий этаж, прислушалась. Решила вспомнить про скромность и начать с кабинета. Так и есть, зарылся в бумаги и строчит очередной аналитический опус.

— Доброе утро.

— Скорее доброго дня, Ксения Александровна. — он улыбнулся. Так, это у него засос на шее что ли? — Вам очень идут распущенные волосы.

Распущенный-пропущенный. О, черт! Таблетки!

После скандала с Фохтом и выдачи мне вольной я перестала следить за графиком их приема, значит нужно использовать план Б.

— Одну минуточку.

Я залезла в свои медикаментозные закрома, проглотила две белых капсулы и только после этого посмотрела на коробку. Срок годности плана Б истек в ноябре. Превосходно!

Этими стратегическими препаратами в очень ограниченном количестве запаслись мои родственницы уже, не особо внимательно рассматривая даты. А еще прямо посреди чулок, поверх обычных таблеточек с пропущенной вчерашней (а также поза- и поза-позавчерашней дозой), валялся полуупустошенный блистер с залеплоном. Тем самым, который я подсыпала Феде. Если я вчера вспомнила, что пора, а выпила не то, то попала в вырытую другому яму. Странно, что раньше фармацевтические махинации сбоя не давали, обидно, что получилось именно так и теперь я вообще не помню ничего, ведь неспроста же я на таблетки накинулась.

К Тюттяеву я вернулась уже куда менее благостная. Отлично будет забеременеть от покойника, верно?

— Михаил Борисович, я давно интересуюсь, а Вы с юридической точки зрения есть или нет?

— Интересная формулировка. Сейчас скорее нет, чем да. — он отложил перо. Рождественский подарок ему очень понравился, а появившаяся возможность снова писать правой рукой наполняла внутренним блаженством.

То есть мы нарушаем закон? — лукаво улыбнулась я.

— Ксения Александровна, это Вас еще ни разу не смущало.

Да, меня даже убийство не смутило. Интересно, а знай я, что он жив, это изменило бы мои планы? Граф знал, и не настаивал на смерти Гершелевой. В кармическом плане за мою судебную ошибку расплатилась Люська своей судьбой. Стоп. Об этом лучше не думать, иначе я дойду до самоубийства. В церковь надо, исповедаться. С другой стороны, не будь ее, я бы год уже жила со здоровым любящим и любимым мужем. За одно это стоило на куски нашинковать.

— Я бы многое отдал за то, чтобы прочитать сейчас Ваши мысли.

— Лучше не надо, Михаил Борисович.

Вот интересно, догадался или нет? Точнее так: думал об этом или нет. Ибо, если думал, то точно разгадал мои нехитрые маневры.

Я покрутила в руках шнурок платья.

— Насчет прогулки...

— Сейчас закончу с бумагами, и сможем выехать.

Сколько определенности в этих словах! Так все-таки у нас вояж по свежему воздуху, или пойдем в народ? А вдруг? Он даже со всеми шрамами симпатичнее многих из тех, с кем я отрабатываю танцевально-разговорную практику последнюю неделю. Поэтому нужен универсальный выбор. Пошла переодеваться, надевать стеганую нижнюю юбку, бархатное прогулочно-визитное платье.

— А теперь, Михаил Борисович, я в полном Вашем распоряжении. — подмигнула ему.

Откуда-то (хотя кого мы обманываем) привезли ему новое пальто, по уменьшившемуся размеру, котелок, который, будучи низко надвинут, затенял шрамы. Глаза горят — впервые за год мы полноценно выгуливаемся. Не крадемся воровато в ночи в рентген-кабинет, не таимся в сумрачном пределе храма — гуляем.

— Признаться, я не рассчитывал увидеть эти места еще раз. — он провожал взглядом канал Грибоедова, пока все еще Екатерининский.

— Да и многие люди здесь на такое тоже не рассчитывают. — попробовала пошутить я. — Что будем делать, если встретим Ваших знакомых?

— Соблюдать приличия и улыбаться.

Да что с ним такое-то?

— Вы с Их Сиятельством решились выйти из подполья? — осеняет вдруг меня.

— Ну мы же не революционеры какие. Просто пришло время, да и дела требуют.

Само собой, как же без дел-то. Экипаж тем временем сворачивал на Моховую. А страшно снова проезжать это место вдвоем. Я прижалась к нему и поймала встревоженный взгляд.

— Мы всех победим, верно? — чмокнул меня в висок. Что же было ночью, что он теперь такой игривый?

Лакей в холле был из новеньких, а вот многие другие моего спутника помнили, поэтому и возник некий ажиотаж.

Но все померкло перед Ольгой Александровной, которая вознамерилась выйти из дома именно в это время. Встреча с живым трупом произвела на хозяйку дома столь сильное впечатление, что вросшее на два пальца под кожу воспитание дало сбой и с заячьим криком она ринулась вверх по лестнице.

— А ведь обещал подготовить. — с сожалением пробормотал мой спутник, помогая раздеться.

* * *

Не обращая внимания на изумление толпившихся в приемной посетителей и коротко здороваясь с самыми смелыми, Михаил Борисович двигался к двери, оставляя позади пустоту, на которую люди боялись заступать. Секретарь Его Сиятельства странно хрюкнул и дрожащей рукой приоткрыл дверь.

Ну, там и без нас было весело — графиня успела чуть раньше и теперь билась в форменной истерике. На ее фоне я встретила это событие с нордическим спокойствием.

Глаза Его Сиятельства чуть округлились, когда он рассмотрел лицо моего спутника и совсем выкатились, когда понял, что я опираюсь на черную ладонь.

— Ольга Александровна, я сожалею, что стал причиной Вашего волнения. — мой спутник приблизился к мятно-зеленой графине и поцеловал безвольную руку.

— Ксения! — Она наконец нашла виноватого. — Вы знали!!!

— О, нет, Ольга Александровна! Знал Николай Владимирович, а я лишь раскрыла этот маленький мужской секрет. — оказывается я умею рассыпаться смехом.

— Вы, оба, ужасные люди! — сорвалась Ольга и рванула из комнаты, увлекая меня за собой.

* * *

— Ксения, но как? — она даже не раздеваясь забилась на диванчик и тихонько цокала зубками о чашку чая.

— Не знаю точно. — и сегодня я впервые стала для нее примером выдержки. — Думаю, когда... это случилось, Николай Владимирович действовал по порыву сердца, а потом все само закрутилось. Михаилу Борисовичу требовалось долгое и серьезное лечение. Возможно, у них были и иные причины, кто знает.

— Да, теперь он так изуродован. — она отставила несчастную посуду. — Вам, наверняка, очень непросто смотреть на него. И, конечно, Вы не должны чувствовать себя обязанной...

— Я и не чувствую себя обязанной, Ольга. Мне повезло делать то, что хочется.

— То есть Вам все равно, что он теперь... такой?

Да красавчик он теперь, глупышка. Вот когда я его откопала, тогда еще были претензии.

— Нет, не все равно. И я многое бы отдала, чтобы тот взрыв не случился. Но это все не так уж и важно... — я улыбнулась, и поняла, что сейчас говорю не то, во что хочу верить, а то, что сама ощущаю.

Ольга не поймет никогда. И вряд ли решится на мою авантюру. Мы обе через боковую дверь вернулись в кабинет, где беседа мужчин явно перешла границы простого обмена любезностями.

— То есть теперь ты определился, верно? — грохотал граф.

— Да. — кротко согласился гость, но по тембру голоса понятно, что уже закипает.

— Столько времени в графа Монте-Кристо играл, а теперь передумал, так что ли?

Молчит. Я после такого уже стараюсь не давить.

— Дамы, хватит уже прятаться, вас видно. — Процедил граф. — Представляю Вам действительного статского советника.

— О, оказывается, после экспедиций на тот свет у нас в чинах повышают! — неожиданно колко отозвалась графиня. Я в ней до сих пор иронии не наблюдала. — Если мы с Ксенией что-то подобное выкинем, то княгинями вернемся?

Мы немного посидели с родственниками и вежливо откланялись.

* * *

— Вас оживили? — мы неспешно прогуливались в сопровождении экипажа, выданного графом. Этот вариант оказался компромиссом между моим страхом за его ногу и его желанием выгулять меня как позапрошлым летом.

— Да. Конечно, для оформления бумаг потребуется еще время, но Его Величество высоко оценил мою работу в последние месяцы.

Набережная Фонтанки красива даже зимой. Река уже схватилась льдом и даже слегка присыпана снегом, но тротуары расчищены, так что гулять приятно, хотя щеки пощипывает морозец.

— И что теперь?

— Теперь праздновать будем этот ваш самый главный день в году. — он улыбнулся. — Пока Вы вели активную светскую жизнь, я плотнее пообщался с Вашими близкими.

Ой, нет!

— Должен признать, что недооценил Ваши слова относительно политической обстановки. И теперь у меня куда больше планов на ближайшие годы, чем два месяца назад.

Я бы и о других твоих планах послушала, но пока хватает и прогулки вместе. Как только на виске появляется вторая капля пота, я подворачиваю ножку, и теперь могу только в экипаже. Вряд ли моя хитрость прошла незамеченной, но суетится надо мной он всерьез.

А через несколько часов наступает Новый 1898 год. Часы в холле бьют 12 раз, мы открываем шампанское, включаем айфон с новогодним гимном от Дискотеки Аварии, и зажигаем!!!

Я успела загадать несколько желаний, и верю, что они сбудутся. Поэтому пока рассказывать не буду.

Говорят, как встретишь Новый год, так и проведешь. Вранье. Весь январь ушел псу под хвост — и с документами возникли какие-то проволочки, да и операция получилась так себе. То есть мы с Люськой, конечно, расслабились и поверили в свою безумную удачливость, ну или организм Тюхтяева взбунтовался. Осколки экипажа из мышц мы извлекли и все вроде бы правильно сделали, но воспаление не хотело проходить, и парутройку недель мой герой температурил и хандрил.

День, другой, третий. Температура не так чтобы высокая, но не проходит, кожа на ноге воспалена, горит прямо под ладонью. Посеревшее лицо не отрывается от угла, в котором явно что-то интересное вещают, и мне не особо льстящее. Целыми днями молчит, и даже враз оскудевшее мое остроумие не помогает все исправить. Порой случаются хорошие дни, когда и жар спадает, но длится это до ночи, а там все заново.

Мы опять пропустили мои именины, но вспомнили об этом лишь через несколько дней, когда дошли открытки от моих малочисленных знакомых. Я практически переехала в его спальню, заходя к себе лишь переодеться и помыться, но это отнюдь не способствовало нашей близости. Наоборот, мы начали ругаться.

— Я не просил меня лечить. — выдал он однажды.

Меня вообще никто не просил это делать. Вот и страдаем теперь от самоуправства, верно?

— Да, я помню, что это я Вас об этом просила. Очень просила. — и вот помолчать бы, но едкое само срывается с языка. Порой ищу и не нахожу в себе какого-то особенного тепла, смешивая ненависть к его недугу с самим пациентом. Ну а что он, в самом-то деле?

— И этого делать не стоило. — и отворачивается к стене.

Мы оба устали. Мой недосып усугублял недостатки характера, а его бесила собственная беспомощность. Потом извинялись наперегонки, но это все накапливалось. Люська посоветовала переложить часть обязанностей на прислугу, и я с трудом, но доверила бесценную тушку чужим рукам. Снова вернулись к совместной работе — ходить ему далеко не сразу дали, а когда поставили на ноги, то боль в ноге стала еще сильнее, как и хромота. Я упиралась против морфина — боялась, что подсядет, Люська сомневалась, Тюхтяев только злился.

На Сретенье день не задался с утра — у него снова поднялась температура. Предательский страх от того, что я своими руками загоняю его в могилу, воспрянул с новой силой. Я упала перед кроватью на колени.

— Что я могу сделать для Вас?

Хоть свою ногу отдам, лишь бы все выправилось. Не могу больше. Все впустую, все усилия, лекарства, от которых любого затошнит, все манипуляции, которые могла вспомнить Люська — та в последние дни все чаще говорила о психосоматике и косилась в мою сторону. Ну а что я еще могу?

— Дать мне револьвер. — произнес он, не открывая глаз.

И как-то без особой иронии это звучит. А граф предупреждал. Но отчего он ломается так несвоевременно? Мы же прошли через такое вместе, и восстановили почти все. Да практически все, что можно было починить и еще немного больше. И теперь остается расслабиться и начать получать удовольствие, но и меня не радует больше ничего — выдохлась, и он устал. Синхронно у нас получилось. Просто ему еще и больно.

— ... - я очень долго и вдумчиво материлась. Злилась и на него, и на себя, и на все эти обстоятельства.

— В моей юности после такого советовали помыть рот с мылом. — бросил мой несостоявшийся муж. Интересно бы жили, если задуматься. В его юности все было не так, как я привыкла. И он со мной бы еще намучался. В конце концов, взрослый человек, пусть поступает, как знает.

Я психанула, сходила к себе, накапала опия в стакан и поставила рядом с постелью.

— Делайте, что хотите.

Когда вышла, хлопнув дверью, услышала звон осколков. Вздрогнула, но не вернулась. Слезы рукавом вытерла и пошла дальше. Побегала по лестнице — не помогло. Приняла душ, немного успокоилась, заглянула в глобус и пошла мириться. Пятно на обоях возле косяка уже подсыхало, а вот осколки надо убрать. Кликнула Устю, помолчала, пока она быстро сгребла останки тонкого стекла, закрыла за ней дверь. Выставила два ведерных бокала, разлила виски, пододвинула один к нему. Даже не смотрит на меня. Это ж до сих пор злится, что ли?

Первую порцию выпили молча. Еще немного такой терапии — и печень попросит отпуск.

— Что не так? — тон участливым уже не получается. Просто усталый, бесцветный голос. И сама я не лучше. В зеркало смотреть страшно.

Он только отводит взгляд.

— Все достало, да?

Кивает.

— У меня тоже бывают такие дни.

Кстати, они все-таки начались, и это меня даже не порадовало. Вообще не вызвало эмоций.

— Я сам себя раздражаю. — выдавил он из себя к исходу бутылки.

— Это пройдет. — с уверенностью заявила я и нырнула в очередной стакан.

Вскоре мы оба забылись неглубоким сном на его подушке. Пришла Люська, всыпала мне за неуставной алкоголь, зато температура спала. Да, некоторые швы кровили дольше положенного, но кризис прошел.

К Масленице наш герой уже бодренько ходил, опираясь на костыль, но все же ходил.

— Насколько я понимаю, пока мы с лечением закончили? — спросил он в перерыве между очередными блинами.

— Да. Посмотрим, как пойдет. — Люся хищно рассмотрела его лицо. — Возможно, осенью еще немножко щеку поправим.

Как он просиял!

— Спасибо вам, ангелы мои. И простите меня за все.

Да, сегодня же Прощеное Воскресенье. Мы по цепочке просим прощения, прощаем, целуемся. И на короткое время я расслабляюсь.

А с понедельника он собран и серьезен, как ни разу еще не был в этой половине жизни.

— Ксения, мы тогда договорились, что я проживу у Вас до окончания лечения. — заявил за завтраком.

— Да. — а рука-то дрогнула, резко звякнув вилкой о фарфор.

— Я договорился насчет квартиры.

Ну не сейчас же? Большим щенком смотрю на него.

— Вам нужно отдохнуть, в том числе и от меня. — он смущается моего состояния. — Да и насчет репутации...

— А от моей репутации разве что-то еще осталось? — это действительно интересно. Моя светская жизнь после новогоднего выхода несколько зачухла.

— Не впервой исправлять. — он отвел глаза от моего изумления. — Перед нашей помолвкой появлялись слухи о Вашей связи с Его Превосходительством. И последствиях этой связи.

— Что??? — я выронила многострадальную вилку.

— Ксения, кто мог поверить, что Вы по своей воле без особых обстоятельств выйдете за меня замуж? — как первоклашке мне все разжевывает.

— Но...

— Тогда я избавился от этих грязных инсинуаций. И сейчас справлюсь. Но для этого нам стоит жить под разными крышами.

Я и граф. И ведь Ольга тоже могла об этом слышать! Мерзко-то как... Последствия — это беременность что ли? Значит именно поэтому он так старательно избегал возможности... А я-то комплексовала. По-видимому, я покраснела сильнее возможного, потому что он подошел ко мне и неловко приобнял.

— Не переживайте. Я со всем разберусь. Формально мы все еще помолвлены, так что за Ваши поступки ответственность перед светом несую я. — уверенно произносит он.

А вот насчет этого я вообще не знала.

— А не формально?

Очередной вздох.

— Мы же договорились...

О чем?

Проводит ладонью по моей щеке, и словно кипятком ошпаривает. Та самая ночь.

31 декабря 1897

— Пора в постель, Ксения Александровна. — слышу тихий голос над ухом. И убаюкивающий стук сердца становится чаще.

В постель, так в постель. Я не очень изящно приподнимаюсь и под руку с Тюхтяевым двигаюсь вверх. Неужели? От волнения даже алкоголь немного выветривается.

— Ваша сестра посоветовала мне тренироваться. — зачем-то сообщает он мне перед лестницей.

— Это отличная идея. — я сегодня готова на все соглашаться. А покрывало на моей постели с успехом заменит любой гимнастический коврик.

Но не на это же! Он чуть отстает и подхватывает меня на руки. На полпути от третьего этажа к мансарде он уже совсем мокрый, но даже не думает притормозить. Я открываю было рот, но прикусываю язык. Большой мальчик, сам понимает, что делает. Тем более, что позвоночник у него цел, а нога срослась хорошо, пусть и не очень гладко. Да и достала я его опекой уже.

На пороге будуара меня осторожно опускают на пол.

— Доброй ночи! — церемонно целует мою лапку.

— Скорее уж утро. — почти не дрожащим голосом отзываюсь я.

Руки сцеплены, и надо бы идти — или каждому к себе, или вместе прямо, но мы медлим.

И я больше не хочу его насиловать. И отпустить не могу.

— Вы устали. — он левой рукой проводит по чуть растрепанной прическе, по лицу, словно пытаюсь стереть тени под глазами.

— Нездоровый образ жизни и полное отсутствие режима сна и отдыха. — продекламировала я.

И мы все еще стоим. И ни туда и ни сюда.

— Почему Вы сейчас здесь? — полушепотом начинает он.

Глупый вопрос, так-то это мой дом, на минуточку.

— Я не могу уйти. — произносят мои губы.

— Вам нужно отдохнуть. Выспаться. — И вот что это все означает? — Я хочу попросить Вас составить мне компанию сегодня на прогулке.

— Гулять? — я так-то уже на другой досуг настроилась.

— А почему бы и нет? — он осторожно начал отгибать мои пальцы от перчатки. — Мы оба заслужили небольшой отдых.

— Прекрасная мысль.

И снова стоим. Эй, человек, я бы с тобой прямо сейчас отдохнула.

— Позвать Вашу девушку помочь с платьем?

— Не нужно. Тут совсем несложно.

Я мелкими шажками отступаю внутрь, а он, словно не замечая этого тянется за мной. Вот именно в этот момент я и прицепилась к его шее, с вампирской страстью упиваясь пульсом под зубами. Он резко выдыхает, когда я провожу кончиком языка от мочки уха до ключицы. В несколько рывков платье оказывается на диванчике, а я на кровати. Но дальше он укрывает меня одеялом и грустно улыбается.

— Давайте договоримся. Год проживем так, а там, если Вы все еще будете помнить обо мне, продолжим с этого же места.

И с чего я в таблетки-то после этого полезла? Дура, какая же дура. Нафантазировала себе невесть что, а потом дулась, что каждую ночь оставляю дверь в спальню приоткрытой, а никто не приходит.

Февраль 1898 г.

Я разболелась от этой информации и переезд Тюхтяева в доходный дом Чешихина

прошел без моего участия. Теперь он живет в пятнадцати минутах пешей прогулки от меня, а не в часе, как раньше, но все равно, что на другой планете.

Вещей у него скопилось не так уж и много, управился одним рейсом, а на прощание навестил меня наверху. Выглядела я омерзительно: нос забит соплями, температура под 39, кашель — так с детства организм реагировал на сильные стрессы, перед которыми я сознательно пасовала. Вот и сейчас — сломалась, взирая опухшими глазами на визитера.

— Не подходите, а то еще заразитесь. — предостерегающе произнесла я. Это, конечно, маловероятно, если причиной хвори стали нервы, но я же не всегда права. В последние месяцы особенно.

— Я никогда не смогу отблагодарить Вас за все. — прочувственно произнес этот... человек.

Останься только и мне хватит. Но в глазах решимость, значит уходишь.

Я пожалала плечами.

— Вы бы сделали для меня тоже самое.

Скорее всего. Хотя если бы этот взялся меня лечить, то результат был бы куда экзотичнее.

Зато случилось триумфальное возвращение на службу — на этот раз господин Тюхтяев возглавил отдел дознания политических преступлений. Теперь его место службы располагалось подальше, на Гороховой, и случайно мимо уже не прогуляешься.

— Михаил Борисович, начальник охраны — расстрельная должность. — я едва не плакала, когда узнала.

— Ксения Александровна, ну что Вы! — он подошел поближе, при этом стараясь не допустить избыточной интимности. Так сказать, от тела отлучал по мере возможности. — Я же не возглавляю все Охранное отделение. Мой департамент — это десяток-другой человек. Это ж Георгий Порфирьевич Судейкин тогда пострадал от народовольцев, но где те народовольцы?

— Наверняка, господа Гершелевы просто не были проинформированы, что время политических убийств прошло. — горько проговорила я.

— Ксения Александровна. — легкое прикосновение руки к голове. — не беспокойтесь так.

— Я читала об этом, настоящий террор начнется с девятьсот первого, когда десятки чиновников будут убиты просто за мундиры.

— Ну значит у меня есть еще три года, чтобы это предотвратить. — меня чмокнули в темечко и ретировались.

* * *

И даже придраться не к чему. Он продолжал навещать мой дом, вывозил на прогулки в среднем пару раз в неделю, был мил и приветлив, заботился о моих социальных и юридических потребностях, даже документами моих девочек занялся, только тяжело вздохнул, узнав откуда и как я их добыла.

— Ксения Александровна, фальшивые документы — это преступление. — укоризненно бормотал он, листая бумаги.

— Они почти правдивые. — защищалась я. — Просто даты рождения несколько

отличаются.

— И место рождения, и сословие. — добавил он. И где раздобыл-то первоисточники?

Сжег на моих глазах.

— Даже не думайте повторять этот трюк. — он держал меня за плечи и внимательно всматривался в глаза. — Конечно, идея остроумная, но случись кому проверять, это бы мгновенно всплыло на поверхность.

— А теперь? — я задумчиво смотрела на пепел.

— А теперь в архиве будет недостача, но не первая и не последняя. А госпожа Шестакова с дочерью начнут числиться под моим личным присмотром.

— Спасибо.

— Но как же Вы на Мечетного-то вышли? Он людей с улицы обычно не принимает. — продолжал ласковый допрос действительный статский советник.

Я вздохнула и потянулась к письменному столу. За одним из ящиков у меня был тайничок, внешне похожий на фляжку с алкоголем, а по факту — металлическая обложка для записной книжки в потрепанном черном переплете. Глаза моего собеседника округлились.

— Я ж уверен был, что при обыске ее забрали. Еще все улики перетряс несколько раз! — ошеломленно листал свое сокровище Тюхтяев. — Но как?

Молча достала чистый листок и почти не подглядывая в шаргалку вывела пером «не стоит недооценивать женщину, у которой есть цель».

Он рассмеялся и продиктовал мне еще несколько выражений, с изумлением прочитал их, обнаружив несколько ошибок, больше связанных с несовпадением в грамматике наших периодов.

— Вы умеете расшифровывать тайнопись? — с подозрением уставился, вспомнив про шпионманию.

Пришлось напоминать наш первый совместный детективный опыт, когда искали похищенного графа Татищева. И про исследования о частоте букв в языке. И про первую страницу с фамилиями известных мне людей. Он долго смотрел на меня со смесью недоверия, восхищения и изумления, а вот книжечку-то забрал. Можно подумать, я не переписала оттуда все.

И даже несмотря на это все он неуловимо ускользал, и что с этим делать, не знаю.

Еще одна неопиcуемая глупость началась с произнесенной за ужином фразы:

— Дим, может, позанимаешься с нами с Ксюхой?

Да, чисто гипотетически мы это обсуждали, и я согласна, что навыков выживания «в поле» у нас нет, а хотелось бы... Но дома так тепло, а на улице завывает ветер с мокрым снегом...

— Чем же, позволь полюбопытствовать? — он иронично поднял одну бровь.

— Ну как с... В общем, на природу бы съездить.

Хакас издал очень странный звук, покосившись на пустое место в противоположном углу стола.

— Не женское это дело.

— Да что ты говоришь? — хором взвились мы.

— Дим, а если не очень жестко, а просто для расширения кругозора? — мне не хотелось, чтобы они препирались из-за Люсиного каприза, да и любопытно, конечно.

Он посоветовался с внутренним голосом.

— Ладно. Подсохнет и будет у вас полоса препятствий в Громово. Там как раз и лесок есть, и водоемов хватает.

Подсыхать в эту зиму начало патологически рано — к середине февраля на фоне плюсовых температур днем по ночам случались морозы, так что снег в основном покинул улицы Новгородской губернии, о чем очень изумлялись журналисты, и мы начали вопросительно поглядывать на нашего полководца. Тот поначалу не очень был уверен в замысле, зато потом воодушевился и к началу марта мы рванули в большое путешествие.

Накануне Евдокия разродилась мальчиком, здоровым, крепким, и дома становилось шумновато. Так что даже Устю не брали.

Отъезд в наше собственное поместье оказался неожиданно болезненным. Я впервые за эти безумные месяцы надолго разлучалась с нашим Лазарем воскрешенным.

— Я уже соскучилась. — шептала на перроне.

В Петербурге погода не теряла грани приличий, равно как и люди вокруг, так что холод пронизывал весь вокзал. И мне непонятно, холоднее снаружи или внутри моего никчемного тельца.

— Все будет хорошо. Нужно же сменить обстановку. — он помедлил, а потом вдруг обнял меня крепко-крепко. — Прощайте. И берегите себя..

МБ очень мало виделся со мной в последнее время, плотно занявшись работой. Как раз начинался учредительный съезд РСДРП, насчет которого мы все несколько расходились во взглядах. Единственным экспертом в истории революции в нашей семье условно можно было считать маму — той в свое время пришлось сдавать историю марксизма-ленинизма в институте и хоть какие-то остаточные знания она сохранила, пусть и отчаянно сопротивлялась вмешательству в политику.

— Там совершенно бестолковые посиделки были. — напрягая память шипела она. — Эти делегаты потом себя не очень ярко проявляли. Самыми радикальными эсеры были, а солиднее всех сыграли большевики.

Но эта информация Тютяева явно не устраивала, и он строил очередные схемы сбора информации, засылки агентов, дискредитации вожаков революции. Не до меня, в общем,

ему было. А сейчас вообще, кажется, отправил как навсегда. Но эта тревожная обычно мысль на этот раз вползала в голову лениво-лениво: я перешла порог чувствительности и устала бояться.

* * *

И вот два дня спустя в мужской одежде мы с Люськой месим грязь.

— Ты будешь рядовой Птаха, а ты... — Хакас внимательно пригляделся ко мне и вдруг вспомнил нечто веселое. — рядовой Коза.

— Откуда? — взвыла я.

— Так ты легенда в дипкорпусе. То есть не ты, но одна бессердечная русская аристократка. Я только у твоего парня уточнил, и он мне поведал удивительную историю. — Он улыбнулся. — Так, мои дорогие, за воротами усадьбы я больше не Дима, а кто?

— Командир. — уныло протянули мы, уже предчувствуя эпический провал. Даже сотой доли не предполагали.

Для начала мы нарезали круги по периметру усадьбы. Да, это явно не Вичуга. Двухэтажный каменный домик с несколькими очередями пристроек свидетельствовала о нестабильной динамике респектабельности и упадка рода Шестаковых. Облезлые стены и продуваемые всеми ветрами рамы намекали, что упадок случался чаще. Многие надворные постройки было дешевле снести, чем отремонтировать, но о том у Гроссе пусть голова болит. Внутри интерьеры не тянули даже на шебби-шик, зато печи оказались очень теплыми, что меня несказанно радовало. Немногочисленная прислуга справлялась с нашествием гостей, привлекая молодых крестьянок, но все как одна оказались на диво немногословными.

Вместо оружия нам выдали палки с примотанными камнями, вес которых словно увеличивался каждые пятнадцать минут. Одежда намочла от грязи очень быстро, а впереди у нас был марш-бросок на болота. И после семикилометровой пробежки вместо отдыха он заставил нас ползти по грязи.

— Птаха, кто так оружие держит! Коза, не виляй задницей — издалека же видно.

Единственным послаблением как девочкам стала возможность посещать баню ежедневно. Но только после разбора ошибок. А за дверями усадьбы этот изверг снова становился милейшим человеком и только порой иронично уточнял, не желаем ли мы провести следующий день дома.

Ночью он поднял нас в три часа и погнал по темени в лес. Я же видела его днем — откуда тут выросло столько лишних деревьев, кочек и камней? Пять часов побегали — вернулись завтракать. После еды я уже прокладывала тропу в постель, но командир приказал заняться строевой подготовкой. И так каждый день. На третью ночь мы сделали себе по кикиморе и теперь таскали на себе еще три кило сухой травы, грязи и мха.

— Люся, ты все еще хочешь за него замуж? — пыхла я во время внеочередной партии отжиманий.

— Еще. Как. Хочу. Где я ему еще за такое отомстить смогу. — Люська уже даже не скрипела, а квакала.

Мышцы не болели — они словно взрывались изнутри. Но через несколько дней Хакас заменил палки на охотничьи ружья, выдал ножи и накидал в карманы камней — и мы

поняли, что начинали с детсадовских условий. К сожалению, нас иногда навещали соседи, и на время их визитов приходилось переодеваться, причесываться, улыбаться и поддерживать светские разговоры, чтобы потом снова влезать в непросохшие доспехи и продолжать садомазохизм. Одно хорошо — мама официально в трауре, так что приемами нас не обременяли.

* * *

— Помнишь, какой Федя вернулся? А его жестче, чем нас приложило. — философски заметила Люська, когда мы сидели в засаде. Ну как в засаде — по уши в болоте, обложившись мхом и прорезиненной тканью, чтобы не затекала вода. Тепла это не прибавляло, но хотя бы сухо.

— Что это за хрень? — сестра указала на непонятный предмет в камышах.

Я некоторое время присматривалась, всячески вертя головой, за что изрядно огребла от руководства, а потом немного поскользнулась, ухнулась мордочкой в грязь и уже вылезая поняла.

— Пошли домой. — протянула руку Люське.

— Ты чего? — изумилась она. Доселе я стойко переносила все тяготы курса молодого идиота.

— Надо в уезд за урядником послать. Труп у нас.

Приехали к нам хорошей такой делегацией — пара полицмейстеров, следователь и врач. Памятуя о прошлых контактах с полицией, заставила всех нарядиться максимально пафосно и встречать врагов единой стеной.

— Очень рад с вами познакомиться. Имею честь представиться — коллежский секретарь Братолюбов, Тихон Иванович. — выдал мальчик на редкость благочестивого вида, круглолицый, большеглазый, с льяными кудрями. Раз коллежский секретарь, то стаж службы больше шести лет, а это значит, что ему не меньше двадцати пяти. — Доктор Десятов, Александр Аристрахович. — нам поклонился большеголовый плотный лысый мужчина.

Полицейских даже не представляли, так они и простояли все время в стороне, выполняя функции подай-принеси-сбегай.

Солировать тут пришлось хозяйке дома.

— Шестакова, Анна Степановна, вдова. — она протянула руку, которую покрасневший мальчик неловко чмокнул. — Моя дочь, Людмила Михайловна, и наши гости — графиня Ксения Александровна Татищева из Санкт-Петербурга и сотрудник дипломатической миссии Королевства Греции Димитрос Хакасидис.

Мы раздулись жабами, оправдывая свои высокие звания.

— Вы же недавно приехали? — уточнил растерявшийся мальчик.

— Да, мой покойный супруг скончался летом, и мы всей семьей впервые сюда приехали в начале марта. — мама была очень умеренно приветливой, как и положено скорбящей вдове.

— А гости Ваши? — он оглянулся на мою роскошь и Димино отчуждение.

— Мы все вместе приехали. — холодно бросил дипломат.

Да, у нас такая гастролирующая труппа.

— И что же случилось?

— Мы с Людмилой Михайловной сегодня с утра решили немного прогуляться после завтрака. Погода стоит замечательная, даже не припоминаю такой весны. — мечтательно сообщила я. Где ты, Тютчев, сейчас бы мигом разобрался. Хотя, чего это я, надо позвать.

— И вы нашли тело?

— Да, знаете ли, нам показалось, что в камышах какая-то птичка сидит, Захотелось посмотреть — в городе такое не встретишь.

Да, высокомерная, капризная, взбалмошная дура. К таким меньше вопросов.

Вернулся доктор, на этот раз без полицейских — они тащили добычу в телегу.

— Смерть наступила не позднее двух-трех месяцев назад. Причины смерти смогу сообщить после исследования. Извините, дамы.

Он смутился, что женщины слышат такие ужасы. Конечно, пережившие девяностые годы жители России очень впечатлительны. Да и ветеран двух войн тоже.

— Александр Аристархович, а опознать... покойного возможно? — запинаясь, полупшепотом уточнил следователь.

— Да и нечего сомневаться. Леонтьев это, Иван Афанасьевич. У него рука сломана была в детстве и срослась неправильно. Я хорошо его помню.

— Спасибо. — и обратившись к нам. — Вам знаком этот человек?

— Нет. — твердо ответила мама.

— А мы только приехали. Даже шансов не было. — прибавила сестра.

Следователь долго мялся, сомневался, а потом все же выдал служебную тайну.

— У нас зарегистрировано несколько исчезновений в прошлом году. Там мещане Леонтьев, Никитин и Фролов, приказчик Тихомиров. Может слышали?

Мы не слышали, но такой мор на мужиков в пределах одного небольшого населенного пункта наводил на мысли.

«Мой дорогой Михаилъ Борисовичъ!

Какъ Ваше здоровьѣ? Я очень скучаю безъ нашего общенія. Особенно въ замкнутомъ пространствѣ.

Мы здѣсь омерзительно прекрасно проводимъ время, чащѣ всего на свѣжемъ воздухѣ. Много гуляемъ. Чертовски много. Сегодня с Люсей нашли трупъ неизвѣстнаго мужчины, а полицейскіе говорятъ, что уже и не первый такой. Можетъ Вы что-то сможете узнать?

И если будетъ такая возможность, пришлите мнѣ намъ шоколадокъ. Только скрытно.

Цѣлую Васъ. И очень скучаю.

Ксенія».

Самое безумное ее послание. Даже телеграфом воспользовалась. Первым порывом было поехать самому, но не для того он всю авантюру поддержал. Больно, конечно, но потом пройдет.

Впервые на службе было настолько тошно.

После отрывистого стука в кабинет вошел надворный советник Фохт с папкой в руках.

— Здравствуйте, Федор Андреевич. — Тюхтяев изучал вошедшего без улыбки, внимательно, словно лошадь покупал.

— Я должен подать рапорт. — Фохт аккуратно положил лист лощеной бумаги.

— То есть прямо вот в отставку собрались? — Тюхтяев откинулся на спинку стула. С утра сменилась погода и ребра ныли, а без Ксюши он в лекарствах плохо ориентировался.

— Полагаю, это станет наилучшим решением. — лицом холоден, взглядом ершист.

— Девятнадцать лет выслуги. За малыми исключениями — безупречная служба. — Тюхтяев перечислял все по памяти, из чего Федор сделал свои, малоприятные выводы. — Вряд ли стоит ломать такую хорошую карьеру.

Фохт молча изучал угол кабинета.

— А как насчет перевода в другой сектор? Дельце здесь одно нехорошее вышло — с мертвецами, прости Господи. Съездите, ознакомитесь. За местной полицией приглядите. Может и присоветуете что. А там, глядишь, и в следственной части вакансия найдется, раз уж в политике Вы разочаровались.

Все же знает, рыжий аспид. Это ж додуматься — с того света за ней вернулся.

— Как прикажете. Куда ехать нужно?

— В Белозерск, Новгородской губернии.

И смотрит так испытующе.

— Сегодня же и выеду.

— Да-да. Можете быть свободны.

Федор вышел и только за дверью разжал кулаки. А Тюхтяев еще долго не моргая изучал филенку двери. И что-то остро ныло под ребрами. Погода, все-таки, в Петербурге — не очень.

Меньше недели тут живем, а уже надоело все до чертиков. И природа эта никчемная, и погода, которая совсем без ума, и я сама, донельзя уставшая от войны с ветряными мельницами. Только совсем тупой человек не поймет природу внезапно проснувшегося педагогического дара Хакаса — нас, а конкретно меня, сюда сплавили из столицы. Просто с глаз долой. Неужели я так безнадежна?

Дима следил за настроением в рядах и давал нагрузку ровно так, чтобы я падала в постель без сна, но во время пробежек в голове пульсировала только одна мысль. В разных вариациях. От меня избавились. Выслали. Заперли.

Это оказалось по-настоящему обидно, что бы я не пыталась себе внушить. Конечно, я могу найти очередное, сто двадцать пятое оправдание бывшему жениху, но доколе мне нужно будет извинять его перед собой? Что я — собачонка, которую можно вот так выкинуть на мороз? Ладно, не на мороз, но все же... От обиды прибавлялись силы, и пробежки уже не казались изощренным мазохизмом. Круг, другой, третий.

Постепенно столица становится бесконечно далекой, равно как и все, что произошло со мной там. А так-то и верно — мы все из одного пространства. Просто заехали отдохнуть в музейную деревеньку.

Бегом, на полусогнутых, ползком, встали, повторили.

А этот небось сидит сейчас где-то в убогом своем казенном кабинете. В тепле и покое.

Еще пять кругов бегом.

И вот уже нет эмоций, когда вспоминаю человека, поставившего с ног на голову мою жизнь. Поступай, как знаешь, Михаил Борисович. Я сдаюсь. Есть только цель, которую поставил командир и я к ней бегу. Да бегу, бегу.

— Барыня, там опять с полиции пришли. — мрачно сообщила Матрена.

Уже привычный, по-своему милый Тихон Иванович Братолюбов с нескрываемым восхищением ловил каждое слово своего спутника, который мрачной акулой рассекал наш двор. Конечно, каждый камушек тут знает, выучил его Хакас на свою голову.

— Анна Степановна, приветствую! — поклонился, ручку поцеловал. С Люсей и Димой поздоровался, на мне остановил тяжелый взгляд. — Ваше Сиятельство.

— Рады встрече, Федор Андреевич. — мама приказала подать еще приборов.

— Господа, мы здесь все по тому делу. — Тихон Иванович не терял надежды удержать в своих руках нить разговора. — Господин Фохт прибыл из Санкт-Петербурга по распоряжению Особого департамента...

— Я сам, — прервал его Фохт и углубился в свои записи. — Госпожа Шестакова и графиня Татищева обнаружили тело мещанина Леонтьева 10 марта сего года?

— Да, Федор Андреевич. — Люська старательно держит серьезность на лице.

— При каких обстоятельствах?

— Мы... — Люся оглянулась.

— Мы гуляли. Очень, знаете ли, полезными врачи считают моционы на природе. —

медовым голосом добавила я.

— Да, конечно, Ваше Сиятельство. — он отметил что-то в записях. — Одни гуляли?

— Да. Господин Хакасидис присоединился к нам позже. Мы каждый день так гуляем. С утра, после завтрака, днем и вечером.

Тут Фохт не выдержал, поймал взгляд Димы и дождавшись кивка уполз бровями под аккуратно уложенные волосы.

— А сам господин Хакасидис?

— Мой жених. — твердо заявила Люся. Первый раз, между прочим, прилюдно это озвучивает.

— Поздравляю вас обоих.

Родственнички устроились поближе друг к другу.

— Вам знаком этот человек?

— Нет. — хором ответили все.

— Ясно. Тихон Иванович, опросите пока прислугу, а я с дамами пройду на место происшествия. — и не оглядываясь вышел из-за стола.

— Ксюх, может ты с ним сама сходишь? — прошептала Люська, натягивая уже непривычную тальму.

— Нет. Он приглашал нас обеих, тем более, это ты углядела этого паршивца. Вот лежал он там с осени, так бы и лежал. — мне тоже диковато было уже в женское наряжаться.

— Ксюш, а ты сама как думаешь, с чего это он вдруг приехал?

— Да понятия не имею. — откуда он вообще свалился на мою голову?

— А вы с ним так и не разговаривали с того раза?

— Нет.

— Так может уже пора?

— Так может уже не о чем?

Мы с Люськой старались не красться, но это уже был рефлекс.

— И чего же вам, барышни, дома не сиделось? — холодно осведомился наш гость.

— Федь, ну здесь-то можно с нами по-человечески разговаривать? — первой не выдержала Люська. — Ты же все уже понял. Димка нас в это болото усадил отрабатывать наблюдение. Вон и яма наша. Можно подумать, ты сам осенью тут не лазил.

— Людмила Михайловна, я здесь при исполнении. — строго осадил он мою покрасневшую сестренку. — И тот факт, что я здесь бывал осенью, не упрощает это дело.

— Вы с Димой здесь занимались? — уточнила я, пытаясь предотвратить еще одну ссору.

— Да. — ответил Фохт не глядя на меня.

— В этом же болотце?

— Тогда все замерзло уже, без ямы обходился. — сложное выражение лица. Ностальгия по более счастливым временам что ли?

Федя ловко скакал по кочкам, рассматривал следы, изрядно потоптанные полицейскими.

— Федь, я тебе как медик могу сказать, что труп тут несколько месяцев лежит.

— Ну не может же быть, что мы оба тут постоянно проходили и не заметили. — он всерьез расстроен тем, что две салаги нашли то, что экспертам не удалось.

— В этом месте плохой грунт. — заметила я, но уже слишком поздно. Превосходные шерстяные брюки до середины голени украсила болотная жижа. — Помочь?

— Обойдусь. Можете быть свободны.

— Федор Андреевич, скоро баня будет готова. Я бы посоветовала воспользоваться, а то простынете, не дай Господь. — беспомощнее, чем хотелось бы, прозвучало.

— Так я знаю, к кому обратиться за помощью. Лекарей в последнее время вокруг меня сверх меры.

Слишком много общается с Люськой, как я посмотрю. Мы пожали плечами и повернули назад к дому.

* * *

Вечером по собственной инициативе бегала по полосе препятствий. Больше, быстрее, еще раз, еще. Темно — и ладно, она мне уже как родная кровать знакома.

— Иди спать, Коза. — невозмутимо произнес Хакас.

— Успею еще.

— Я не предлагаю, я приказываю.

* * *

Из неотправленных писем:

«Михаил Борисович, ты что, офонарел там в столице?»

* * *

С утра вместо прочих развлечений Дима отправил нас посидеть на деревьях. С отличным ракурсом на наше веселое болотце. Психику ли тренировал или еще что надумал, но угадал так, что пора ему карьере игрока попробовать.

Час спустя, аккуратно объехав нашу усадьбу, к кустам подобралась очень интересные люди. Признала я только господина Братолюбова. А вот барышня с ним для меня оказалась открытием. Миниатюрная, пухлощекая блондинка в длинной узкой юбке и изящной тальме, простенькая шляпка явно не красит ее, равно как и пепельный цвет одежды, но о наряде она точно не думает, раз прется прямо по кустам.

— Это же здесь, Тихон Иванович случилось? — тихий, неуверенный голос.

— Да, Апполиария Павловна. — Братолюбов озирался, явно не желая быть обнаруженным.

— Точно, вот здесь. — она встала над самым затоптанным местом, закатила глаза и начала раскачиваться на месте. Я чуть с ветки не навернулась от такой драматургии. — Он страдает. Дух его неупокоен.

— А он не хочет сообщить, кто его сюда приволок? — ну ладно, он блокнотик достал и начал конспектировать.

— Нет. Он очень испуган. Не ожидал, что так быстро все закончится. — и начала оседать на услужливые руки юного следователя.

— Ох, ну что же Вы, Апполиария Павловна, так. — тот неловко и слишком нежно

похлопал ее по щекам. — Разве можно было так перенапрягаться.

И только я приготовилась ко второму акту этой мистической мелодрамы, как появились два приятеля, которые тоже не планировали встретить посторонних.

— Тихон Иванович, я не припоминаю, чтобы разрешал госпоже Осетровой участвовать в Ваших изысканиях. — хищно прищурился столичный чин.

Братолюбов замер нашкодившим щенком.

— Федор Андреевич, не сердитесь. Я только хотела посмотреть на...

— На мертвеца. И пообщаться с его духом. Хватит уже испытывать терпение Вашего папеньки, езжайте домой.

И парочка удалилась под тяжелым взглядом Фохта. А мне вот очень любопытно, что это за доморощенная ведьма с папенькой, которого Фохт явно знает.

Димка ухмыльнулся и широким жестом махнул на полмира.

— Ищи.

А это уже интересно. Федор словно сбросил что-то неуловимо-городское и хищно осмотрелся. У Люськи был шанс, если бы она не начала строить глазки жениху, а я как внедрилась вглубь гигантской расщелины старой сосны, так и не высовывалась с самого начала разборки. Вот инспектор обошел несколько куда более перспективных мест, которые я отвергла из-за ненужного перфекционизма и даже начал нехорошо коситься на командира.

— Ну ладно, поищи нашу графиню, а мы пока погуляем. — вот же редиски.

Уши. Над этим распогибельным местечком нависла тишина. Даже птицы не пели — все же они поумнее людей, и в раннюю весну не поверили.

— Ксения Александровна, Вам помочь спуститься?

Щас, я на такие шутки с раннего школьного возраста уже не ведусь. Он подходит к моей сосне и протягивает руку. Не глядя. Но я-то гордая, столько времени промучилась здесь, могу и сама спуститься. Хорошо, что поймал.

— Я сам на этом дереве прятался. Дмитрий меня даже не сразу нашел. — гордо произнес он.

Посмотрели друг на друга: он весь такой городской, гламурный и я — с раскрашенным грязью лицом, в обновленной кикиморе — рассмеялись. Да, сейчас, когда весь мир так далеко, хочется побыть живыми, наслаждаться сиюминутным. На его лице рассыпались лучки тонких морщинок у висков, удивительные эти ледяные глаза вдруг теплеют от искреннего смеха. Руки бы еще отпустил. Принюхалась — и поняла причину благодушия. Надеюсь, от ящика выпивки, который мы привезли с собой, еще хоть что-то осталось.

— Спорим, не догонишь? — и что же мне в голову приходит.

Куда ему, в городских-то туфлях, да еще под градусом. Но недооценка врага — роковая ошибка, Хакас всегда так говорит. Он испытующе исследует дно моих глаз, наконец выпускает из объятий, снимает пальто, сюртук, разминает суставы. Хорошо, мне тоже есть что сбросить лишнего — и на землю летят кикимора, куртка. Остаюсь в штанах, тонком свитере, вязаном жилете. Даже без корсета — вообще одичала в деревне.

— То есть все же скучаете по этим Вашим джинсам? — ехидно уточняет он.

Мы несемся по высохшим трупикам листьев, громко ломая ветки, срезая углы привычных маршрутов, и вот я уже оторвалась, оказавшись на какой-то безвестной полянке. Где я и куда теперь идти? Безмолвие леса не вызывало паники, как и наличие духа мертвеца. А вот своих порывов стоило пугаться. Отдышалась и практически торжествовала победу, когда из-за дерева на меня рухнула серая тень.

— Нельзя расслабляться. — вот мало было нам одного Димы.

И покатались по траве, причем он одновременно блокировал все попытки сопротивления и защищал меня от ушибов. Сначала я еще пыталась вырваться, лягнуть его побольнее, но опять же, уроки Хакаса у него прошли не зря, а учил его Дима явно всерьез.

Небо и земля сменили место несколько раз, а я все смотрела в эти глаза. Так близко, так доступно. Настоящий разбойник. Волосы растрепались, вспотевший, с диким взглядом, сквозь сорочку чувствую, как бьется сердце и вижу пульс на шее.

Только приоткрыла рот, чтобы сказать что-нибудь разумное, глядишь, и сама бы прислушалась, но у нас дуэт, и сегодня не я веду. Он впился в губы так, что стало ясно — эти четыре месяца он обо мне вспоминал, да еще как. И снова небо и земля меняются местами, раз, другой, третий, оставляя тропинкой отдельные части гардероба. И, стыдно признаться, мне это нравится. Именно неправильное, запретное, эмоциональное. В таком же темпе мы докатываемся до небольшого овражка, где я натываюсь рукой на что-то липкое и склизкое.

— Черт!

Федя отрывается от меня и по лицу понимает, что дело серьезнее, чем неудобная поза. У нашего подснежника нарисовался товарищ.

* * *

И вот как в плохом кино — мы судорожно застегиваем одежду над протухшим трупом, помечаем место находки платком на ближайшем дереве, стараясь не смотреть друг на друга возвращаемся к нашей засаде, собираем вещи и бредем к усадьбе.

— Нам нужно поговорить. — выдавливает он.

— Да. Обязательно. — и когда я начну вести себя разумно?

Спотыкаюсь, он подхватывает меня и более не выпускает руку из своей.

Возвращались мы под недоуменные взгляды всей семьи.

— Анна Степановна, извольте послать за господином Братолюбковым.

Я без лишних слов ухожу в мыльню, где переодеваюсь под прищуром сестры.

— Поговорили?

— Не успели. — бурчу я, до сих пор пребывая в шоке от событий дня.

— Так покувыркаться ты с ним успела, а поговорить — нет?

Оттираю следы разлагающихся тканей.

— Да ничего мы не успели. Там в лесу еще один труп. Очень, знаешь ли, весомый аргумент для перемены темы. — и хорошо, что он все же попался.

— Гонишь! — Люська даже подпрыгнула. — Где?

Я присела на низенькую скамейку перед тазиком.

— Сама не поняла. Вроде бы к северу от болотца. Мы решили побегать и где-то минут десять-пятнадцать гнали во всю силу, ну и наткнулись. Значит где-то километра три.

— Побегать? — хорошо, что я еще умею ее изумлять.

— Мне показалось, что Дима нас хорошо поднатаскал и я смогу его сделать.

— А сделал он тебя, как я погляжу. — она хмуро оглядывает грязь на позвоночнике.

— Не то чтобы... — у меня нет пока слов объяснить, что именно происходит с нами.

— Угу. По-другому у вас все, не как у нормальных людей. Ты, сестренка, учитывай, что его сюда твой Тютхев лично отправлял с этим делом разбираться. Так что с мужиками тебе

определенно прет.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Когда же все это закончится-то? Мало было меня отшвыривать от себя зимой, так теперь еще так...

— Ксюш, ты что? — Люська падает на колени рядом со мной, проверяет пульс и тащит в комнату. — Не психуй, это их самцовые игры, а ты у нас одна, так что забей.

Из неотправленных писем:

«Михаил Борисович, если Вы решили разорвать помолвку, то для этого есть способы и попроще.»

* * *

Успеваю нарядиться в очередное торжественное, на этот раз винного цвета платье с глубоким вырезом, едва закрытым тонким кружевом, выхожу к уже сработавшемуся коллективу.

Братолюбов почти перестал коситься на угвазданные брюки столичной шишки, зато я не производила впечатления дамы, шарахающейся по всяким отдаленным оврагам.

— Ксения Александровна, мне осталось только уточнить мелочи. — он зашуршал страничками. — Вы обнаружили тело неизвестного сегодня?

— Да.

— И снова во время прогулки? — и пытается копировать испытующий взгляд Фохта. Но я столько с Тюхтяевым прожила, что на это уже иммунитет имею.

— Именно так. И у меня вопрос к Вам, как представителю власти. Что же за бардак творится в Вашем ведомстве, если порядочная женщина не может на прогулку выйти без того, чтобы труп не найти? Это в деревне-то. Или, может быть, у Вас так принято на похоронных расходах экономить? — и, пока Братолюбов покрывается пятнами, — Когда граф Татищев, мой свекор, был губернатором Москвы, там такого не было.

Федор иронично поднял бровь. Конечно, семьсот человек за пару минут раздавили — не признак порядка, но мы сейчас не об этом.

— Ваше Сиятельство, это необычайное происшествие для наших мест.

— Да неужели? — и сарказм можно размазывать по бутербродам.

— И мы привлекаем все силы для расследования. — бедный мальчик, он еще пытается защищаться.

— Включая доморощенных медиумов?

А вот теперь он поверит и в то, что я тоже обладаю некоторыми способностями.

— Да, Тихон Иванович, я Вас предупреждал, что далеко не все жители лояльно относятся к мистицизму Апполинару Павловны. — заметил Фохт.

Станный обмен взглядами между ними. Значит не впервой им пользоваться этим странным приемом. И в прошлый раз прокатило. Это у Фохта-то, который моей интуиции раньше не особенно доверял?

— Но раз уж Вы используете любую возможность для расследования, то стоит пригласить эту девочку в нормальные условия, а не по кустам с ней лазить? — подала голос сестрица моя.

Все взгляды обратились на нее.

— Почему бы и нет. — вынесла вердикт мама.

Блестящие идеи у всех сегодня.

— Но я бы посоветовала начать с собак. — пыталась я вернуть беседу в рациональное

русло. Куда там!

— Очень хорошо, тогда мы вернемся завтра с утра.

Даже заметки свои тут же забыл.

А когда после ужина мама попросила меня остаться, тут поневоле чувствуешь себя Штирлицем.

— Ксюш, с этим что-то нужно делать. — со вздохом начала она.

— Два посторонних покойника еще не повод продавать поместье. Но если беспокоишься, можем вернуться в Питер хоть завтра.

— Не валяй дурака. Разберись со своими мужчинами. Пора уже. — она присела рядом. — Кого-то из них нужно отпустить. Пусть живет своей жизнью, раз у вас не ладится. И сама тоже живи своей жизнью.

— То есть ты настроена избавиться от Тюхтяева?

— Не я. Ты сама о нем вспомнила. Или поговори с Федей и отпусти его.

— Да я и не держу. Первый раз с того дня увидела...

Обманывать можно даже себя, но не маму.

— Дай всем сохранить лицо. И про свое не забывай. Не только графине, но и любой уважающей себя женщине не пристало вешаться на каждого, кто рядом.

Вот как в дерьме вываляли. И возражать-то особо нечего.

Ночью поворочалась в постели и уже на рассвете села писать письмо.

«Дорогой Михаилъ Борисовичъ! Въ прошлый разъ я попросила шоколадъ, котораго не дождалась. Попросила информацію, которая осталась вмѣстѣ съ кондитерскими издѣліями, видимо. Зато получила посланца Вашего, который теперь началъ раскрывать преступленія совершенно экстравагантными способами. Морально готовлю заранѣе — такіе вещи въ отчетахъ писать не стоитъ. Тѣмъ временемъ трупы всё прибываютъ. Плохой климатъ въ этомъ уѣздѣ для лицъ мужского пола.

А теперь о серьезномъ. Я очень старалась, но убѣдить Васъ въ томъ, во что не хотите вѣрить — невозможно. Я устала отъ нелѣпыхъ провѣрокъ и недовѣрія. Давно, еще до встрѣчи съ Фроломъ Матвѣвичемъ, успѣла прочитать очень хорошую книжку испанскаго писателя, имя котораго Вамъ ничего не скажетъ. Тамъ удивительно точная мысль озвучена «Когда ты любишь что-то — отпусти. Если оно твое — вернется, если не вернется — никогда твоимъ и не было». Поэтому отпускаю Васъ.

Ксенія».

Запечатала конверт и разревелась. Все правильно, но как безысходно. И теперь уже я сама стала чувствовать себя на сто тридцать девять лет. Памятуя о непредсказуемости реакций, подстелем соломки.

«Мой дорогой рара!

Меня обезпокоило поведеніе нашего общаго друга. Пока у меня нѣтъ возможности выѣхать изъ деревни, поэтому прошу приглядѣть за его физическимъ, и, особенно, душевнымъ состояніемъ. Возможно, онъ слишкомъ переутомляется на службѣ, или есть еще какіе причины, но очень меня онъ беспокоитъ.

Всегда Ваша Ксенія».

Следующий день пронесся как шапито с командами КВН психиатрической клиники. С утра мы втроем пробежались к оврагу. Тело уже увезли, но следы кое-какие остались.

— Случайно, значит, нашла, да? — уточнил Хакас.

— Не поверишь, на живца. — отшутилась, но поводов для смеха немного. — Дим, вы же

с ним тут все осенью облазили. Было что?

— Ну не знаю. Заметных трупов не было.

— Посмотри, Дим, сейчас март. По виду первый товарищ месяца два при плюсовой температуре загорал. Значит с октября-ноября. Вы тут как раз в это время были. — Люсе было очень важно блеснуть познаниями в патанатомии. Я-то помнила, как она неделю в морг зайти боялась.

— Люсик, но сразу два трупа мы не могли проглядеть? — его было даже немного жаль.

— А что, если эти трупы оказались здесь не сразу?

Мои спутники резко остановились.

— Ты сейчас о чем? — с подозрением спросил Хакас.

— Если даже мы с Люськой такие везунчики, то вы двое за месяц бы точно наткнулись на что-то. Снега много было?

— Когда приехали — практически нет. Потом выпадало, но подтаивало. — припоминал наш герой.

— Предположим, покойнички не слоны, приходящие умирать в наши края, а кто-то им помогает. Здесь не самый оживленный перекресток, значит нужно либо искать прямо в усадьбе, или кто-то их сюда притащил. Зимой на санках это делать сподручнее. Тем более, тогда и в имении нас не было. И из этого следует что?

— Что они где-то лежали раньше в другом месте. — провозгласила Люся.

— И это тоже. Но самое главное — нам позарез нужна собака-ищейка. Первый труп — случайность, второй — совпадение. Если еще кого сыщем — точно серия. Народ, кажись, нам привалила деревенька с маньяком. — я обняла их, и мы двинулись обратно

* * *

К трем часам приехала пафосная делегация — Братолюбов, Фохт, местная ведьма и плотного телосложения русоволосый богатырь с аккуратной бородкой.

Собаку, что характерно, не привезли.

Папенька нашей даровитой экстрасенши, Павел Александрович Осетров, служил почетным мировым судьей, а заодно в нескольких других общественных организациях, и явно смущался повода для нашего знакомства. Я за столом присутствовала в качестве почетного павлина — родственница графа Татищева, без пяти минут фаворитка князя Алексея Александровича (намек на это Люська запустила от полнейшей безысходности, но сработало же — на меня впоследствии чихнуть боялись. И только Федя косился еще хуже).

Ужинали здесь при свечах, что создавало особый романтический ореол — Люська с Хакасом этой романтики наелись уже лет на десять вперед, думаю. А мне вот не хватает романтики и объекта ее приложения.

От нечего делать начинаю строить глазки приехавшим, вызвав приступ смущенного кашля у Братолюбова и осуждающий взгляд Фохта. Что же, и тебя поддразнить можно. Незавершенность прошлой встречи возбуждает еще больше, чем прошлогодний пятимесячный опыт, и вот уже надворный советник поперхнулся раз, другой, отложил вилку и углубился в негромкий разговор с Димой. Ничего, у нас еще много веселого впереди.

После застолья мы прошли в гостиную, где за ломберным столом наша героиня пыталась пристроиться с доской Уиджа. Мне тридцать лет, на какую хрень я трачу время! Но

все держали лицо, расселись кружком и началась перекличка.

— Дух мещанина Леонтьева, приди к нам... Дух мещанина Фролова... Дух мещанина Никитина... Дух приказчика Тихомирова...

У парней сегодня был явно перерыв. Короче говоря, с доской не получилось. Господин Осетров краснел, смущался, Братолюбов волновался, Фохт хранил невозмутимость. И только я собралась как-то особенно едко охарактеризовать наше времяпрепровождение, как барышня рухнула на столешницу и глухим голосом произнесла.

— Ищите. Нас. Ищите. Мы здесь.

И отрубилась окончательно.

Началась суэта, носились слуги, вальяжно подошла Люська, крайне скептически относящаяся вообще к любой мистике, включая наш переезд, похлопала припадочную по щекам и нашатырем привела в чувство.

Скомкалась вечеринка.

Утро нам принесло двух полицейских с собакой и к обеду нашлись еще два трупа. Я этот вариант и без спецэффектов озвучивала.

* * *

И снова та же компания, но на этот раз уже без папеньки — как же не доверить дитя таким хорошим людям — снова обходит наши владения. Точки обнаружения трупов не имели ничего общего — на схеме они не давали ни прямой линии, ни круга, как это обычно показывают в фильмах. Первого обнаружили в прибрежных камышах в паре километров от усадьбы, второго в сухом овражке в пяти километрах от дома и в трех — от первого, третий прикрыт еловыми ветками на запад от первого, четвертый нашелся в старой медвежьей берлоге.

— Что Вы сказали, Федор Андреевич?

— В пятистах шагах к северу от второго. — договорил надворный советник.

— Я не против. В чем он нашелся? — мы тут шарахаемся целыми днями как в привычном выхолощенном двадцать первом столетии, когда дикие животные скрываются по заповедникам.

— В медвежьей берлоге. — спокойно произнес Фохт.

— А здесь водятся медведи? — очень осторожно уточняю у местного населения.

— Да, Ваше Сиятельство, мужики каждый год по несколько шкур продают на ярмарке. — радостно подтвердил Братолюбов.

— Господин Хакасидис, нам бы неплохо проехать в уезд в ружейный магазин. — трогательно улыбнулась я Хакасу с убийственным выражением глаз. Тот недоуменно пожал плечами, мол, мелочи все это. А я вот ездила в командировку в Аткарск, где принимающая сторона помимо традиционного стола от избытка чувств сводила нас на экскурсию в местный маленький, но гордый зоопарк, в котором жил Медведь. Тварюга в два с лишком метра роста, если на задние лапы встанет, начала чесать спину о прутья клетки. Сталь с большой палец толщиной ходила ходуном. А когти там вообще inferнальные, что по остроте, что по размерам.

— Ксения Александровна, лично Вас ружье не спасет в случае чего. — язвительно сообщил Федя. — Им пользоваться нужно уметь.

И я с ним... Я его... Я для него...

Одними губами сообщила Диме «Учимся стрелять. С утра». Тот неопределенно пошевелил рукой.

— От медведя Вам, Ксения Александровна, больше горсть перца бы помогла. — советует командир, опираясь на опыт родственников.

— Вот здесь. — остановила я нашу команду у рокового овражка.

Апполиария Павловна не реагировала, поедая глазами моего любовника.

— Госпожа Осетрова, можете приступить. — ехидно произнесла Люська.

Бездонные прозрачные серые глаза ненадолго отвлеклись от титулярного советника. Да она же влюблена по уши! Проверим сейчас.

— Федор Андреевич, позвольте.

Смахиваю невидимую соринку с плеча и замираю от этого взгляда. Ах, все же было что-то у нас особенное, было. И вот он совершенно непристойно касается губами тыльной стороны ладони.

Нас отвлекает хруст сломанной ветки — Апполиария все-таки сорвалась.

— Догоняйте барышню, Федор Андреевич, а то бедовая она у Вас. — я еще могу улыбаться, значит не все потеряно.

* * *

Утешивший малолетнюю ведьму Фохт появился уже после полудня и постарался обойти молчанием утреннюю ситуацию. Что ж, вольному воля. Мы, напрочь игнорируя пост, устроились вчетвером у печи с парой бутылок вина.

— Попробуем объединить информацию. — начала Люська, увлеченная новым делом.

— Четверо мужчин. Леонтьев, Иван Афанасьевич, мещанин, тридцати шести лет, женат, трое детей. Никитин, Дормидонт Саввович, уездный писарь, сорока шести лет, вдовец, детей нет. Фролов Петр Никитич, помощник аптекаря, 28 лет, холост. Тихомиров Андрей Викторович, приказчик в галантерейной лавке, тридцати одного года, помолвлен. — зачитал Федя.

— Пропали одновременно? — заинтересовался Дима.

— За неделю, с 12 до 18 октября, но поврозь.

— Здесь есть какие-то места, где мужчины из разных социальных групп собираются вместе? — выдала я.

— Белозерский мужской клуб? — съехидничала Люся.

— Не думаю. — ухмыльнулся сыщик.

— Бордель, охота, рыбалка, карты? — у меня нет иллюзий по поводу нравственности малых городков.

— Никаких общих точек. Я уже проверил.

— А внешне похожи? — я все-таки ратовала за маньяка и это было весело. Будь покойники молодыми девицами, точно испугалась бы. А так можно поиграть в детектива, будучи защищенной своим полом.

- Ничего общего. — Фохт долго изучал бумаги, но раз уж так решил, то мужиков трудно перепутать.

Посидели, опустошили бутылки и разошлись.

Поздним вечером у дома останавливается недорогой потертый экипаж, откуда робко выходит женская фигурка. Так, сегодня Люська бежит без меня. Апполинария тихо возникает в дверном проеме библиотеки.

— Что же, Апполинария Павловна, если хотите, можете разложить свои карты. За этим же пришли? — я опять в образе роковой вампирши, и это настолько нелепо, что отдает гротеском.

И смеяться бы, не плодись по округе вполне реальные трупы. Это для меня они безликие мещане, торговцы, крестьяне, а для кого-то — отцы, мужья, братья, сыновья. Подобный дешевый треш надо побыстрее заканчивать. А девица эта слишком увязла уже во всей истории. Вон, раскладывает пасьянс Таро, а ручки-то подрагивают.

— Вокруг Вас смерть, Ваше Сиятельство. — прошептала Апполинария.

— Есть такое дело, милочка.

— Вы не от мира сего. У Вас нет прошлого, а будущее одновременно очень разное.

— И тут угадала. — нас тут этаких полная коробочка набралась.

— На Ваших руках кровь невинных.

А тут ты, девочка, не права. Невинных нет. Но репутация злодейки требует жертв. Молча зловеще улыбаюсь. Случись нам всерьез соперничать за сердце Фохта, я сделаю тебя. Вот точно знаю — сделаю, в пыль разотру. Теперь смогу. Кто бы мог подумать, что я стану такой отрицательной героиней! А что — черная вдова, убийца, авантюристка, аморальная и циничная особа. Ты же домашняя, тургеневская барышня, и не притворяешься такой. Даже вудуизм твой основан на искренней вере в духов, а может и вправду видишь что. Но Федя тебя ломает, даже не заметив, если станет разрываться между нами. Что же делать с нами всеми?

— Рядом с Вами человек, вернувшийся с того света.

— Не по своей воле. Да и вряд ли только один.

Она покопалась еще в колоде и с недоумением уставилась на меня.

— Этот, кто мертвый, любит Вас. И он... он тоже... — губы дрожат, на глазах слезы.

Подрастешь — и себе сможешь такой же паноптикум завести.

— И такое тоже бывает.

Она попробовала разложить другую схему пасьянса и расстроилась еще больше.

Я только лениво и безучастно наблюдала за ее попытками сохранить самообладание. Мне тоже было над чем подумать — ни одного письма в ответ на мои я не получила. То есть он меня отделил в этом загоне, как бы не старались мы приукрасить наше поместье, покуда все именно так, и пригнал сюда нашего племенного быка. Кто бы мог подумать, что я настолько цинична — но когда тебя низводят до скотины, у которой нет ни собственного мнения, ни собственных чувств, вариантов остается немного. Я все еще люблю тебя, Тюхтяев, но уже начинаю ненавидеть.

— Вы с моими призраками пообщались уже?

Она кивнула.

— Много интересного рассказывают?

Опустила голову.

— Вот когда мы разрешим нашу основную проблему, тогда и начнете меня обличать во

всяком разном. Только вот улик не будет. Так что сосредоточьтесь на более близком душегубце.

Она еще немного повозилась с картами, потом помедитировала, но особо внятного результата не получила.

— Вы, моя дорогая, попробуйте выспаться. Глядишь, мысли в порядок и придут.

Она уходила, низко опустив голову. Пожалеть бы, да что-то не хочется.

За завтраком мама поинтересовалась у Димы ходом их с Фохтом изысканий.

— Да бестолково все, Анна Степановна, пока получается. Совершенно разные люди.

— Городок тут невеликий, все друг друга знают. Что-то же их связывало. Да и сюда их вряд ли случайно завезли. — гигабайты прочитанных и просмотренных детективов не могли пройти бесследно. — Возможно, они делали вместе что-то такое, о чем предпочитали не распространяться.

А что, версия не хуже и не лучше других.

Начали трясти прислугу. Матрена — мрачная баба лет сорока, что могло в реальности означать и 25, и 30 — долго выслушивала мои расспросы, а потом отрезала, что посторонних мужиков не знает. Люська тоже не преуспела в извлечении информации из деревенских, а Дима лишь покурил с конюхом и выяснил, что в конце прошлой зимы что-то непонятное приключилось на мельнице, что в полутора верстах от Громово. Там мельник повесился, а жена его захворала. Да и после хвори странно себя вела, предпочитая отказываться от работы, лишь бы людей пореже видеть. Больше ничего необычного в округе не происходило лет несколько.

Какое отношение к четырем городским трупам могла иметь мельница, я не понимала, но раз опять же ничего не остается... Димка отправился на мукомольное предприятие с Фохтом, настрого запретив нам даже нос высовывать наружу. И отмазки, что нас прикрывают вторичные половые признаки не сработали.

Вернулись мальчики озадаченные и явно с пустыми руками.

— Странно, как же одна, пусть и крепкая женщина, справляется с такой махиной? — у Хакаса всегда был очень практичный подход к любым проблемам.

— Привычная. — отмахнулся Фохт.

— Ну что? — мы с Люськой плотоядно смотрели на мужчин, а те, словно назло, смаковали обед.

— Ничего. Покойников она не знает, ибо все больше с крестьянами общается. — сообщил лукаво улыбающийся Дима.

— А мужик у нее с чего лапти склеил? — у Люси вообще нездоровый интерес к вдовству. Насчет Пети она меня в свое время долго пытала.

— Говорит от тоски.

— То есть на пустом месте взял и затосковал? — изумилась я.

— И такое бывает, Ксения Александровна. Для кого-то пустяк, а кому — петля. — холодно бросил надворный советник и мы все покосились на него.

Неужто тоже в петлю лез? Нет, серьезно? Хотя этот, если что, застрелился бы, полагаю. А еще вероятнее — полез на такой рожон, чтоб наверняка не вернуться.

— Глупо это. Жизнь дается не для того, чтобы ее на помойку выбрасывать. — резюмировала я и поднялась из-за стола. — Дим, бегаем сегодня?

— А то как же? — оживился наш мучитель.

Мы с Люськой живо переоделись и отправились шерстить окрестности в сопровождении надзора — теперь Дима старался держать нас в поле зрения, а в компании Феде это было куда веселее. Раз уж походную одежду ему выделил, то это явно не пятиминутное мероприятие. Я заметила, что господин Фохт курит практически наравне с

Хакасом, а это о многом говорит. В царствование Николая Александровича курение стало модной привычкой, раз уж Его Величество с обедни выскакивает на перекур, а ведь это при склонности к аневризме — пассивное самоубийство. Но и запрещать ему что-то я не в праве.

Покосилась на бывшего любовника и прибавила скорость.

— Коза, не вырывайся.

— Раньше сяду, раньше выйду. — огрызнулась не подумавши, и дальнейший путь продолжала уже петляя вокруг каждого встреченного дерева.

Люськин зад скрылся впереди, а за мной надзирал Федя.

— Вам, Федор Андреевич, умный человек курить не рекомендовал. Для сосудов головного мозга это крайне вредно. — пропыхла я.

— Вряд ли это должно Вас беспокоить, Ксения Александровна. — он не торопясь достал следующую сигарету, закурил и так же вальяжно пересек очередную мою заячью петлю. В общем-то предсказуемая глупость.

— А вот теперь попробуй с сигаретой догнать.

Хоть сейчас-то я смогу его уделать?

Наплевав на наказание, я пустилась наутек, сначала к усадьбе, но не особенно выкладываясь, и позволяя Феде сохранить иллюзию превосходства, а там обманном маневром выскользнула из его рук и действительно сумела его обогнать возле командира.

— Стоять! — одернул меня Дима. — Чего опять выделяемся?

Вот как объяснить это? Поэтому просто потупила взгляд.

— И ты тоже хорош. Нечего ее провоцировать. — тут огреб и гость. — Но раз уж вам обоим энергию девать некуда — до дома по-пластунски. К лету как раз управитесь.

* * *

Как ни странно, но скорость этого членовредительства у нас оказалась примерно одинаковой. Первые метров пятьдесят мы преодолели молча, а потом началось.

— Как же это вам вообще в голову взбрело таким заниматься? — сварливо прошипел надворный советник.

— Захотелось. А то скучно в городе. — огрызнулась я.

— Вы, Ксения Александровна, делаете все, чтобы не выделяться из своего круга, верно?

— Я в меру эксцентрична. После двух взрывов и экскурсии на войну вполне простительно. — вот, кстати, да.

Естественно, немного смухлевала, и, задрав попу повыше, на локтях и коленях прибавила ходу.

— Вы нарушаете правила. — тяжелые ладони сомкнулись на самой высокой точке и аккуратно прижали ее к земле. Причем не поясницу трогал, что характерно.

— Я выполняю поставленную задачу. — чуть-чуть меняю траекторию, чтобы оказаться подальше. — Локти и колени не отрываются от земли, остальное лишь недочеты при исполнении. Нам, между прочим, полторы версты еще пилить.

На четвереньках оно как-то бодрее пошло, хотя штаны придется заменить завтра. Да и локтям этот марш-бросок на пользу не пойдет.

— Ксения Александровна, а сами перекурить не хотите? — предложили мне через двадцать минут сдержанного пыхания.

— Капля никотина убивает лошадь, а хомячка разрывает в клочья. — просипела я.

В ответ на озадаченный взгляд пришлось разьяснять соль шутки. Он хмыкнул, но докурил и только после этого вернулся на дистанцию.

— Мы, взрослые, серьезные люди, ползаем в грязи. — ворчал чиновник.

— Не так уж тут и грязно, подморозило ночью. Добротная сухая грязь, Федор Андреевич, не гневите Господа. — по привычке начала препираться.

— Ксения Александровна, успокойтесь, Вы ее не продаете. — сквозь зубы ответили мне.

— Точно! Мы можем продавать грязь! До израильских курортов тут далеко, а грязь Мёртвого моря будет обходиться только в транспортные расходы. — осенило меня.

А вот господин Фохт поджал губы. Его всегда напрягало мое вульгарное желание зарабатывать на любой идее. Все же где-то под черепушкой засел стереотип воздушной чувственной красавицы, которая не пукает, не знает, откуда берутся деньги и лишь восторженно взирает на мир. Как уж на меня запал — явно без промысла Врага рода человеческого не обошлось.

И только я размечталась о грязевом обогащении, как левый локоть уехал в сторону, и я таки нашла свою маленькую лужу всем подбородком.

И смешно, и грешно. Кое-как оттерла лицо платком, скорее всего лишь размазывая грязь еще больше.

— Помочь? — раздалось еще ближе, чем я думала.

Мне протянули фляжку с алкоголем, который куда лучше справился с очисткой лица.

— Все? — я выжидающе уставилась на него. И это было так по-домашнему, что защемило где-то между лопатками.

Он осмотрел щеки, забрал платок, аккуратно оттер остатки и ненадолго застыл. Я с интересом наблюдала за сменой выражений лица и оказалась изумлена почти приказным тоном.

— Вперед. Верста сама себя не проползет.

Как скажешь. И еще несколько десятков деревьев остаются позади.

— Друг мой, а мы точно в ту сторону ползем?

Были вокруг именья тропы, которые волшебным образом то подходили к строениям, то удалялись от них, и обидно проползти мимо дома с песнею.

Он приподнялся, просветлел лицом и все же чуть сменил направление.

— Здесь можно срезать путь.

Спустя еще полчаса я не выдержала.

— В мое время говорили о женском топографическом кретинизме как о неспособности сочетать отдельные части тела и умение ориентироваться на местности. О, как же люди заблуждались.

— Вам часто говорят, что Вы невыносимы? — глухо раздалось справа.

— Вполне-таки выноσιма. Я довольно худенькая и вынести меня может почти любой мужчина старше 14 лет, особенно если через плечо перекинуть...

И эти шуточки я бы еще долго продолжала, но он так и сделал. Поднялся, протянул мне руку, и когда я доверчиво вложила свою ладошку в его, рывком подбросил на плечо.

— Да что Вы творите-то! Мы же почти доползли.

Оказалось, что не совсем. Половину времени мы потратили на строительство громовской кольцевой тропы. Сопротивлялась я для видимости, вяло, потому что и руки, и

ноги отваливались. Ему вряд ли легче, так что...

— Отпустите меня. — тихо прошу его левую лопатку. — Тяжело же.

— Выносимо. Проще, чем выслушивать Ваши придирки. — чуть приглушенно сообщили моей пятой точке.

— Федь, мы вдвоем намного быстрее дойдем. — может хоть на имя среагирует? Ведь детский сад же.

— А ты спешишь?

Он остановился и аккуратно поставил меня на сухой участок. Тюхтяев, зачем ты это все устроил? Эта мысль изрядно отрезвляет. И злит, честно говоря.

— Федя, ты если что хотел сказать, то говори. — наконец я выбрала, чем прервать эту нехорошую тишину.

Буравит меня взглядом, прожигая до пяток.

— Я столько хочу... И сказать тоже. — голос хриплый, жаркий, обволакивающий.

Видимо от переизбытка невысказанного руки убирает за спину. Да и мне вот так лопатками к дереву куда спокойнее. Задушив робость и смущение выдерживаю его прямой взгляд. Зрачки то сужаются до булавоочной головки, то расширяются, делая глаза внезапно темными — психует же, молча, про себя.

— Почему ты такая? — горько произносит он после этой дуэли взглядов.

— Какая? — что же на этот раз окажется не так?

— Невозможная. То нежная, то колючая, до добрая, то чудовищная. — мать моя муравьяха, это же сколько комплиментов за один раз.

— Это, Федя, потому что живая. Если человек одинаков во всем и долго, его стоит потыкать палочкой: вдруг помер, а мы еще не в курсе. — назидательно высказалась я.

Рассмеялся, запрокинув голову. Открыто, искренне. А ведь у нас получилось, что мы не жили без призраков: попервоначально я скрывала о себе самое важное, в моем времени он был придавлен открытиями, когда вернулись — наша связь оказалась настолько неудобным обстоятельством, что оба слишком многое заминали, потом нависала тень Тюхтяева, теперь не тень, а живой статский советник. И лишь здесь, географически спрятавшись от условностей и ограничений, мы дали себе волю.

И я смеялась вместе с ним.

Он подошел ближе, дотронулся до щеки, погладил ее.

— Неумная. — прижался губами к моей скуле. — Дикая. Безумная. Обожаю тебя.

Мы можем долго-долго стоять здесь, растягивая нежность. Не секс, но настоящую близость. И на этот раз он не рвется вперед, форсируя все мои эмоции, дожидается пока руки лягут на его торс, а губы сами приоткроются навстречу. Вот тогда он принимает меня как дар, как обретенную ценность, откапывает тело из-под одежды, целует каждый сантиметр находки, упивается ощущениями... И это ярче, сильнее, эмоциональнее, чем когда-либо.

Когда ноги перестают подкашиваться, я отпускаю свою надежную опору. Вопреки прежнему опыту, даже не остывший от секса, он настроен как охотничий пес.

— Что делать будем, Федя? — а ведь не поверит, что после октября я сумела сохранить ему лояльность. Сама бы не поверила.

— А чего ты сама хочешь? От меня ты что хочешь? — он нависает надо мной так, словно не было сейчас того потока любви. Злой, обиженный. — Я бы еще понял, если бы сбежала, перестала общаться. Но ты появляешься, словно ничего не было. Я не могу тебя

понять.

Добро пожаловать в мой клуб. Я тоже не могу понять, что делать. Стремление усидеть на двух стульях обычно приводит в травмпункт, и я семимильными шагами иду к финишу. Выбраться из такого тупика, в котором мы сидим с осени непросто, ибо как ни закичивалась я на Тюхтяеве, Федю помнила. И не только как постельную игрушку. Но не предлагать же им весело жить втроем? Тут, конечно, есть и такие люди, вспомнить того же Алексея Александровича, Зизи и ее мужа, но даже моих затуманенных гормонами мозгов хватит, чтобы догадаться, что Федора Андреевича Фохта, Михаила Борисовича Тюхтяева и Menagé à Trois не стоит связывать в одном предложении. Если изолироваться от любого из них, я могу попытаться убедить себя, что он мне не нужен, но события последних дней подтверждают, несостоятельность этой политики. И пока получается, что Тюхтяев прав, страсть у нас с Федей есть, но хватит ли ее одной? С рассудком-то у обоих перебои.

Я смотрю на него и вижу не почти правильный прямоугольник лица с высеченными из камня скулами, четкую линию подбородка, тонкий прямой нос, выразительные брови, пронзительные глаза, высокий лоб, прямой почти безгубый сейчас рот, а восторг и ужас в моем городе, умиление наших первых свиданий, смех от каких-то наших шуток. Может, и не стоило возвращаться? Устроились бы там как-нибудь, обошлись бы без этих сложностей. Да и статский советник целее бы остался.

— О чем ты думаешь сейчас? — он резко сбавил обороты. — У тебя такое лицо...

— Я вижу все, что с нами было. Безумная же история. И прекрасная. — провожу ладонью от виска до ключицы.

— Но ты отдала все это в обмен на своего Тюхтяева. — горько прошептал он.

— Я не переставала любить тебя. — сформулировала таки и пошла домой. Окаменевший надворный советник так и остался в перелеске.

* * *

— И где Федя? — невинно поинтересовалась Люська.

Я только пожала плечами. Раз не пошел вслед за мной, то продолжать беседу не намерен. Вольному воля. Я за последние месяцы уже так устала от этих странных мужских самокопаний и самозакапываний, что хочу теперь жить одним моментом. Есть что сказать — говорю, нечего — молчу. Хочется что-то сделать — делаю. Не хочется — лежу и смотрю в потолок. Или вот бегаю — тоже хорошо помогает от саморазрушения.

— А если его сейчас убить, то на тебя не сразу подумают. Раз тут маньяк разбушевался. — пошутила сестра, но как-то неудачно.

Вечером Федя так и не вернулся. После ужина мы в глубокой задумчивости созерцали его сюртук, брюки, котелок, портфель с бумагами, а я в сотый раз пересказывала весь наш день. И где же оно, мое личное пространство?

— А может просто психанул и отправился в город? — предположила я.

— Вряд ли он бы рискнул появиться в таком наряде на люди. Гламурный же, чтоб ему. — заключил Хакас и опечалился. До сумерек обошел округу, а с рассветом собрал оружие, оделся попроще, чмокнул Люську и отправился на поиски.

Я прислушивалась к интуиции, но за Федю беспокоилась куда меньше, чем за Диму. Действительно, к обеду тот приехал в сменной одежде, отводил от меня взгляд, но быстро

оживился, когда обнаружил пропажу товарища. И тоже сгинул на поиски.

Люся психовала, я не знала чем ее утешить, когда на пороге появилась Апполинария.

— Чем могу помочь, сударыня? — не очень-то гостеприимно отозвалась я.

— Мне сказали... Господин Хакасидис сейчас там, где были все погибшие. — она несколько смущена нашим недружелюбием, но в свои слова верит.

— Где он? — Люся подошла к ней вплотную, и пусть в весе гостье уступала, но худая, тонкокостная, мускулистая, зашибла бы.

— Там, где ветер и белая пыль. — процитировала она чье-то высказывание, глядя в пустоту.

Мельница.

Люська уже одевалась. Я тоже, а куда бы деваться. Жаль, оружия нет, но мы и ножами попробуем обойтись. Тем более нас не зря же готовили.

Апполинария, как выяснилось, сама приехала в экипаже, так что выдвинулись мы троим. Она и дорогу знала, и причину нашла. Клад, а не девка. По пути она косилась на меня, а я вспоминала Федькины поцелуи и примеряла их к ней. Интересно, как далеко у них зашло? Вряд ли он с ней спит, здесь в этом отношении нравы могут быть консервативнее, чем в Петербурге. И о любви вряд ли говорил, обычно девочкам позднепубертатного возраста полунамека хватает, чтобы все самостоятельно надумать. Что же теперь мне предпринимать? Да и стоит ли вообще пытаться что-то делать? Покуда все сами успешно портят себе жизнь — к чему мешать людям...

— А что мы будем делать? — спросила самая юная участница экспедиции.

И это действительно важный вопрос. Однажды очертя голову я уже ходила в незнакомый дом, но в компании с умным сильным мужчиной, и то еле выкарабкались. Эх, мужчина, если бы не ты, сидела бы сейчас в своем клеверном домике и ждала тебя к обеду.

— Там живет одна женщина. Начнем с нее и спросим, не видела ли чего. В конце концов нас трое. — оптимистично заявила Люся.

— Если что не так — оглушим, а потом нас Тюхтяев отмажет — не менее самоуверенно резюмировала я. В любом случае план неплохой.

Мельница — это сильное место. Во-первых, она здоровая, как подводная лодка, выброшенная на берег. Во-вторых, тут редко кто бывает весенней порой, поэтому признаков жизни нет совсем.

Люся на ходу спрыгнула с коляски и побежала к двери.

На стук вышла очень яркая брюнетка лет тридцати — тридцати пяти. Я сразу почувствовала собственную женскую несостоятельность перед такой статью, фигурой и истинно царскими манерами. Глаза глубоко-серые, словно бархатистые, густые ресницы, безупречная кожа, красиво очерченные губы, лишь в уголке рта перебитые небольшим шрамом. Кто же посмел на такое совершенство руку поднять?

— Чем могу служить? — холеная белая рука легла на резной косяк.

— Мы новые владельцы Громовской усадьбы. Людмила Михайловна Шестакова и Ксения Александровна Татищева. — затараторила сестра, бесстыдно обшаривая глазами внутренние помещения, что сумрачным фоном виднелись за спиной хозяйки. — Наш гость, Дмитрий Хакасидис, вчера отправился в вашу сторону и пропал. Вы с ним случайно не виделись?

— Хакасидис? Какая фамилия непривычная. — глубокий гортанный голос словно пел каждое слово. Будь мужиком, слушала бы ее, забросив все дела.

— Он грек. — подала я голос.

— Гре-е-ек. — протянула хозяйка. — Ясно. Да, проезжал, но остановился и решил дождаться помощи.

— Что с ним? — всполошилась Люся.

— Да ногу наколол, вон в горнице сейчас. Добро пожаловать!

* * *

Приветливо распахнула дверь и пропустила нас внутрь.

Вот это порядок. Мельница стоит на воде, и ожидаешь сырости, но всюду чистота, порядок и свежий воздух. Нам отворяют очередную дверь, пропускают вперед и плотно закрывают за Апполинарией. Тьма и тишина.

— Эй, уважаемая, Вы что? — затарабанила сестра по двери, но куда там. Так глупо попались — как безмозглые вымершие птицы додо. Это же как втроем-то сгруппили!

— Влипли мы. — констатировала я. — И спасти нас некому. Федя уехал давно, Дима, скорее всего, сидит как мы, а Тюхтяев о нас узнает через пару недель, не раньше. Надо было хоть маму предупредить, а то она на него сейчас не очень благосклонно смотрит. Так бы хоть телеграммку отбила, он на наше спасение всю королевскую рать отрядит. — оптимистично расписывала я своего рыцаря в сияющих доспехах.

— Ага, как расследовать дело — Фохта отправил, значит спасти тебя вообще непонятно кого выдал бы. — рассмеялась Люся.

Я представила команду мечты под руководством господина Оленищева, горного инженера, написавшего пару моих портретов и безнадежно влюбленного еще во времена сватовства Тюхтяева. словно в позапрошлой жизни все было. А ведь памятли еще времена, когда я тихо жила в лавке провинциального саратовского купца Калачева и вообще не касалась этих сумасшедших интриг. Как причудливо изгибается жизнь, и сейчас она повернулась к нам явно не самым светлым боком.

— Люсь, что у нас есть?

— Ножи. Да и будь револьверы, здесь нет внутреннего замка, фиг что отстрелишь, кроме как себе ногу.

Вокруг нас царила непроглядная темень. Телефон с фонариком остался дома, так что пришлось ощупывать место вручную. Даже когда нас с Тюхтяевым тогда заперли в подвале, под потолком висела керосиновая лампа, а роковая мельничиха оказалась прижимистей.

— Эй! — заколотила в дверь сестра. — Ты почему нас-то заперла, если мужиками интересуешься?

Минут через десять раздались шаги и певучий голос сообщил, чтобы мы помалкивали. Целее будем.

— Они все четверо напали на нее. — безжизненным голосом сообщила доселе молчавшая ведьма.

— То есть эти четверо протухших трупов изнасиловали нашу хозяйку, а она решила отомстить? — мотив понятен, и достоин уважения, если честно. Я бы тоже себя жалеть до смерти не захотела.

— Как это своевременно с их стороны признаться! — Люська пыхтела, расковыривая тяжелую древесину у петли.

— Это не они. Это муж ее рассказывает. Он видел все, но вмешаться не мог. Потому и руки на себя наложил. — этот синхронный перевод с потустороннего уже напрягает.

— Вот дурочка, если бы рассказала сразу, мы бы ей помогли, да просто бы зарыли их и все бы забылось. — подала гениальную мысль Люся. — А Дмитрий-то ей зачем?

Апполинария помолчала.

— Он же мужчина. Приходил сюда, смотрел, вопросы всякие задавал. Она теперь не очень хорошо к мужчинам относится.

— Глупо было бы думать иначе. — вздохнула моя младшенькая. И как же Хакас справился с тем, что она пережила? Я ни разу их не спрашивала об этом, но Люська закрыла ту страницу своей биографии и живет дальше. А мельничихе с женщиной не повезло.

Люськин нож сломался и с матюками она изъяла мой.

— Апполинария Павловна, сейчас самое время вызывать Ваших призраков. — прошипела главная воительница. — Пусть уже сделают что-нибудь.

— Я не умею так. Они или сами приходят, или нет. — расплакалась девочка.

Не то все. Неправильно. Сами же пришли — и за чем? За этим? Он огромный, сильный. Руки не барские, со шрамами — значит злой. И когда выпрашивал всякое с дружком своим — все на дом косился. Чует, небось — зверь. Рука не поднимается убивать того, кто не причастен, но как иначе-то? И этих трех надо куда-то деть... Увести бы... Или самой уходить.

Женщина расхаживала по комнате, бормотала себе под нос и не выпускала колуна из рук. В углу горницы, приванный к той самой лавке, лежал чужак. Получеловек-полузверь.

— Ты зачем так? — неожиданно тихо спросил он.

— Надо. — бросила женщина и еще быстрее зашагала по кругу.

— Девчонок-то отпусти. — не может он просить за других. Это хитрость какая, обман.

— Молчи!

— Те люди обидели тебя или твоего мужа? — продолжал ввинчиваться в виски его голос. Полузверь словно и не был распластан для свежесвания, участливо смотрел на нее. Так смотрел лишь муж на заре знакомства.

А отчего бы и не поговорить?

— Они? Они не обидели... — выдавила из себя женщина и села чуть поодаль, прямо на выскобленный пол. — Пришли и взяли, что захотелось. В своем праве были... А опосля я свое право взяла.

Он замер, но смотрел против ожидания без ужаса или отвращения.

— Лучше бы сразу сказала. Придумали бы что-нибудь вместе.

Что он городит? Какое вместе? Нет у нее больше этого «вместе», оно до сих пор с матрицы свисает...

— Поговори с Люсей. Это рыженькая. — с каким-то непонятым выражением лица произнес полужверь. — Она тебя поймет и вообще... Ей тоже с тобой поговорить полезно.

Рыжая? Да пронырливая, как лиса, за своего убьет, по лицу видать. Это что же, ее зверя поймала?

Она рассматривала его — явно нездешний. Верно говорили, грек. Волосы темные, лицо широкое, глаза чуть раскосые. Вроде с первого взгляда простой, а присмотришься — ох, и хитер.

— Дальше-то что думаешь? — осведомился чужак.

— Дальше?

Она не думала про дальше. Муж таких указаний не давал. Убив зверей и раскидав их туши по заброшенному поместью, она ежевечернее садилась у стола, зажигала лампу и ждала. Час, другой, спина затекает уже, а он все не идет.

— Их начнут искать. Полиция придет. Тебя и так уже подозревают, а тогда уж и сомнений не останется. Уходить тебе надо. — деловито посоветовал он.

Полиция? Этим-то сюда ход заказан. И тогда еле дождались урядника.

— У тебя же цель была, верно? — уточнил пенник. — а теперь не знаешь, куда дальше идти...

Она закрывает ладонями уши, но его голос продолжает проникать под темя.

— Что дальше? Что дальше Что дальше?

Она тихо подвывает в такт его словам, и вой этот становится се громче, громче, громче... И весь мир повторяет за ней, лишь пленник продолжает задавать свои ужасные вопросы.

К ночи стало совсем холодно и мы втроем плотно прижались друг к другу. Засыпать категорически нельзя, но клонит невероятно. Мы с Люсей уже и попели хором, и попинали друг друга. Поленька отодвинулась подальше и участия в играх не принимала, зато мы отрывались. Поэтому крики и возню слышали не сразу.

— *Эй, там к тебе пришли. Стучат, слышишь?* — с горечью в голосе произносит зверь. *А мне бы хоть куда теперь, только подальше от него. И я с облегчением встречаю бесцветный взгляд у порога.*

— *Позволите, сударыня?* — он берет ее за плечи, бережно, но твердо и передает с рук на руки серым шинелям.

Дверь из проема вылетела и криво рухнула к ногам спасательной бригады.

— Федор Андреевич! — девушка с полустоном повисла на его шее, держась как пассажир «Титаника» за последнюю шлюпку, а он смотрел в мои глаза и не прятал взгляда.

— Нет, ты погляди, какая драматургия. — шипела Люська, карабкаясь по двери к Хакасу. Тот, чуть потрепанный, морщащийся при резких движениях шеи, но определенно живой, был одновременно сердит и счастлив.

Я молча взирала на всеобщее воссоединение и испытывала одну лишь усталость и только покачала головой, когда чуть помедлив, сильные мускулистые руки кольцом обхватили старомодную накидку. Да уж поцелуй ее наконец, раз так выбрал.

Господин Братолюбов с горечью в глазах побитого щенка неотрывно смотрел на Апполинарию, оккупировавшую моего любовника. Что, мой провинциальный брат, отвезешь меня домой?

* * *

Вернулись в усадьбу затемно уже, огребли заслуженных подзатыльников от мамы, причем все трое, и отправились спать.

Утром я проснулась рано и с тяжелой головой. До мозгов начало доходить, что решать надо не с мужчинами, а начать с себя. И понять, что и кому я могу дать. Пока выходило, что только неисчерпаемый источник хлопот и головной боли, сдобренный спонтанным сексом, истериками и неумными фантазиями. Да, есть еще приданное, но оба они как-то немеркантильны. Вдруг мама права и нужно отпустить обоих, ведь оскорбительно для всех — тянуть эту волюнку дальше.

А ведь начинала я это приключение целеустремленной, крепкой к невзгодам неваляшкой, которую каждый удар только подстегивал, чтобы подняться и навалить обидчику. А теперь что? Депрессивная истеричка, лишившаяся двух хороших мужчин, способная испортить все за считанные секунды. Когда я так сломалась? Неужели убийство подкосило, или все же смерть любимого?

Столкнулись мы в библиотеке — самом запущенном помещении усадьбы. До сих пор по углам паутина, а книги по уму надо все просушивать и только после этого думать, что еще можно спасти от плесени, а что сразу отправится в баню на растопку. Но мне очень хочется хоть чем-то заняться прямо сейчас, поэтому и начинаю разбирать полки. Люська заперлась с Хакасом и поминутно проверяет, жив ли любимый мужчина, поэтому мне никто не мешает. Тургеневская усадьба, мать ее, очарование легкого запустения, поскрипывающие балки, запыленные окна. Когда-нибудь здесь будет очень хорошо, и Люська с Димой проведут здесь прекрасные годы. Я вот только не решила, стоит ли возвращаться. Да и сейчас — а надо ли ехать? Или забиться в эту нору и не вылезать вовсе?

Дверь открывается и плотно закрывается за спиной вошедшего. Идет ко мне хозяйски, чуть снисходительно глядя на разрывающие старую бумагу пальцы. К черту книги, к черту здравый смысл. Все к черту!

Долгий взгляд и расстояние между нами сокращается само собой. Шаг, другой, стена. Одна ладонь слева от моей щеки, другая — справа. Обдает своим мускусным запахом, ароматом шальной весны и ноткой табака. Дышит глубоко, тяжело, зрачки чуть расширяются и вновь сворачиваются в булавоочную головку.

— Теперь не спрячешься. — громко шепчет он.

Хватает чуть приподнятой брови, чтобы спокойствие рухнуло.

И ведь целует, как последний раз в жизни, так, что я повисаю в воздухе, и иной опоры, кроме него нет. Да и иных путей, кроме как сквозь него — тоже нет. И некуда идти, если он рядом. Незачем.

Он одновременно нежен и ненасытен, ласков и неумолим. Как в свое время я управляла его безумием, так же ведет меня сейчас по тропинке удовольствия. Потрясающе чувственно. Так, что я выгибаюсь дугой и рычу в его шею, умираю и воскресаю в этих объятьях, плачу и улыбаюсь сквозь слезы. Невероятно круто, словно американские горки между отчаянием и восторгом. И отчего-то удручающе пусто и глупо, когда все заканчивается.

Мы распластаны на вытертом ковре, который, без сомнения, когда-то был гордостью персидской семьи, но тому минуло лет пятьдесят плохого ухода, так что теперь это просто пестрая пыльная тряпка, ставшая саваном нашей истории. И вот мы молча изучаем потолок, с его лабиринтом трещин, полустертой лепниной.

Я пытаюсь разобраться одновременно и в себе, и в том, что теперь между нами, но оба направления уходят в вязкий туман, так что попыталась просто поговорить.

— Почему ты пришел сегодня?

Отличное начало разговора. И крайне своевременный вопрос. Он уже показал и сделал все, ради чего пришел. На шесть баллов, между прочим, постарался. Теперь или уходить в закат, держась за руки или расставаться навсегда. Но Фохт умел меня изумлять с первой же встречи.

— Тебя это точно заинтересует. — он достает из внутреннего кармана сюртука небольшой сверток.

Для обручального кольца не подойдет, но дыхание у меня все равно сбилось. Резко приподнимаюсь, так что даже голова на мгновение закружилась.

«Выпись из метрической книги.

Октября, 16 дня, 1874 года.

Имя родившагося: Анна (незаконнорожденная). Званіе, имя и отчество родителей и какого вѣроисповѣданія: вологодская мѣщанка Кечаева Анна Ильинична, православная.

Званіе, имя, отчество и фамилія воспріемниковъ: вологодскій мѣщанинъ Савень Иванъ Карловичъ, вологодская мѣщанка Устинова Марія Петровна.

Кто совершилъ таинство крещенія: сей церкви священникъ Іоаннъ Сергіевскій».

И простенький серебряный медальон. Открываю и руки разжимаются сразу — у меня на шее та же женщина в кусочке золота столько лет.

— Так не бывает. — отрезаю я.

— Бывает, как показывает опыт. Не тебе бы упрекать мироздание. — устало произносит он. — Иван Карлович Савен — художник, рисовавший ее портрет. Так и сошлись. Госпожа Нечаева умерла вскоре после родов, и о девочке заботился отец. Потом занедужил и передал ее своей экономке. Та растила как свою, замуж выдала за молодого разночинца, тот все мечтал народ осчастливить, вот в мельники пошел после инженерного-то училища. И так все вышло... Твоя порода, не скроешь...

Сестра. Еще одна моя сестра. Ну то есть не моя, но... Моя, чья же... Я так проросла в жизнь Ксении Нечаевой из Симбирской губернии, что порой с трудом могу отделить от нее Ксению из Саратова две тысячи пятнадцатого. Я сразу все они — и бедная утопленница, и потерянная жительница провинциального мегаполиса, и изобретательная петербургская выскочка. Но в последние двенадцать месяцев мне немыслимо везет на сюжеты индийского кино. Банально и смешно, не будь все так грустно. И воскресший жених, и приехавшие издалека родственницы, и теперь вот обретенная сестра... Даже один из этих сюжетов всегда вызывал у меня гомерический хохот при просмотре сериалов, а тут три бомбы — и в одну воронку. Так не должно происходить, но живые доказательства расплзлись по комнатам старой усадьбы, неодушевленные лежат в моих руках, а самое удивительное заперто в строгом кабинете на Гороховой.

Вспомнила нашу встречу с ней — красивая, куда интереснее меня. Похожа на мать. Осанка, выдержка, сила воли — я в такую только играла, а она живет. И вновь к трагедии сестры я приложила руку. С Люськой связь метафизическая, а тут уж совершенно очевидная.

— Что я могу для нее сделать? — это ж мы виноваты, что она попалась. Я виновата, что уж говорить.

— Ничего уже. — и с некоторым сочувствием даже продолжает. — Удавилась ночью. Вслед за мужем пошла. Любила, видимо.

Нет!!! С горла словно содрали всю слизистую и теперь каждый вздох оборачивается дикой болью. Я погубила ее. Несчастную женщину изнасиловали, растоптали ее душу и сломали всю жизнь, предали остракизму за случившееся с ней несчастье, и в уплату за честную месть просто убили. Не верю я в эти тюремные самоубийства после истории с мужем моей кухарки.

Я ищу его руку, но он не отвечает на мой жест. И не уходит.

— Скучаешь? — все же он мне родной человек, хоть так все и запуталось.

— Время от времени. — он изучает облезлые стены. — Не могу привыкнуть, что моя любимая женщина оказалась способна на такое вероломство. Мы ведь доверяли друг другу.

Ну не настолько, чтобы удержать себя от интрижки с маленькой девочкой в провинции.

— Да.

— А это предательство. — вот что его мучает. Значит про мою вольную ему не

рассказывали.

— Это милосердие, Федя. Если бы ты нашел меня в таком состоянии, гниющей заживо в жалкой лачуге, то бросил бы? — Молчание. Да, судить со стороны легче. — Вообще, если бы ты нашел меня такой? И не после второй операции, когда не страшно подходить, а вначале, когда это был ад кромешный.

Оживив в памяти ту ночь, когда нашла его, понимаю, что ни на секунду не сомневалась в том, что надо что-то делать. Да, порой было страшно, порой сомневалась в способах, но мыслей тупо бросить все и умыться руки не было. Хотя и Тюхтяев на это рассчитывал, и Федя тоже был бы счастливее.

— Вы узнали о нем еще до нашего отъезда? — и ответ он уже знает.

— За несколько дней.

— Вот и все. — он нервно потирает висок.

— И что мне нужно было говорить? «Федя, милый, я тут случайно нашла своего мертвого жениха, только он живой, но уже в процессе? Поэтому давай я его возьму домой выхаживать, а ты езжай себе спокойно». Люська не была уверена, что он даже одну операцию переживет. — оправдываться глупо, но как еще объяснить это.

— Ты пришла в мой дом, легла со мной в постель, призналась наконец в любви, и при этом думала о нем. — как гвозди в крышку гроба заколачивает.

— Нет, Федь. Там я думала только о тебе. И была честна в своих чувствах. — Ну и дрянь же ты, Ксюша. Хватит мотать нервы мужику, отпусти.

— Вы... любите его? — вот уже как, на Вы опять перешли.

— А для Вас это важно?

Непонятная гримаса.

— Калеку?

— Он не калека. — И пусть большая часть его проблем заметна, но он хотя бы не выплескивает ненависть на других.

— В чем он лучше меня?

— Он не лучше и не хуже. Но он меня принял такой, какая я есть. С моим прошлым, настоящим и будущим. А у тебя это не получилось. — есть, конечно, нюанс: принять меня Тюхтяев смог, а вот жить теперь с таким сокровищем отказывается. — Тебе оказалось проще из маленькой впечатлительной девочки недостижимый идеал лепить.

— Но я... — он замолчал.

— Но ты нашел себе влюбленную девочку, причем нашел еще до того, как вернулся в Петербург, поэтому хватит пенять на Тюхтяева. Сейчас тебе хватает совести одновременно поддерживать в ней какие-то надежды, и захаживать ко мне. Зачем? Потому что хочется того, что она не даст? — самой тошно, но я усугубляю еще больше, подходя к нему ближе и горячо шепча на ухо. — Ты же меня хочешь, но так, чтобы в постели я была именно такой, развратной, дерзкой, а в остальное время превращалась в тихую, кроткую, влюбленную дурочку. — прикусила ухо сильнее, чем рассчитывала, до крови. — Или ее хочешь, но, чтобы она в постели творила все то, что мы только что? И сам смириться с этим не можешь. Только сейчас самое время определиться с выбором, потому что я это терпеть больше не намерена, равно как и не намерена быть кающейся Вавилонской блудницей на фоне тебя в небесном сиянии.

Он резко отшатнулся, оставляя тонкий след из бисеринок крови.

— Прощайте, Ваше Сиятельство.

— И Вам всего наилучшего, Федор Андреевич.
Поговорили просто замечательно.

* * *

Фохт уезжал, и я наблюдала за этим из окна. Эта идеально прямая спина, четко выверенные движения, руки сжаты в кулаки, под перчатками не видно, но я знаю, что пальцы побелели, наверняка глаза чуть прищурены, а губы плотно сжаты. На подъездной лужайке чуть замер, и сердце пропускает удар — вот обернется, а я тут пялюсь. Небось и выражение лица совсем не то, которое пристало женщине гордой и самодостаточной. Но нет, сдержал порыв и целеустремленно двинулся в Белозерск, где в красивом доме с правильного происхождения и воспитания жильцами его, без сомнения, встретят и утешат. Апполинария точно порадует, да что там, найдет любую возможность развеять его меланхолию. Прекрасно я разрешила все противоречия своей личной жизни. Блестяще. Мама, гордись!

* * *

— И вот знаешь, чисто по-женски я ее понимаю. Ограничься она насильниками — попробовали бы замять дело.

Вот сегодня Люся себя здорово переоценивает. Конечно, за время горения одной спички успела закопаться в прошлогоднюю траву, и мнит себя Джеймсом Бондом и Перри Мейсоном сразу.

— Не замяли бы. До Петербурга дошло, там такое не пропустят. — об этом разговаривать куда проще, чем о Федине визите. Глядя на мое лицо, о нем и не заговаривают, но тайком точно шушукуются.

— Ну и ладно, помогли бы. Но она же на Димку позарилась. Которого и в стране не было, когда с ней это приключилось. — именно это обстоятельство вымораживало сестру сильнее всего, хотя, казалось бы, ей точно к несправедливости уже можно было привыкнуть.

— Несчастливая женщина, что и говорить. — я не стала раскрывать все секреты покойницы, но оставила священнику столько денег, что церковь можно в два слоя покрыть новой черепицей, так что вечерком возле двух крестов — покосившегося и новенького, прошла служба. Отец Анисим помолился о покойниках как о потерявших разум — есть такая лазейка для суицидников. И пусть из зрителей я пришла одна, на душе стало полегче. Чуть-чуть.

Вот так и закончили свой земной путь сестры Нечаевы. Одна в стылых волжских водах, а вторая в петле белозерского каземата. Может и впрямь кто проклял их?

— Опаньки. — прошипела Люся, прислушиваясь к далеким голосам. — Кажись, у нас внеочередная проверка.

Я только вопросительно подняла брови и Люська спародировала манеру господина Тюхтяева чуть наклонять голову при разговоре. Не может же этого быть? Но к нам приближались две фигуры, каждая из которых вызывала любовь и ненависть. Каждая по-своему. Нет, но Тюхтяев-то тут какими судьбами?

Я лежу под камуфляжной сетью и слежу за ним. Вот он уже почти не прихрамывая идет по тропинке, бросая быстрые взгляды на Хакаса. Чуть морщится и изредка прикасается к голове — вроде бы раньше она не болела, или опять что-то скрывал.

* * *

— Как Вам природа, Дмитрий Сергеевич?

— Прекрасные тут места, Михаил Борисович! — да он издевается.

Медленно прошлись прямо по нам, обсудили виды на урожай, погоду, сравнили климат здесь и в Греции.

— Дмитрий Сергеевич, а как наши барышни?

— Неплохо, знаете ли. За последние четверть часа они Вас могли устранить раз сорок.

Мой ранее ненаглядный хмыкнул, и Хакас слегка шевельнул пальцами. Трава слева от Тюхтяева взметнулась вверх, позволив Люське приложить к его шее кусок коры, имитирующей нож, а я подкатилась к ногам и нацелила свое палкоружье в те части, которые только что отремонтировали. Не каждый день на человека смотрит смерть, которой ты задолжал так много объяснений.

Изумление и восторг. Ну не сразу, а когда опознал в этих бесполох замарашках петербургских салонных кошечек.

— И это за три недели? — он рассматривал наши наряды и выправку.

— Сами понимаете, бойцы из них — так себе. Но кое-что смогут.

— И Вы можете подготовить таким же образом и мужчин?

— Нет. — Хакас расхохотался. — мужчин готовить проще. Там щадить не нужно.

По-моему, Громово скоро станет синонимом Ада в МВД.

* * *

Оказывается, Тюхтяев приехал в сопровождении господина Гроссе, который был очень рад меня встретить. Хоть один мужчина искренне мне рад, без всяких тайных умыслов и застарелых обид. Мы с удовольствием щебетали под озадаченным интересом статского советника. Хотя я обошлась без флирта, мне последних дней хватило уже, обстановка за столом сложилась так себе. Только присутствие архитектора как-то разряжает атмосферу настороженности.

— Я приехал сообщить, что договорился насчет экзаменов для Людмилы Михайловны. — наконец сообщает загадочные мотивы своего появления наш пришелец. Серьезный такой, официальный.

— Это очень мило с Вашей стороны. — очень вежливо, значит мама.

— Только нужно возвращаться — первое собеседование через четыре дня. — и приветливо улыбается моей сестре. Нет, он у нас теперь добрым крестным-благодетелем заделался что ли?

— Спасибо. — За ужином мы с Люсей были необычайно тихи и прожорливы. Вообще на этих inferнальных каникулах хотелось только есть и спать, причем подальше от среднерусских пейзажей. Тюхтяев с подозрением оглядывал нашу компанию.

— Дмитрий Сергеевич, а Вы их кормите чем-то особенным? Во времена моего лечения барышни бывали куда разговорчивее. — спросил он, дождавшись, когда мама и Гроссе покинут наши тесные ряды.

— Нет, Михаил Борисович, я их просто кормлю.

— Изверг. — тихо буркнула Люся сквозь зубы, а я только искоса посмотрела на командира.

— Да, родная? — ухмыльнулся мой будущий зять.

Нарушение дисциплины. Пусть в доме у нас нейтральная территория, но все знают, чем это наказывается. И вот очередные двенадцать кругов вокруг имения.

— Птаха, ты же не страус, тише. — а сам курит на крыльце. — Коза, не срезай круги, я все вижу.

Вот обиднее всего, что он справедлив. Нагрузку дает на грани возможностей, зато эти возможности с каждым днем увеличиваются. Прежде чем что-то требовать, показывает сам. Придирается к ошибкам, но и хвалит за их преодоление. И даже не догадывается, какие фантазии посещают мою голову по утрам. В родном времени я уже бы озолотилась на сценариях жесткого БДСМ.

Михаил Борисович стоял рядом и с легкой тревогой наблюдал за нашими маневрами. Вот Хакас протянул ему сигареты — да обалдел что ли вконец?

— Даже не думай ему курить давать! — вырвалось у меня так резко, что командир даже чуть дернулся, а гость растерянно улыбнулся. Жаль, игнорировать совсем не получилось.

— Это не слишком? Все же женщины... — донеслось до меня на очередном круге.

— Сейчас это не женщины, а бойцы.

После пробежки нас заставили продемонстрировать навыки маскировки, скрытого перемещения и метания ножей, за что прилюдно похвалили. Приятно, черт возьми. Сравнивая Люську образца приезда и сейчас, даже я вижу разницу. Если сама хоть вполовину от этого продвинулась, то уже круто.

После баньки мы с сестрой вдвоем проковыляли мимо некогда любимых мужчин, невнятно попрощались и расползлись по комнатам. Он что, всерьез только за Люськой приехал?

* * *

Четыре часа, а меня не будят. Невероятно, но наш изверг же уезжает сегодня, небось понежится с утра. Раз все равно проснулась, тихо одеваюсь — можно и прогуляться поутру, теперь самой хочется побегать. Хотя бегать же не обязательно, можно и пройтись, так что попробуем стряхнуть пыль с юбки. После отъезда Хакаса придется изменить некоторые привычки и давать нагрузку на легкие быстрым шагом, а не бегом, уметь быстро перевоплощаться из бегуни в барыню, да и вообще вспомнить, кем я живу тут уже пятилетку. От этих невеселых мыслей забурчало в животе, поэтому в утренний маршрут пришлось включить и кухню. Когда все в доме спят, еда по определению вкуснее.

И надо же было наткнуться на Тюхтяева именно такой — полуодетой, голодной и нахохленной. Тот устроился на маленьком потрепанном диванчике, и, признаться, здорово дополнял мебель — тоже не очень презентабельно смотрелся — беспомощный во сне, с более четкими морщинками на лбу, мрачно опущенными уголками губ, которые за щетиной

почти не видны, но я уже умею угадывать их положение.

Караулит мой сон, даже не разделся. Трогательно-то как! Или опять больно, а он терпит. Что ж ты, человек-свин, так с собой и со мной обходишься? Ведь и Фохта прислал, чтобы нам с ним друг от друга деться некуда было. На что рассчитывал? Доволен тем, что получил? Когда уже перестанешь мной играть?

Шрамы практически зажили, тонкой паутиной покрывая правую часть лица. Без огромных рубцов это уже не пугает, так что он и в самом деле почти как новенький. Отеки на носу спали, а вот тени под глазами намекают, что и в мое отсутствие он редко отдыхает. Неслышно (теперь я этому научилась) подхожу, трогаю кончиком пальца подбородок, губы. Он просыпается и сначала долго смотрит на меня.

— Доброе утро.

— Вы опять не высыпаетесь толком. — ворчу я, игнорируя приветствие и касаясь теней под глазами.

— На этот раз было приятно. — нерешительно погладил мой висок, улыбнулся. — А там работы всегда больше, чем времени.

— Хотите прогуляться? — не стоит нам беседовать в доме, раз я за себя не ручаюсь, и наговорить могу всякого.

Он с недоумением рассматривает серую хмарь за окнами, но пожимает плечами, и мы выходим на крыльцо. А зябко сегодня. Молча догуляли до полуразрушенной беседки. Надо будет попросить Гроссе сделать что-нибудь с ней — вид отсюда необычайно хорош.

— Михаил Борисович, помните историю с козой? — надо же с чего-то начинать.

Иронично приподнятая бровь.

— Как думаете, у меня с тех пор фантазия оскудела? — не знаю, конечно, что подобрать адекватное. Не жену же выписывать с того света. Хотя Апполинария, например, мехом вывернется, чтобы помочь в таком деле.

— И мысли такой не держал. — улыбается, но как-то неправильно, не как всегда.

— За себя не боязно? — а ведь сержусь, на самом деле. И на него, и на себя.

— Уповаю на Ваше милосердие. — потом долго молчит прежде чем выдать. — В письме Вы упомянули цитату из, насколько можно понять, ненаписанной пока книги. Что Вы имели в виду?

И он, по сути, является самым лучшим аналитиком в своем министерстве. Понятно, почему эти люди проворонили революцию — они ее просто не заметили. Что я имела в виду? Что написала, то и имела. Но как теперь-то ему объяснять очевидное? Даже надежный сарказм отказал на этот раз.

— Я люблю Вас, неужели не догадываетесь? — зачастила я с этим признанием в последние дни, но сейчас точно не вру.

Он еще несколько секунд общается с внутренним голосом видимо, или просто сверяет ответы со своими выводами.

— Но почему Вы этого никогда не говорили?

Вот это поворот! Умнейший человек оказался таким болваном. Я так и замерла с возмущенно приоткрытым ртом. Нет, формально он прав, ни разу за это время я не говорила о чувствах, и когда соблазняла, и в том подвале, даже когда выхаживала его — чаще ругала. Даже в постели молча выслушивала все его признания и только улыбалась. Но догадаться-то можно?

— А что, были другие версии?

Он опустил взгляд. Когда-нибудь потом обязательно надо спросить, какие. Хотя, чего тянуть, я и так наоткладывала слишком много вопросов.

— Так что Вы себе надумали?

Он осторожно присел на останки скамейки и протянул руку, усаживая меня рядом.

— Когда я обсуждал свои намерения с Николаем Владимировичем, он решил поговорить с Вами первым. — начал он самый нелепый рассказ.

— Да. — до сих пор улыбаюсь, как вспомню тот разговор.

— Я был уверен, что это он вынудил Вас принять мое предложение. — грустно произносит он. — Граф, он умеет быть убедительным.

Он что, всерьез это? Я рассмеялась и долго не могла остановиться.

— Михаил Борисович, Вы, взрослый, неглупый человек, всерьез полагаете, что граф смог бы сделать нечто большее, чем убедить меня выслушать Вас? Принудить к тому, что я сама бы не захотела делать?

— Но господа Маффеи ди Больо и Монтебелло? — потерянно уточняет он. Неужели к этим ревнует? Неужели вообще ревнует? Хотя если вспомнить Оленищева, да и театр тоже... Но то когда было-то!

Можно подумать, он верит в наш жаркий секс.

— И чего они дождались, кроме ночи страсти с рогатой барышней?

Тишина, в которой почти слышно обрушение сложных смысловых конструкций в этой рыжей голове.

— Мне очень нравится в этом времени трепетное отношение к женщинам, пусть даже оно распространяется только на свой круг. Но почему нужно додумывать несуществующие вещи, если можно спросить? — Я закипала на глазах, ведь это из-за глупых сомнений мы до сих пор застряли непонятно в чем. — И если уж совсем неудобно вопросы задавать, то подумайте: граф не стоял над моей душой, когда я обнаружила Вас на своем крыльце. Не он водил меня на Васильевский остров. Да и на Охту я дорогу сама нашла. Знаете, до этого разговора я была убеждена, что Вы — умнейший человек в моем окружении. А только что этой уверенности нанесен серьезнейший урон.

Смотрю на него в искреннем недоумении, но он сам ошарашен еще сильнее.

— То есть это все — и жест одновременно и на себя и вокруг. — не потому, что тогда пообещали Его Сиятельству выйти за меня?

— Николай Владимирович известен своим интриганством, так что вряд ли сказал Вам, что *тогда* я категорически отказалась вступать в брак. С любым претендентом. Наотрез. И все, что произошло дальше — исключительно Ваша заслуга, не его. А Вас, наверное, еще в подвале по голове приложило сильнее, чем мы все думали. — шиплю ему и в слезах вбегаю в первую попавшуюся постройку.

Веранда, заколоченная изнутри, чтоб ей. Проверяю дверь еще раз — точно, там изнутри еще шкаф придвинут. До сих пор плохо ориентируюсь в этом архитектурном месиве. Лучше бы Димка нас по зданию гонял.

Бестолковая я, и правильно меня все бросают. Говорю не то, что надо сказать, и делаю не то, что надо делать, дурочка великовозрастная. Наверное, уже и не поумнею. Но прятаться на середине разговора глупо. Одновременно накатывает тоска, опустошенность, голод и огорчение. Я оборачиваюсь, и дверной проем загораживает его силуэт.

Вот если сейчас опять отправит меня в постель, укроет одеялом и скажет какую-нибудь душеспасительную чушь — прибью к чертовой матери, и свалю на эту несчастную

сумасшедшую. Думаю, Братолюбов не откажет в такой малости.

Но он осторожно, словно по тонкому льду, идет вперед, берет мои безвольные руки в одну свою левую, подносит к лицу. Даже до взрыва его таким неуверенным не припомню.

— Прости меня, девочка.

А я уже не нахожу сил радоваться или надеяться на что-то кроме очередной ласковой манипуляции, поэтому пропускаю тот момент, когда он теряет свое проклятое самообладание. На этот раз он сам целует, сам обнимает, сам шепчет что-то несусветно-ласковое. Когда только слова-то такие выучил?

Расплетает волосы, зарывается в них лицом и выныривает прямо перед моим лицом. Взгляд с тоскливого сменился на немного шалый, ищущий. Когда касается губ, я даже не верю в то, что это не сон, самая весенняя греза, но левая рука сминает одежду на спине. Да неужели? Я опираюсь ладонями на его грудь, чуть наклоняю голову, чтобы растянуть этот поцелуй, ловлю его губами и этот кареглазый вихрь сносит меня с ног падая на большую дубовую скамью.

Даже после всего, что случилось за эти полтора года, я вдруг ощущаю себя счастливой. Все правильно. Все живы. И пока мы достигаем абсолютного взаимопонимания, хмарь рассыпается совершенно диким снегопадом. Масленица не сгорела и вернулась отомстить.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Как зовут твоего командира? (греч.)

Я не говорю по-гречески. (греч.)

Мне очень нужно с ним встретиться. Передай ему. (греч)

Это хорошо (фр.)